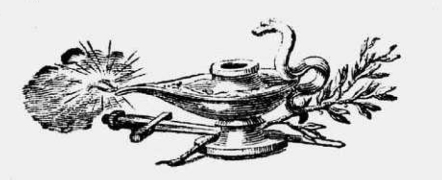
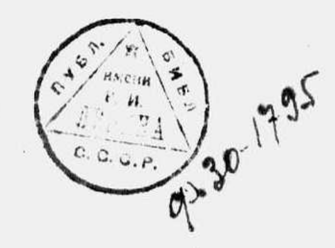
ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ,

*Вадима**

МОСКВА.
Въ Типографіи Семена Селивановскаго.
1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Іюня 11 дня 1834 года.

Ценсоръ М. Каченовскій.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

Я былъ младенцемъ — и предо мной раскрылась дивная книга, полная невыразимаго величія, полная гармоническихъ звуковъ. Она начертана не бѣдными словами людей, но хребтами горъ, но океанами, обнявшими землю, рѣками ее избраздившими, свѣтилами, разсыпанными въ безпредѣльной синевѣ; ея звуки — громы небесные и пѣснь вольной птички и завыванье дремучихъ урмановъ; ея картины — вершины горъ, перепоясанныя облаками, и цвѣтущія долины, и пустынныя безбрежныя степи! — Эта книга — Природа.

Она дана человѣку Творцомъ, — и счастливъ кто умѣетъ въ ней читать и, читая, тонетъ въ безпредѣльности блаженства!

И я, младенцемъ, читалъ въ сей книгѣ, и я благоговѣлъ предъ ея величіемъ! Я кажется слышалъ біеніе сердца вселенной, чувствовалъ, какъ разливалась гармонія жизни въ безконечности цѣлаго! — и каждый атомъ моего тѣла и вся душа праздновала день своего рожденія. И роскошь природы и грозная буря— все было для нее торжественнымъ пиромъ!

Разольется ли ранняя заря и оживетъ день,— и хоры птицъ молитвою прославятъ Создателя, и живые цвѣты наполнятъ упоительнымъ дыханьмъ свѣжій легкій воздухъ — я утопаю въ наслажденьи, я сливаюсь чистою душою съ Богомъ. Я утопаю въ наслажденьи когда буря раскинетъ свой черный шатеръ, и змѣистое пламя разсѣчетъ его сводъ, падетъ на вѣковую сосну, пробѣжитъ по ея иглистымъ вѣтвямъ, поднимется какъ привидѣніе въ своей кровавой багряницѣ — и, шатаясь, тускло освѣтитъ борьбу враждующихъ стихій. . . О, какъ много гармоніи, какое величіе въ небесной грозѣ!

И я, младенцемъ, благоговѣлъ предъ нею: она наполняла душу какой-то силою и вливала въ нее дивныя мечтанья! А расказы о законахъ природы, о жизни народовъ, расказы, кипѣвшія мыслями и свѣтлыми чувствованіями,—разказы отца (священной памяти котораго посвящаю сіи воспоминанія), еще болѣе, еще сильнѣе оживотворяли мою душу.

Мнѣ хотѣлось постигнуть тайны Природы. — Я ненасытимо вслушивался въ сказанья о вѣкахъ минувшихъ и мысль — познать жизнь всѣхъ племенъ, вездѣ быть, все видѣть неутолимой жаждой запала еще въ младенческую душу.

Какъ часто бывало, въ толпѣ, одинокій
О чемъ-то столь ясно, такъ сладко мечталъ:
Казалося, видѣлъ я край тотъ далекій,
О коемъ лишь дивныя рѣчи слыхалъ!

Какъ часто, ребенкомъ, я приходилъ на высокой берегъ Иртыша — и подомной катились его кристальныя воды; онѣ, кажется, безмятежно покоились на лонѣ опрокинувшагося неба, — лишь только игравшая рыба порою бросалась изъ прохладной глубины въ раскаленный, безграничный океанъ воздуха,—и поверхность рѣки дрожала, и расходилась широкими кругами, и снова засыпала. Далѣе раскидывались луга, осыпанные движущимися людьми; вправо синѣлъ темный боръ, еще правѣе расстилался низменный Сузгунъ, испещренный деревнями;* влѣво Тоболъ несъ въ дань Иртышу свои черныя воды; далѣе за 90 верстъ, едва замѣтно, виднѣлась Липовская

---

* *Сузгунъ* — низменная полоса земли, по теченію Иртыша, на правой его сторонѣ, верстахъ въ 7-ми ниже Тобольска. Здѣсь живутъ и Русскіе и Татары.

гора; вся окрестность была облита живительнымъ свѣтомъ солнца, воздухъ дышалъ нѣгой и роскошью, — и я, упоенный величіемъ природы, безотчетно предавался какой-то неопредѣленной мечтѣ, какой-то неясной надеждѣ!

Какъ часто въ палящіе дни лѣта кидались мы въ глубину Иртыша, и насъ обхватывала прохладная влага и пѣна и брызги, и, упоенные, мы снова поднимались на крутизну горы, прямо къ обгорѣлому дому бывшихъ Сибирскихъ Воеводъ; * карабкались на окна, и сквозь желѣзныя рѣшетки бросали камни въ огромный барабанъ, обтянутый мѣдью — и барабанъ стоналъ въ своей темницѣ. Намъ расказывали, что онъ сбиралъ своимъ страшнымъ голосомъ дружину Ермака и за недостаткомъ пороха замѣнялъ вѣстовую пушку! Въ этомъ расказѣ много вѣроятнаго: еще при Алексѣѣ Михайловичѣ были въ нашей арміи *набаты* или огромные барабаны обтянутые мѣдью. Здѣсь же мы видѣли связки старинныхъ ружей и сабель, смотрѣли на нихъ съ безотчетнымъ любопытствомъ и вспоминали про побѣды и гибель Ермака.

---

* Домъ сей построенъ, *кажется*, не прежде начала царствованія Государыни Екатерины Алексѣевны. Съ Сѣверовосточной стороны обнесенъ стѣною. Горѣлъ, *кажется*, во время извѣстнаго пожара, бывшаго въ Тобольскѣ въ началѣ восмисотыхъ годовъ.

Ермакъ былъ первымъ героемъ моихъ мечтаній! О немъ знаетъ въ Тобольскѣ каждый ребенокъ, и объ его жизни и смерти расказываютъ такъ ясно, такъ подробно, какъ будто вмѣстѣ съ нимъ перешли Уралъ, вмѣстѣ жили, и видѣли его гибель. Доселѣ Татáры ѣздятъ къ кургану, который зовутъ Кучумовой могилой, и правятъ на немъ тризну. Какъ теперь вижу деревянное изваянье Ермака. Онъ въ полукафтаньи, перетянутъ ременнымъ поясомъ, сверхъ всего какая-то мантія и на головѣ черный шишакъ. Его лице смугло и продолговато, глаза оттѣнены нависшими бровями, черная борода закрыла полгруди, въ рукѣ длинное копье. Этотъ Ермакъ стоялъ въ саду, на мѣстѣ, гдѣ были нѣкогда развалины какого-то театра. Я дивился деревянному памятнику и, какъ ребенокъ, задумывался при расказахъ о Героѣ. Я хотѣлъ видѣть Кучумово Городище безъ знанья, безъ цѣли, какъ ребенокъ, который проситъ новой игрушки. И это городище, эти бѣдныя развалины Искера, громко говорили мнѣ про былое: разметанные кирпичи, глубокіе, обросшіе травою, колодцы нѣсколько отрывковъ отъ земляныхъ валовъ — вотъ Искеръ. Онъ стоитъ на высокомъ утесѣ Иртыша, и утесъ трескается и съ развалинами зданій шумитъ и катится въ глубину рѣки, и рѣка скоро поглотитъ его послѣдніе остатки.

Доселѣ идетъ повѣрье, что осажденные здѣсь Татары выкапывали глубокія ямы, сносили въ нихъ свои сокровища — и, въ день паденья ихъ города, заживо погребались въ нихъ. Многіе нечаянно находили оружіе и монеты; многіе увѣрены въ богатствѣ кладовъ, но Татарскіе души, какъ злые духи, стерегутъ свои сокровища отъ робкаго невѣжества.

Какъ все это волновало душу мою въ самомъ дѣтствѣ!

Я помню широкія рѣки и озера и темные лѣса Сибири; слышу неумолкаемый крикъ и свистъ птицъ, которыя и ночь и день, длинными вереницами, летятъ отпраздновать Сѣверную весну. Я долго смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ они скрывались — и странное желанье летѣть съ ними въ невѣдомыя страны, глубоко западало мнѣ въ душу.

О, кто не мечтаетъ о радостяхъ, которыхъ лишаютъ его! кто не живетъ надеждой! отъ кого почти все отнято въ настоящемъ! И кто лучше насъ изучилъ уроки судьбы?

День, въ который мы покинули Сибирь, памятенъ для нашей семьи, — у меня нѣтъ для него словъ! И кто въ первыя минуты воли надышется ея наслажденьемъ, кто вполнѣ умѣетъ передать его! Да! я помню, какъ,

оставивъ за собою Иртышъ, мы молились — и вслѣдъ за отцомъ и матерью плакали отъ радости. Цѣлый городъ, гдѣ было столько надеждъ и грусти, намъ показался и пустъ и мраченъ, какъ темница. Я помню, какъ цѣлые дни и ночи мы скакали въ Россію. Нигдѣ такъ скоро насъ не мчали, никогда мы столько не радовались скорой поѣздкѣ. Мы ѣдемъ.... насъ цѣлое семейство.... и отецъ и все семейство свободно; во всѣхъ деревняхъ и городахъ мы равны со всѣми пріѣзжими; мы съ ногъ до головы обвѣшены оружіемъ — и имѣемъ право въ широкомъ полѣ, не опасаясь обвиненій, помѣряться имъ съ разбойникомъ! — Какъ это кажется мѣлочнымъ, и какъ сильно радуетъ человѣка — въ первые минуты воли! Онъ перетерпѣлъ тысячи бѣдъ и онъ самостоятеленъ, онъ свободенъ, онъ ѣдетъ — куда пожелаетъ, — живетъ — гдѣ хочетъ. Боже мой, сколько наслажденья! Однажды загорѣлась ось у повозки; мы ночью должны были остановиться посреди лѣса.... слышны голоса, все ближе, ближе.... кусты трещатъ подъ ногами... а только третьяго дня здѣсь же разграбили обозъ.... дѣло плохое... «при повозки» кто-то проговорилъ въ лѣсу... мы взялись за оружіе... курки взведены... сабли наголо — и мѣсяцъ заигралъ на ихъ клинкахъ.... «есть, да не про насъ....» продол-

жалъ тотъ же голосъ.... и лѣсъ снова затрещалъ — и снова затихъ. Это были разбойники.... они не дерзнули вступить съ нами въ бой.... Повѣрите ли какъ это сильно отозвалось въ душѣ: *мы* — и — *они* — и *мы* не приступны для насилія, — многіе ли почувствуютъ эти слова!

Такъ мы оставили Сибирь.—

Я помню Уральскій хребетъ, обросшій мохомъ и лѣсомъ. Мѣстами видна дикая гранитная скала и на ней искривленная, полуживая сосна. Она, кажется, смотритъ на свою бѣдную колыбель, на тощіе сосцы своей кормилицы, и — одинокая — сохнетъ отъ грусти и нищеты. А тамъ близь деревни Ключей есть высокая сопка: мы поднялись на ея вершину въ поздній лѣтній вечеръ, когда нагорный воздухъ былъ свѣжъ и чистъ и — навѣвалъ невыразимой легкостью. Тамъ на самой вершинѣ стоитъ деревянный крестъ, подлѣ него огромная сосна, съ которой слетѣлъ орелъ, испуганный нашимъ приходомъ. Долго мы стояли недвижимо, были безъ словъ — съ какимъ-то глубокимъ и неопредѣленнымъ чувствомъ наслажденья! подъ нами быстро струилась рѣка, чистая какъ взоръ дѣвы, свѣжая какъ дыханье утра, подъ нами растилалась деревня и пестрѣли толпы играющихъ поселянъ: ихъ пѣсни звучно разсыпались по скатамъ горъ! Упоенье было

продолжительно! Вотъ толпы уже рѣдѣютъ, пѣсни затихаютъ, воздухъ свѣжѣлъ,— вѣтеръ заговорилъ листьями деревъ, туманъ разлился по долинамъ и изъ-за бѣлой ея пелены выглядывали вершины другихъ сопокъ, и косматые ихъ головы, казалось, тихо наклонялись и шепотомъ вели о чемъ-то тайную рѣчь! Не далеко отсюда есть Суксунская гора: мы давно слыхали, что она послѣдняя на пути изъ Сибири въ Россію, и отъ нее начнется покатость до самой Вятской Губерніи. Мы поднимались на нее долго; деревни показались игрушками, когда достигли вершины. Здѣсь мы остановились.... еще взглянули на Сибирь — въ той сторонѣ всходило солнце; взглянули на западъ, и стали спускаться на другой бокъ Урала. Съ этой вершины, казалось, я видѣлъ обѣ безбрежныя половины Россіи — съ ея людьми и съ ихъ судьбою!

Вскорѣ меня удивили невиданныя мною племена: мы пріѣхали къ Вотякамъ. Ихъ деревни въ темныхъ лѣсахъ, почти всѣ при рѣкахъ и на мѣстахъ удобныхъ — это говоритъ за давнее населеніе сей страны; ихъ мужскій нарядъ похожъ на Русскій, но лица бѣлѣе и волосы рыжѣе; ихъ дѣвки обвѣшены серебренными и золотыми монетами. Я не разъ видѣлъ ихъ въ свадебномъ нарядѣ: онѣ ѣхали верхами и пѣли пѣсни, въ которыхъ одно-

образно переливались 3 или 4 нопы. Они Христіане; но не всѣ покинули свои керемешы, и при мнѣ горячо спорили — одинъ за славу Христа, другой — за своихъ боговъ; одинъ былъ молодъ — и укорялъ язычество за приношеніе кровавыхъ жертвъ и нечистоту священныхъ мѣстъ; другой былъ старъ — и упорно бездоказательно не хотѣлъ разстаться съ богами своихъ отцовъ. Они были въ эту минуту представителями двухъ поколѣній умирающаго и начинающаго жизнь. Я помню Черемисовъ въ ихъ долгихъ бѣлыхъ балахонахъ съ красными обшивками, и женъ ихъ съ высокими повязками на головахъ и съ длинными проволочными сергами: они живутъ хуже и неопрятнѣе Вотяковъ. Я помню чистыя, стройныя рощи дубовъ, на которыхъ пламенемъ врѣзалась заботливость Генія Петрова.* Помню каменныя стѣны Казанской крѣпости и полуразрушенные дворцы Хановъ Татарскихъ. Помню, что всѣ иновѣрцы отдѣлены отъ Русскихъ рѣзкой чертою. Татарскіе юрты не сходятся съ Русскими деревнями; нашъ крестьянинъ бранитъ ихъ погаными, бусурманами, а Татаринъ доселѣ вѣренъ своей крови, своимъ обычаямъ, въ самомъ городѣ

* Въ Казанской Губерніи многія рощи заклеймены по повеленію Петра I.

живетъ отдѣльными кварталами, и не забылъ, какъ его отцы рѣзались съ нашими дружинами. Вотякъ и Черемисъ называютъ насъ — *Русинъ* и симъ же словомъ бранятъ другъ друга; ходятъ въ церкви, а помнятъ — и многіе не оставляютъ обрядовъ язычества! Звѣриная и рыбная ловля составляетъ одно изъ главныхъ ихъ занятій. Татары въ особенности не привыкли къ земледѣлію, въ нихъ есть какіе-то остатки кочеваго, быта который разохачиваетъ ихъ взяться за соху и сдружиться съ землею!

Помню монументъ, воздвигнутый надъ костями Русскихъ, падшихъ при взятіи Казани. Онъ въ видѣ усѣченной пирамиды. Я былъ въ его пещерахъ; въ нихъ есть небольшая комната, безъ оконъ, безъ дверей, съ нѣсколькими входами изъ пещеръ; въ ней есть общій гробъ, полный костями, на немъ лежитъ разрубленный черепъ и двѣ ручныя кости; надъ нимъ горитъ неугасимая лампада. — Какъ хороша Казань! какъ роскошно стелются вокругъ нее луга, какъ величаво раскидываются озера и надъ ними красуются Университетъ и домъ Архіерейской! — Я помню лѣсъ мачтъ, и пестроту одеждъ и нарѣчій, и шумъ и говоръ Нижегородской ярмарки. Я помню темныя лѣса Муромскія и высокой берегъ Карачарова, родину нашего богатыря, котораго неза-

была простонародная Поэзія. Все это я видѣлъ, всему дивился безсознательно, какъ ребенокъ! Теперь остались однѣ неясныя воспоминанія: онѣ слились въ сладкій улетѣвшій сонъ, и мнѣ хотѣлось пересказать его, хотѣлось разгадать его значенье!

II.

Много лѣтъ минуло съ той поры, какъ видѣлся мнѣ этотъ сонъ! много пережили въ это время народы! много смѣнилось въ душѣ моей страстей и желаній! Одно осталось неизмѣннымъ — одна жажда все знать, все видѣть.

Много лѣтъ минуло съ той поры, какъ видѣлся мнѣ этотъ сонъ, и вотъ снова раскидывается предо мною плѣнительная ткань наслажденій: я увижу новыя племена, оживлю въ памяти дивныя событія; я буду въ Украйнѣ — я покидаю тебя родимой Кремль!

Но отъ чего мнѣ такъ грустно растаться съ тобою! отъ чего воскресло для меня все минувшее — и сильно взволновало душу! За чѣмъ возстали вы изъ праха толпы Татарскихъ полчищъ! Какъ вы страшны подъ заревомъ святаго Кремля! На васъ запеклась наша кровь — ваши очи жаждутъ добычи и мести! За чѣмъ возстали предо мною полки

Литовцевъ и Поляковъ? они обхватили тебя, мой Кремль, они хотятъ задушить въ тебѣ жизнь цѣлой Россіи, хотятъ найти въ тебѣ ключь къ Русскому сердцу; — но взглянитe, какъ страшно осклабился на васъ поруганный трупъ Самозванца, какъ страшно хохочетъ Князь Еруслановъ, поднявши голову втораго Лже-Димитрія — и теплая кровь бѣжитъ съ его ятагана! * Но вотъ все потемнѣло — настала ночь — и слышенъ какой-то таинственный шопотъ: онъ похожъ на говоръ волны, убѣжавшей въ глубину моря съ его песчанаго берега! Это Царевна Софья — открываетъ Милославскому свои грозные замыслы, и ея стрѣльцы тайно острятъ оружіе и заряжаютъ пищали.

Какихъ событій былъ ты свидѣтелемъ, мой ненаглядный Кремль! Твои окрестности вспаханы оружіемъ, и упоены кровью! Сколько разъ ты возникалъ изъ пепла и развалинъ — и теперь снова горишь, и снова смотришься въ зеркало рѣки — твоей неразлучной подруги!

---

* Князь *Еруслановъ* или *Арасланъ*, помогавшій второму Лже-Димитрію, былъ имъ заключенъ въ темницу и, по освобожденіи изъ оной, убилъ Лже-Димитрія, бывши съ нимъ на охотѣ, и ушелъ съ Ногаями въ Таврическія степи. 1610 г. Дек. 11.

III.

Теперь я далеко отъ Кремля. — Мечты смѣнялись мечтами, но онѣ не замѣнили, не вытѣснили воспоминаній, съ которыми я оставилъ Москву, которыя навѣяли на душу тихою грустью.

Что же рисовало предо мною страшныя картины пожара и смерти? Не знаю! Готовность ли души, взволнованной разлукою, къ сильнымъ впечатлѣніямъ? Кремль ли своими стѣнами, своимъ Іоанномъ Великимъ или дворцомъ Іоанновымъ, который остался между новыми зданьями одинъ, какъ запоздалый Бояринъ, съ своими повѣрьями, въ своемъ пестромъ богатомъ нарядѣ, въ кругу новаго поколѣнья? — Не знаю!

Но воспоминанья носились стройно предо мною, и отняли для настоящаго и слухъ и зрѣнье и умъ и чувства. Вокругъ меня бродили Татары и Литовцы — буйные, облитые нашей кровью, осыпанные пепломъ нашихъ городовъ!

Боже мой! еще не прошло ста лѣтъ, какъ слабая Крымская орда врывалась въ наши предѣлы, грабила Украйну, громила Кіевскую область, вырывала изъ нашихъ рукъ замученную Малороссію, говорила съ Государями — и братски протягивала имъ руку на миръ и

дружбу. Сколько терпѣла Россія отъ Вотяковъ, Черемисовъ, Киргизовъ, Ливонцевъ, Литовцевъ?...и всѣ они составляютъ ея тѣло, привитое оружіемъ, политое кровью. Всѣ они доселѣ говорятъ чуждымъ для насъ языкомъ, не покинули своей Религіи, имѣютъ свои обычаи, повѣрья, свою нравственную силу. Доселѣ Татаринъ молится въ мечети, и съ оружіемъ идетъ на враговъ Россіи; доселѣ Якуты, Остяки, Тунгусы и десятки другихъ племенъ вѣруютъ въ своихъ шамановъ; доселѣ Вотякъ отъ церкви ходитъ въ темный лѣсъ, чтобъ заколоть въ кереметѣ черныго барана и просить объ урожаѣ своего невидимаго бога.... Какіе огромные, разнородные слои единаго тѣла, и кто вглядѣлся въ ихъ нарастаніе къ дивному колоссу? Кто изслѣдывалъ ихъ сущность, ихъ самобытную жизнь и основанье связи съ цѣлымъ?...

Давно ли Россія боролась съ своими частями, и билась на смерть съ своими сосѣдями!

Видите ли, какъ Половецъ, въ острой косматой шапкѣ, и рыжій Финнъ, въ своемъ пестромъ нарядѣ, и Черемисъ, и окриленный Литовецъ и дикій Татаринъ, съ страшнымъ воплемъ, напали на этого юношу, еще слабаго.... схватились и борятся съ нимъ?... Видите ли, какъ онъ замученный, облитый кровью, отбивается? вотъ оттолкнулъ Фи-

на... но Литвинъ и Татаринъ впились въ него съ двухъ сторонъ... схватили за руки и грозятъ гибелью... онъ бьется... проситъ помощи, но помощи нѣтъ.... ему не внемлютъ; его повергли на колѣна. Въ это мгновеніе прибѣгаетъ желѣзный Ливонецъ— стиснулъ его... силится задушить... Но у юноши есть талисманъ: умирающій Грекъ далъ ему въ завѣтъ святое слово Христа; оно вливаетъ въ человѣка дивную силу. Юноша бьется и высится надъ врагами и произноситъ заколдованныя слова: *Мономахъ, Александръ, Андрей, Игорь,* и у Половца пополамъ правая рука и слетѣла съ него косматая шапка.... Но юноша продолжаетъ чудныя слова: «*Дмитрій*, *Іоаннъ*, говоритъ онъ, *Іоаннъ, Борисъ* и съ каждымъ словомъ враги слабѣютъ: у Ливонца разсыпался щитъ.... Татаринъ дрожитъ и безсильными руками рветъ свое тѣло... Юноша растетъ и крѣпнетъ... отчаянныя враги хватаютъ его за горло... Онъ, задыхаясь, выговорилъ имя *Петра*... и поднялся колоссомъ.... Татаринъ упалъ къ его ногамъ, Полякъ убѣжалъ въ свои болота, Шведъ спрятался за море... Юноша сталъ превыше горъ, заслонявшихъ его отъ западной братіи и проникъ сквозь окружающую мглу въ ихъ дивную жизнь. Въ это мгновеніе надъ нимъ совершилось чудо... въ это

мгновеніе ему послышались съ неба дивныя слова: *ты человѣкъ*, въ тебѣ душою живетъ самъ богъ и по душѣ тебѣ родны всѣ племена, и всѣ народы, и цѣлый міръ! Гряди же къ развитію всѣхъ силъ и къ дивнымъ наслажденіямъ жизни!

Эти слова близки человѣку, онѣ его мечта, его надежда: онѣ неумолкаемымъ, таинственнымъ звонкомъ напѣваютъ о его святомъ предназначеніи.

IV.

Но что наводитъ такія думы и мечты? какія впечатлѣнія волнуютъ душу воспоминаньемъ о быломъ? Что воскрешаетъ предо мною событія, потонувшія въ разливѣ столѣтій? что напоминаетъ мнѣ минувшую жизнь?... Разсказъ ли это трудолюбиваго монаха, лѣтопись ли—*слово* завѣщанное предками своимъ потомкамъ; или *памятники* древности, въ которыхъ безъ словъ, высказывается вся жизнь предшествовавшихъ поколѣній?

V.

Нѣтъ! — Россія какъ юноша, какъ дитя, не развивши вполнѣ душевныхъ силъ, не могла ее перелить ни въ колоссальныя пирамиды,

ни въ таинственныя капища, ни въ храмы Греціи и Рима, ни въ дивныя созданія М. Анжело, воззванныя его геніемъ изъ духа Религіи, ни въ громады дикихъ замковъ, нѣкогда неприступныхъ жилищахъ Бароновъ, гдѣ теперь гнѣздится упадшая фамилія или бѣдная семья, съ новыми привычками, съ новыми понятіями; гдѣ все вмѣстѣ, разомъ живописуетъ прошедшее и настоящее.

Уничтожьте всѣ лѣтописи западной Европы, вы не уничтожите ея Исторіи: сотрите живое поколѣніе людей, и вы, безъ помощи преданій, по однимъ нѣмымъ памятникамъ раскажете всю жизнь его предковъ. Предъ вами возстанетъ міръ изваяній, дивныхъ храмовъ, остатки воинственныхъ валовъ, а рядомъ съ ними другой чудный міръ, гдѣ грозные замки громоздятся на дикихъ скалахъ, съ своими толстыми стѣнами, высокими башнями, частыми бойницами и бездною мрачныхъ переходовъ. Вы увидите узкія, длинныя окна съ желѣзными рѣшетками, съ разцвѣченными стеклами, сквозь которые смотрѣли нѣкогда люди на міръ; а рядомъ съ замками новыя зданья, которыя молитвою возносятся къ небу, и съ высоты простираютъ объятія къ цѣлому человѣчеству.

Вглядитесь: развѣ это не міръ Религіи и небесной фантазіи въ церквахъ, граждан-

ской борьбы и личности въ замкахъ, и политической жизни Европейцовъ — язычниковъ — въ ихъ храмахъ, которыхъ верьхи не возносятся къ небу, но параллельны съ землею! Развѣ своевременная жизнь человѣчества не вдохнута здѣсь въ камень! развѣ по симъ камнямъ вы затруднитесь читать повѣсть о минувшихъ вѣкахъ, когда Нибуръ и Миллеръ научили насъ сей дивной азбукѣ!

Но уничтожьте у насъ всѣ писмена: что останется тогда отъ жизни предковъ?

Нѣтъ! одни нѣмые наши памятники не передадутъ, не объяснятъ намъ событій минувшихъ! Они слишкомъ бѣдны и новы: древняя Россія не завѣстила намъ почти ничего зодчественнаго!

Всмотритесь въ наши кремли: выражаютъ ли они первоначальный бытъ нашего отечества, есть ли въ нихъ малѣйшій отпечатокъ народности? Нѣтъ! Они всѣ передѣланы или построены снова! Кремль *Новогородскій* заложенъ Ярославомъ, передѣланъ и распространенъ Мстиславомъ въ 1116 г., возобновленъ въ 1490 г. и вначалѣ вѣроятно былъ деревянный. Кремль *Нижненовогородской* основанъ въ 1222, а за вѣтхостію передѣланъ уже въ XVI вѣкѣ. Кремль *Московскій* заложенъ при Дмитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ (1367), разобранъ при Іоаннѣ III и

снова построенъ изъ кирпича. Кремль *Псковскій*, по всѣмъ доказательствамъ, построенъ въ концѣ XIII вѣка и поправленъ Петромъ I. *Смоленскъ* обведенъ каменнымъ кремлемъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, стараніемъ Годунова, а до сего времени былъ защищенъ землянымъ валомъ. Кремль *Кіевскій* построенъ при Великомъ Петрѣ (1716). Большая часть другихъ городовъ была укрѣплена или землянымъ валомъ, теперь едва замѣтнымъ или деревянными стѣнами, которыя давно успѣло разрушить время *.

Таковы наши Кремли! Въ нихъ нѣтъ ни древности, ни народности, почти всѣ они построены иностранными художниками по ихъ частному вкусу и знанью **. Взгляни-

* Такъ *Новгородъ Сѣверскій* обнесенъ былъ валомъ и острогомъ, который былъ раззоренъ и сожженъ въ 1152, построенъ и снова сожженъ въ 1175 и 1224. Въ 1604 упоминается о его стѣнахъ. Отъ земляныхъ укрѣпленій *Твери* уцѣлѣли едва замѣтные остатки и то передѣланные Петромъ I. *Тула* обведена деревянною крѣпостію въ 1509 г., а каменный замокъ построенъ въ ней въ 1514 г.; но крѣпость разобрана за вѣтхостію въ 1730 г., а замокъ возобновленъ въ 1784. *Переславль* много разъ былъ разрушенъ огнемъ и мечемъ, а настоящая крѣпость и валъ сдѣланы въ 1709 г. Укрѣпленія *Переславля Залѣсскаго* разобраны въ 1759 г.

** Антоній Фрязинъ (1385) заложилъ на Москвѣ рѣкѣ Стрѣльницу; Петръ Фрязинъ построилъ двѣ: Боровицкую и Фроловскую; Кремль Нижненовогородскій построенъ Петромъ Фрязинымъ (1509:); Кремль Новогородскій возобновленъ Аристотелемъ (1490).

те на Кремль Московскій — всѣ зданья въ немъ различной Архитектуры! Нѣтъ единства во вкусѣ между башнями Спасскою и Тайницкою, между Грановитою Палатою, Успѣнскимъ и Архангельскимъ Соборами — и всѣ они построены почти въ одно время! Выражаютъ ли они какой нибудь отличительный, самостоятельный характеръ Зодчества? выскажутъ ли безъ помощи лѣтописей всю великость событій XVI и XVII столѣтій! Они только наводятъ на нихъ, и дороги для Русскаго не по выраженію своего вѣка, но по воспоминаніямъ, которыя съ ними неразлучны! Что же осталось отъ X, XII и даже XIV столѣтій?

Всѣ зданья, которымъ придавались громкія имена Великокняжескихъ дворцовъ, извѣстны только по лѣтописямъ: *Теремной* и *Вышегородскій Дворцы* не существовали даже во времена Нестора *; иные сожжены и

* Говоря о Несторѣ, я понимаю лѣтопись, извѣстную подъ его именемъ. Быть можетъ писалъ ее и не монахъ Несторъ; согласенъ даже, что въ ней есть многія вставки, прибавленныя позднѣйшими переписчиками; но ея начало принадлежитъ къ XI столѣтію. Вставки можно отдѣлить отъ ея сущности, а имя Нестора, за которое вступился даже Лелевель, изъ народной гордости — это имя ни придаетъ, ни уменьшаетъ вѣроятія самой сущности. Самыя невѣроятныя сказанія часто можно принимать не столько за пустую сказку, какъ за миѳъ, въ которомъ заключенъ вѣрный смыслъ.

разрушены Половцами и Татарами; Ярославовъ Дворецъ въ Твери сожженъ самими Тверитянами, вмѣстѣ съ укрывшимся въ немъ Татарскимъ военачальникомъ Щелканомъ. Но они и безъ военныхъ бурь не прожили бы долго: они строились изъ дерева, и вѣрно нелучше хорошей крестьянской избы могли выразить характеристику своего времени. Кіевскія *Златыя врата* разрушены и какъ трофей увезены Бонякомъ въ степи Половецкія. Врата *Батыевскія* существовали въ бѣдныхъ развалинахъ до 1798 года; а тяжелые шаги Татарскихъ полчищъ стерли остатки *Княжескихъ Дворцовъ* и *Златыхъ Вратъ* во Владимірѣ на Клязьмѣ *.

Безъ лѣтописей мы не знали бы даже о существованіи сихъ немногихъ памятниковъ. Они созидались какъ бы на случай и, не увѣренные въ своей долговѣчности, строились почти всѣ изъ кирпича, между тѣмъ какъ Ѳеодализмъ, убѣжденный какимъ-то инстинктомъ въ своей необходимости и безсмертіи, готовился, кажется, для вѣчности и одѣвался въ желѣзо и дикій камень! Всѣ замки воздвигались на мѣстахъ, укрѣпленныхъ самой природою и были слѣдствіемъ борьбы между племенами побѣдителей и побѣжденныхъ. Доселѣ вся Ницца, весь Ниренбергъ цѣлыми рядами улицъ высказываютъ жизнь среднихъ вѣковъ! А у насъ нѣтъ Кремля, который бы сохранился во всей цѣлости отъ XIV и даже XV столѣтія; все строилось изъ кирпича и вѣтшало, и передѣлывалось съ каждымъ столѣтіемъ; все разрушалось отъ времени, отъ частыхъ пожаровъ и губительныхъ набѣговъ Половцевъ и Татаръ!

* Труды общества Ист. и Древ. 1815. ч. 1. ст. 159. Описаніе Кіева, Г. Берлинскаго.

V.

Самые монастыри и церкви слишкомъ новы, чтобъ выразить жизнь народа въ первые пять вѣковъ существованія нашего Государства! Немногіе изъ нихъ старѣе XV столѣтія и большая часть, подобно Кремлямъ, передѣланы, возобновлены и нерѣдко существенно измѣнялись въ самой Архитектурѣ. *Изъ трехъ* монастырей, построенныхъ въ X вѣкѣ, *ни одинъ* не сохранился въ первобытномъ видѣ: Авраамiевъ Ростовской *перестроенъ* въ XVI столѣтіи и *выгорѣлъ* въ 1730 году; Перынь *разрушенъ* во время набѣговъ кочевыхъ племенъ, *снова построенъ* въ 1751 и уничтоженъ въ 1764 году. Выдубецкій *раззоренъ и опустошенъ* въ XII столѣтіи и потомъ *возобновленъ* въ 1181, потомъ много потерпѣлъ отъ Уніатовъ. Изъ 21 монастыря построеннаго въ XI вѣкѣ

уничтожены 15, а остальные шесть *разрушены* или Половцами, или Батыемъ, или *перестроены*, или *разобраны* за вѣтхостію; изъ 41 одного монастыря, оставленнаго XII-мъ столѣтіемъ всѣ *разрушены* Татарами, Половцами и даже Поляками и Шведами. Отъ XIII и XIV столѣтій сохранился въ цѣлости *одинъ* Ризположенскій Владимірскій, построенный изъ камня. Всѣ остальные (100) или уничтожены или существенно измѣнены!

VI.

Наши древніе Соборы и церкви, подобно монастырямъ или разрушены, или перестроивались и немногіе изъ нихъ сохранились отъ XII и XIII столѣтія.

Церковь Св. Василія *разрушена* Батыемъ и до насъ уцѣлѣла одна Сѣверо-восточная ея сторона; отъ Церки десятинной дошли до насъ бѣдные *остатки;* однимъ словомъ весь Кіевъ, вся полуденная Россія ничего не сохранила цѣлаго зодчественнаго, чтобы безъ помощи лѣтописей высказало намъ ея давно-минувшую судьбу. И могло ли быть иначе, когда всѣ почти наши зданья вначалѣ своемъ были кирпичныя или даже деревянныя, и когда Россія цѣлыя вѣки боролась или съ *иновѣрцами* — Поляками, или съ *кочевыми племенами*, которыя все обращали

въ свои пустыни, для которыхъ нужны были не города, не зданья, но луга, табуны и дабыча!

Взгляните, какъ въ южной Россіи увеличивалось количество монастырей съ распространеніемъ Христіанской Религіи. Въ X вѣкѣ она созидаетъ ихъ *два*, а Россія Сѣверная только *одинъ;* въ XI — *семнадцать*, а Сѣверная только *четыре;* но когда нахлынули на нее кочевыя племена Половцевъ, она схватилась за мечь, билась съ ними до самаго нашествія Татаръ, и обратила всю дѣятельность не на созиданіе церквей и монастырей, но на сохраненіе своей самобытности! И вотъ въ XII столѣтіи въ ней построено только *пять* монастырей, а въ Сѣверной Россіи болѣе 30; въ XIII *три*, и въ Сѣверной не болѣе двадцати *; въ XIV *ни одного*, а въ сѣверной 80. И только съ совершеннымъ паденіемъ Татаръ и отторженіемъ Малороссіи отъ Польши, насталъ полный разливъ нашего церковнаго зодчества;

* Въ это время и Южная и Сѣверная Россія были равно опустошены нашествіемъ Монголовъ. Но въ Сѣверной оставались еще немногія мѣста, до которыхъ не коснулся губительный приливъ Орды; онъ не коснулся даже самаго Новагорода. Вотъ почему количество построенныхъ монастырей болѣе, въ сей вѣкъ, на Сѣверѣ, нежели на Югѣ: почти всѣ они сооружены въ области Новогородской.

хотя оно и не было самостоятельнымъ. Въ это время, т. е., въ XVII столѣтіи построено болѣе двухъ сотъ монастырей!

Столь были разрушительны военныя бури для нашего зодчества! Все, что уцѣлѣло отъ древности, все относится ко временамъ независимой жизни нашего отечества: безвѣстный поэтъ пропѣлъ намъ безсмертную пѣснь о славной гибели Игоря Святославича; сохранились Софійскіе храмы въ Новгородѣ и Кіевѣ, основанные Ярославомъ; каменный храмъ Преображенія Господня въ Черниговѣ, и немногіе въ древнемъ Владимірскомъ Княжествѣ; остались соборы и церкви, воздвигнутые въ XVI и даже XV столѣтіяхъ, и всѣ сіи памятники завѣщала намъ Россія, свободная отъ произвола иноплеменниковъ; всѣ они воздвигнуты въ немногіе дни ея первобытной независимости, до временъ Татарскаго владычества или послѣ перевѣса надъ ними и нашими западными сосѣдями!

Но столь немногія памятники не выражаютъ, подобно зданіямъ западной Европы, народности и фантастической роскоши. Тамъ Кельнскій Соборъ строили народы, потомки довершали начатое предками и не довершили, потому что Реформація охладила религіозную увѣренность въ ихъ дѣло, потому что въ нихъ изсякла причина сооруженія — недоставало самой Вѣры! Дивный храмъ Петра создали западные народы, сливши свои религіозныя потребности и фантазію въ единой геній Микель Анджело! Ѳеодальныя замки воздвигала гражданская борьба и семейственная безопасность завоевателей.

А наши зданья?

Почти всѣ онѣ воздвигнуты по индивидуальной волѣ Митрополитовъ и Великихъ Князей.

Церковь Десятинная и Св. Василія построена по волѣ В. Князя Владиміра, въ то время, когда народъ не вполнѣ отсталъ отъ язычества, когда толпы Славянъ назывались Христіанами и въ то же время отталкивали отъ берега низверженнаго Перуна, опасываясь, чтобъ онъ не вышелъ на берегъ. Два Софійскіе храма въ Новгородѣ и Кіевѣ заложены Ярославомъ. Церковь Св. Спаса въ Суздалѣ построена Юріемъ, а Успѣніе Богородицы во Владимірѣ Андреемъ Боголюбскимъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей: Георгіевскій, и Соборъ Успѣнскій въ Москвѣ начаты волею Митрополитовъ.

Въ нихъ не могъ выразиться характеръ своего вѣка; ихъ сооруженіе начиналось и оканчивалось волею одного лица и въ не многіе годы. Они не были изліяніемъ полно-

ты религiознаго чувства цѣлой массы народа. И изъ сихъ зданiй, какъ мы видѣли, не многiя уцѣлѣли: большую часть знаемъ по развалинамъ и лѣтописямъ.

Какъ поспѣшно и непрочно было ихъ построенiе!

Храмъ Св. Софiи въ Новѣгородѣ заложенъ въ 1045, а освящен въ 1050, и построенiе, и литье колоколовъ и паникадилъ, и иконописанiе — все окончено въ 5 лѣтъ.

Московскiй Успенскiй Соборъ впервые былъ сооруженъ Митрополитомъ Петромъ; но, чрезъ 150 лѣтъ, пожаръ обхватилъ новую столицу; соборный придѣлъ не выдержалъ пламени и лопнулъ; во всей Москвѣ уцѣлѣло только 3 двора. На другой, 1471 годъ, началось возобновленiе города. Въ 1472 году Митрополитъ Филиппъ думалъ поддержать полураспавшiйся храмъ деревянными подставками, но время свалило его. Были призваны Русскiе мастера: *Кривцовъ и Мышкинъ:* они взялись за сооруженiе. Уничтожили развалины и начали строить Соборъ на деревянномъ фундаментѣ, изъ кирпича, дурно связаннаго цементомъ и деревомъ. Новое зданье уже поднялось высоко; но Митрополитъ Филаретъ умеръ. Изъ Венецiи вызванъ художникъ Аристотель: онъ доказалъ всю непрочность Русскаго построенiя. Сломалъ все,

что было сдѣлано въ три года, перезаложилъ храмъ съ фундамента и кончилъ его въ 5 лѣтъ!

Онъ удивлялъ нашихъ предковъ своимъ искуствомъ! удивлялъ ихъ даже Геометрическимъ размѣромъ, и лѣтописецъ съ простодушiемъ разсказываетъ, что у художника все было „*въ кружило да въ правило.... Внутри же стѣнъ*, продолжаетъ онъ, *всуцѣпы желѣзные положи.... и между столбовъ идѣже брусiе дубовое въ нашихъ церквахъ, то все желѣзное сковавъ положи....*" *

Этого мало. У насъ не употреблялось на построенiе не только камня, не было даже хорошаго кирпича, не умѣли хорошо растворить извѣсти, не знали простыхъ и необходимыхъ для построенiя орудiй.... и когда Аристотель сдѣлалъ какую-то машину въ родѣ многосложнаго блока, то лѣтописецъ упоминаетъ о ней, какъ о новости: „*того же лѣта*, „говоритъ онъ, *Аристотель колесо сътвори* „*и верьху цѣпляше малые колеса еже плот*-„*ници вѣкшею зовутъ* — и *чудно видѣти*," прибавляетъ онъ. **

Таково было у насъ искуство построенiя въ XV вѣкѣ!

---

* Соф. Временникъ.

** Тамъ же.

Первый каменный домъ въ Москвѣ построенъ послѣ пожара въ 1471 какимъ-то купцомъ Тараканомъ, и Лѣтопись не приминула передать сей новости потомству. Первый Великокняжескій каменный дворецъ построемъ Іоанномъ Васильевичемъ III.

Все это дѣлалось въ столицѣ, въ царствованіе Государя Іоанна III, который заслужилъ имя Великаго; выписывалъ иностранныхъ художниковъ и былъ женатъ на дочери Греческаго Императора, пріѣхавшей къ намъ изъ Италіи. Что же было въ Кіевѣ, Смоленскѣ и даже Новгородѣ, за три и за четыре вѣка до сего? Правда, Греція вмѣстѣ съ Религіею передала намъ и Архитектуру и иконописаніе и самое пѣніе,* но не передала величія своего Софійскаго храма, ни своей роскоши, ни своей торжественности; а наше отечество, среди вѣковыхъ бѣдствій, не успѣло наложить ни на одно изъ художествъ своей отличительной характеристики. Взгляните, какъ у насъ тѣсны и темны всѣ храмы, уцѣлѣвшіе отъ огня и времени! какъ проста и груба мозаическая работа, сохранившаяся на сводахъ олтарей Кіевской Софійской церкви,

* „Въ продолженіи цѣлаго средняго вѣка въ Россіи было все Византійское: Религія и суевѣріе, науки и художества, законъ и наказанія, даже множество обычаевъ и пороковъ перенесено было изъ Константинополя въ Кіевъ.“ Несторъ Шлецера.

какъ не соразмѣрны, не естественны изображенія Апостоловъ.* Что же было въ сіе время въ другихъ, менѣе значительныхъ, городахъ? Что было въ нихъ и въ правленіе Іоанна III, когда въ половинѣ XVIII вѣка Архіепископъ Смоленскій Симеонъ выписывалъ въ сей городъ изъ Москвы: „*знающихъ доброту въ глинѣ обжигальщиковъ кирпича и мастера Алексѣя Королькова.*“** А Смоленскъ и въ XVIII столѣтіи, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, былъ значительнѣе и богаче многихъ городовъ, существовавшихъ въ XII и даже XV столѣтіи.

VIII.

Такова судьба нашего Зодчества!

Оно, принятое сначала отъ Греціи вмѣстѣ съ Религіею, не успѣло у насъ ни развиться во всей полнотѣ и торжественности, ни сдѣлаться національнымъ — и было подавлено Монголами вмѣстѣ съ жизнію нашего отечества; а съ ослабленіемъ ихъ могущества, со

* „Кромѣ мраморнаго надгробнаго катафалка Ярослава I, существующаго и теперь въ одномъ лѣвомъ придѣлѣ олтаря, находится въ цѣлости внутри великаго олтаря и на сводахъ церкви древняя, грубая, мозаическая работа, представляющая образъ Божіей Матери; лики Апостоловъ и другихъ Святыхъ безъ всякой натуральности.“ Берлинскій.

** Исторія Смоленска, Мурзакевича.

времени независимости России отъ иноплеменниковъ, она съ необыкновнннымъ стремленіемъ обратилась къ сооруженію церквей и монастырей; * но Архитектура сихъ зданій была заимствована уже не отъ Греціи, падшей подъ мечемъ Турковъ, нѣтъ! она была Италіанская.

И только сіи зданья, произведеніе XV, XVI и XVII столѣтій, составляютъ что-то цѣлое, хотя онѣ и не имѣютъ ни самобытной характеристики, ни единства во вкусѣ; а всѣ предшествовавшіе вѣка завѣщали намъ бѣдные остатки, драгоцѣнные по воспоминаніямъ, по своей древности, и совершенно безгласные безъ помощи лѣтописей. Такъ завѣщаваетъ предокъ любимую свою вещь отдаленному потомству—и эта вещь не выскажетъ сама собою, безъ завѣщанія, безъ слова, мысли, чувствованій вашего предка; но она вамъ мила, близка, если для васъ близка жизнь вашихъ отцовъ.

Впрочемъ, не смотря на бѣдность памятниковъ до XV столѣтія и на ихъ несамостоятельность послѣ сего времени, они долж-

* Въ XIV столѣтія построено 80 монастырей; въ XV, когда началась гибельная война у Московскаго Княженія съ Новгородомъ, только 70; въ XVI 100; въ XVII 220. Въ слѣдующіе вѣка сооруженіе церквей и монастырей уменьшалось по особеннымъ причинамъ....

ны быть подвергнуты глубокимъ и подробнымъ изслѣдованіямъ, и если для нашей исторіи остались однѣ *буквы*, сохраненныя въ *письменахъ*, то наши зданья, не выражая сами собою жизни народной, служатъ дополненіями, подстрочными замѣчаніями для лѣтописей. Онѣ, вмѣстѣ съ длинными рядами кургановъ, разбросанныхъ на Югѣ Россіи, съ остатками городищъ, съ бѣдными развалинами нѣкоторыхъ древнихъ церквей, даже съ камнемъ, найденнымъ на Таманѣ и стрѣлами, сохраненными отъ временъ Батыя во Владимірскомъ соборѣ, говорятъ о кровавыхъ битвахъ и младенческомъ возрастѣ нашего отечества! Онѣ не *выскажутъ* характера жизни: но своею бѣдностію, своею непрочностію говорятъ, что мы не были хозяевами въ своемъ отечествѣ, которое вмѣстѣ съ нами, съ нашею собственностію, переходило изъ рукъ Татарина къ Литовцу и Поляку, и не разъ священные храмы насильственно обращались въ пепелъ, или на службы человѣка. Цѣлые вѣка у насъ хозяйничали иноплеменники, и сія зависимость началась почти въ день рожденья Россіи. Она еще не утвердилась въ своемъ основаніи, еще не сосредоточила своихъ силъ и дѣятельности — и на нее нахлынули кочевыя племена Половцевъ и Татаръ. Народъ погибалъ на пепелищѣ городовъ, бѣжалъ въ лѣса и болота: все было подавлено,

трепетало, боялось даже молиться Богу, медленно шло къ развитію, надолго лишилось самобытности — и не могло переполниться жизнью, чтобы перелить ее въ колосальныя формы зодчества!

Все было въ рукахъ насилія, въ тяжелыхъ цѣпяхъ зависимости, и отъ буйнаго набѣга дикарей не спасались ни смердъ, ни Государь.

Но набѣги дикарей, но тяжелыя цѣпи могутъ задушить умирающаго старика: подъ ними задохнулась дряхлѣющая Грецiя, поникъ самый Римъ, но онѣ не могли подавить Россіи, которая, бывши младенцемъ, была безсмертною, какъ часть человѣчества: въ ней гибли поколѣнья, а новорожденное Государство шло впередъ, и съ каждымъ столѣтіемъ, не взирая на тяжелые оковы, мужало, росло, и цѣпи лопнули....

Но неволя была продолжительна. Она отняла отъ насъ годы, въ которые съ большею силою развивается характеръ юнаго Государства: она помогла доломать нашъ удѣлизмъ... разлучила насъ съ югомъ, съ нашей Малороссіей, отъ соприкосновенія съ которою развивалась наша самобытность.* А потомъ наше отечество перешло отъ Іоанна III въ руки

---

* Вспомните борьбу Мономаховичей съ Ольговичами. См. далѣе главу о Малороссіи. Слово „Малороссія" я принимаю въ послѣднемъ значеніи.

Грознаго, не успѣло отдохнуть, не укрѣпилось—и скоро замучено Поляками. Его матеріальная самостоятельность и безопасность началась съ того мгновенія, когда великій Петръ оттолкнулъ Швецію и поставилъ Россію на первое мѣсто въ ряду Сѣверныхъ Государствъ. Но доселѣ не свершился періодъ ея самостоятельности, ея духовнаго развитія.

Что же могла произвести Россія самобытнаго и колоссальнаго въ Зодчествѣ, не бывши самобытною цѣлые вѣка?

IX.

Но не одна тяжелая рука Татарскихъ Хановъ, не однѣ военныя бури и непрочность матеріаловъ препятствовали свободному развитію Зодчества и сохраненію древнихъ памятниковъ въ нашемъ отечествѣ.

Этаго недостаточно! Должно изслѣдывать, въ семъ отношеніи, самую Греческую Религію: не была ли она одною изъ важнѣйшихъ причинъ? Взгляните, произвела ли она въ самой Греціи, въ сей странѣ поэзіи, цѣлый міръ зданій? Нѣтъ! Кромѣ великолѣпнаго Софійскаго храма и еще немногихъ соборовъ, на которыхъ отразился типъ Сирійской Архитектуры, ничего не представляетъ намъ Христіанская *Греція:* она не созидала цѣлые вѣка ничего подобнаго Кельнскому собору, не

сооружала храма Петра; не имѣла столь рѣзкихъ періодовъ Архитектуры, какъ Западная Европа. Она не увлекла силой фантазіи милліоны людей въ Малую Азію и степи Аравійскія, и, принятая Россіей, вдвойнѣ менѣе могла перелиться въ колоссальные размѣры и въ цѣлый міръ зданій. Менѣе потому, что въ XIII вѣкѣ, кода она не была еще вполнѣ усвоена нами, когда Россія только начинала свою жизнь, ее задушили иноплеменники, иновѣрцы, и положили преграду къ скорому спѣянію и развитію всѣхъ ея силъ.

Ежели Россія не произвела *Храма Софійскаго*, это потому, что все младенчество, все юношество она была подавлена кочевой Азіею; если Россія не произвела *цѣлаго міра зданій*, подобно Западной Европѣ, это потому, что Католицизмъ и Греческая Религія расходились въ самой характеристикѣ. Они истекли изъ одного чистаго божественнаго источника, и въ началѣ своемъ дѣйствовали съ одной высокой цѣлію; но и въ сіе время они такъ различались въ образѣ дѣйствія, какъ была различна характеристика Восточныхъ и Западныхъ племенъ Европы! И раздѣлъ Западной церкви отъ Восточной, и самая Реформація Лютера произошли не отъ ссоры Иннокентія съ Фотіемъ, не отъ однихъ успѣховъ просвѣщенія; но отъ различія народностей и самобытныхъ потребностей каждой страны.

Католицизмъ, обильный фантазіею, требовалъ пышности, блеска, дѣйствовалъ со страстію и водилъ за своими знаменами цѣлые народы въ пустыни Аравіи, сталкивалъ всѣ Европейскія Государства, страстно увлекался своимъ дѣломъ — и отъ того былъ не вѣротерпимъ, не принималъ ничего посторонняго; составлялъ Крестовые походы даже противъ Рейнскихъ Евреевъ и Испанскихъ Мавровъ, хотѣлъ все превратить въ себя, все облечь собою, и, опасаясь паденія, изобрѣлъ Инквизицію, учредилъ разные монашенскіе ордена, страшное общество Іезуитовъ и установилъ даже продажныя индульгенціи.

Онъ не былъ празднымъ ни на одну минуту: созидалъ, рушилъ, строилъ зданья, ходилъ насильно крестить язычниковъ, хотѣлъ завоевать цѣлый міръ. Напротивъ, въ Религіи Греческой болѣе тишины созерцательности и святости, болѣе внутренней жизни — и отъ сего болѣе вѣротерпимости. Она довольствуется простотою зданія и пѣніемъ человѣческимъ, въ то время, когда для Католицизма былъ потребенъ храмъ Петра, соборъ Кельнскій и звуки огромныхъ органовъ. Греческая Религія довольствовалась одной святостью идеи: она не избирала Папъ для посредничества между человѣкомъ и Богомъ, но прямо, чисто и свято возносилась къ нему мыслію; а Католицизмъ вручилъ Папамъ даже ключи

отъ Рая, сдѣлалъ ихъ намѣстниками Христа, доставилъ имъ мірскую власть — и, чистый въ своемъ началѣ, облекся съ сего времени въ земныя формы и проникся земными помышленіями! Искалъ земнаго величія, перешелъ отъ *созерцательности* къ *дѣятельности политической* и не разъ употреблялъ насиліе для достиженія своихъ цѣлей. А Религія Греческая? она не вооружала мечемъ креста, которымъ былъ искупленъ родъ человѣческій; она окрестила Болгаръ и Моравцовъ силою слова; она завоевала вѣру нашихъ язычниковъ Вотяковъ, Черемисовъ, Пермяковъ силою убѣжденья;* чуждалась Татаръ, но не возненавидѣла ихъ изъ нетерпимости; она не предписывала Государямъ войны и мира. Она не возставала съ мечемъ въ рукахъ на самыхъ раскольниковъ; но привлекала ихъ къ себѣ убѣжденіемъ и всегда была готова съ любовію принять ихъ въ свои объятія. Теперь вспомните, какъ поступалъ Католицизмъ съ своими противниками! сколько великихъ жертвъ онъ возложилъ на костеръ собственными руками! Вспомните, какъ онъ выставилъ на поруганіе статую Гусса — и она была осквернена и

* „Той же *грамоту сложи* Перьмску, той же идолы сокруши и кресты тамо еще же въ Попѣхъ, люди многи...“ Такъ говоритъ Лѣтописецъ о Стефанѣ Храпѣ, Епископѣ Пермскомъ. Подробности разговора и преній сего Святаго еще болѣе объясняютъ наше положеніе.

изуродована! Правда, все это производилось съ силой, съ энергіей; но въ этомъ дѣлѣ не было чистоты и святости.*

Греческая Религія, погруженная во внутреннюю жизнь, оставалась при идеи, рѣдко переливала ее въ дѣятельность внѣшнюю, и посему не принимала участія въ дѣлѣ Католицизма, въ Крестовыхъ походахъ; не возродила двухъ сильныхъ орденовъ Доминиканскаго и Францисканскаго, не имѣла монаховъ *Томаса Аквино* и *Денса Скотта*, породившихъ двѣ великія философскія школы *Идеалистовъ* и *Атомистовъ*, и не создавала, подобно Католицизму, колоссальныхъ храмовъ, которыми гордится Западная Европа и которые надолго останутся признаками его земнаго величія!

Вотъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ отсутствія цѣлаго міра зданій въ нашемъ отечествѣ. Эта черта отдѣляетъ его отъ Европейскаго Запада, столь же рѣзко, какъ различны Католицизмъ и Греческая Религія, какъ различны характеристики Западныхъ и Восточныхъ племенъ Европы.

* Vor der Kirche zeigt man den Stein, auf welchem Huß seiner priesterlichen Würde entsetzt, und die Säule, unter welcher er zum Tode verurtheilt wurde. Die Statüe, welche man zur Schändung seines Andenkens unter einer Kanzel im Dom errichtet hatte, ist von eifrigen Katholiken durch Anspeien und Verstümmelungen auf eine grausame Art gemißhandelt worden. Meiner's Briefe über die Schweiz. Th. 1. S. 17.

X.

Но естьли Славянскія племена такъ предрасположены къ воспринятію Греческой Религіи, то вѣрно есть что-то общее между ихъ характеристикою и сею Религіею, и это общее есть — созерцательность, перевѣсъ внутренней жизни надъ внѣшнею — тишины, спокойствія надъ дѣятельностію, и сія характеристика должна быть болѣе или менѣе отличительнымъ признакомъ *всѣхъ Славянскихъ племенъ*.

Повѣримъ наше положеніе событіями.

Взгляните на Западный Славянскій міръ: предъ вами Польша. Она родилась почти вмѣсти съ Россіею. Она имѣла Мечислава, Болеслава, Собіесскаго, Баторія; не была подавлена Монголами столь сильно, какъ наше Отечество, развивалась съ большею самобытностію—и, исповѣдуя Католическую Религію, переданную ей Западными народами, прежде нежели дошло до нихъ слово Христа, проповѣданное Греками, — она, говорю *я*, кажется должна была принять весь фанатизмъ, всю роскошъ фантазіи и силу внѣшней дѣятельности, неразлучной съ Католицизмомъ! Но, событія противорѣчатъ сему положенію! Польша не участвовала въ Крестовыхъ походахъ, подобно другимъ Католическимъ Го-

сударствамъ и не произвела религіозныхъ зданій, которыми удивляетъ насъ Западъ! Даже Богемія, естьли исключить изъ нее все, произведенное характеромъ и руками Германцевъ — и она, подобно Польшѣ, не выразила вполнѣ силы и фантазіи Католицизма.

Этого мало: Богемія, *Славянская* страна, первая обратила *критическій* взглядъ на свою Религію, менѣе всѣхъ увлеклась силой и *блескомъ* Католицизма и первая водрузила знамя Реформаціи. Она, полная элементовъ Славянизма, доказала возстаніемъ Гусса, что ищетъ въ Религіи не посредничества Папы, не блеска, не внѣшней торжественности; но истины, одной идеи, прямаго созерцанія. Она доказала, какъ ей близка Религія Греческая, какъ она близка всѣмъ Славянскимъ племенамъ, и всѣ они усвоили бы ее съ душевной готовностію, естьли бы Западъ не распространялъ своего ученія съ такою увлекательною силою и быстротою! И они приняли его потому, что въ его основаніи было святое слово Христа, столь близкое, столь родное душѣ человѣка, какъ сама душа близка Богу, какъ она есть только его дуновеніе: но они не вполнѣ дѣйствовали въ характерѣ Католицизма; приняли его формы, присвоили многія изъ его понятій, но не вполнѣ сдѣлались Католиками!

Въ чемъ же искать причинъ, столь рѣзко отдѣляющихъ Славянскій міръ и Католическій и Греко-Россійской отъ Западныхъ Государствъ? не должно ли ихъ искать въ самыхъ элементахъ Славянскаго племени? Не созерцательность ли составляетъ его главную отличительную характеристику? созерцательность, которая въ невѣжествѣ народа проявляется — безпечностью, въ простомъ воинѣ — равнодушіемъ къ опасностямъ и увѣренностію, съ которой онъ предается судьбѣ, въ несчастіяхъ съ непостижимымъ терпѣніемъ, въ ученой дѣятельности — собственно созерцательностію ума!

Взгляните на жителя Востока: развѣ онъ не безпеченъ въ невѣжествѣ? не преданъ судьбѣ въ несчастіяхъ и опасностяхъ, и развѣ его ученіе, выраженное въ Зендавестѣ, въ твореніяхъ Конфуція и Индѣйскихъ философовъ,—развѣ это ученіе не дышетъ идеальностію, тишиною, не погружено въ себѣ самомъ, развѣ оно не созерцательно?

Такъ и божественное слово Христа: оно полно святости, тишины, внутренней жизни! Оно близко душѣ человѣка, потому что проповѣдуетъ все истинное и благое; оно близко къ характеристикѣ Славянскихъ племенъ, по своей созерцательности!

Да! Славянскій міръ рѣзко отдѣленъ отъ всей Западной Европы. Его племена, и Ка-

толическаго и Греко-Россійскаго исповѣданія, не участвовали въ Крестовыхъ походахъ, были вѣротерпимы въ сравненіи съ своими сосѣдами, не имѣли сильныхъ философскихъ партій, не противостояли Татарамъ съ энергіей Западныхъ народовъ, какъ противостояли Маврамъ жители Испаніи. Возстанія Тверитянъ при Александрѣ, непокорность Новогородцевъ, все это было дѣломъ частнымъ; имъ невоодушевлялась цѣлая Россія, и Александръ же Невскій усмирялъ непокорныхъ Монгольскому насилію. Правда, Россія была раздѣлена на удѣлы безсвязные, независѣвшіе одинъ отъ другаго: но развѣ тягость Монгольскаго владычества не на всѣхъ равно лежала, а единоплеменность развѣ не соединяла всѣхъ Княженій для великой цѣли? и развѣ отдѣльныя владѣнія Испаніи не истощались до послѣдняго усилія въ войнѣ противу Мавровъ?

Знаю, Россія сорвала съ себя цѣпи, наложенныя Монголами, и какъ торжественно ея возстаніе при Дмитріѣ Донскомъ! Какъ грозно она возстала на Поляковъ, мечтавшихъ накрыть ее своей короной! И какъ много сливается думъ и чувствованій съ воспоминаніемъ о битвѣ Куликовской, о силѣ души и народности Минина! Но вспомните, что Дмитрій Донской началъ рѣшительную борьбу съ Ордою, когда она ослабѣла отъ внут-

ренних потрясеній, — и не мы разбили ее и уничтожили, не мы одни свергли съ себя иго Монгольское, нѣтъ! намъ помогъ Тамерланъ, намъ помогли внутреннія раздоры Орды! И когда Орда была въ цвѣтѣ силы, когда Россія испытывала жестокость неволи — много ли было битвъ за свободу? часты ли были попытки сбросить съ себя цѣпи народа, который, въ строгомъ смыслѣ, даже не владѣлъ нашими городами, не жилъ у насъ въ отечествѣ, а кочевалъ по берегамъ Волги!

Какая терпимость, какая готовность предаваться судьбѣ, извлекать возможное изъ настоящаго, — готовность жить не столько внѣшнею дѣятельностію, какъ жизнію внутреннею! Самое возстаніе Минина свершилось въ то время, когда переполнилась чаша страданій, когда отечество наше испытало всѣ оскорбленія, всѣ бѣдствія! Но съ какою же силою оно возстаетъ противу своихъ враговъ, когда наступитъ часъ его дѣятельности! какъ былъ облитъ Кремль Польскою кровью, какъ страшно былъ устланъ возвратный путь Французскихъ войскъ!

Такъ колоссально прорывалась жизнь Востока въ народныхъ переселеніяхъ, въ воинственности, въ Поэзіи и Религіи! Кажется, вся сила души, сохраненная въ вѣка тишины и внутренней жизни, однимъ разомъ облекается во внѣшнюю дѣятельность, и послѣ

великихъ переворотовъ снова начинается тишина, снова внутренняя жизнь и созерцательность!

Хотите ли еще видѣть сей характеръ созерцательности въ Славянскихъ племенахъ? Взгляните на памятники, сооруженные въ нашемъ отечествѣ послѣ великихъ событій: вы увидите, что они воздвигнуты не въ честь людямъ, управлявшимъ событіями, не въ славу какого нибудь лица, или цѣлаго народа, но въ славу *Бога*. Такъ, въ память побѣды надъ Печенѣгами сооруженъ Ярославомъ храмъ Св. Софіи въ Кіевѣ; въ память Куликовской битвы воздвигнутъ не монументъ, но церковь Всѣхъ Святыхъ! Церковь Гребенской Божіей Матери строилась во время опасной борьбы съ Новымгородомъ; Московскій Казанскій Соборъ воздвигнутъ въ память освобожденія Россіи отъ власти и насилія Поляковъ. * Какіе великіе признаки народнаго характера, готовности, съ которой онъ предается прови-

---

* Г. Андроссовъ прежде меня замѣтилъ о церквахъ, какъ о памятникахъ великихъ событій. „Любопытный, говоритъ онъ, не найдя на площадяхъ Московскихъ „бронзы и гранита, ошибется если заключитъ, что „предки наши не умѣли упрочить для потомства воспоминаній о важныхъ случаяхъ жизни Государственной.“ Записки о Москвѣ. — Да, наши памятники въ храмахъ! а монументъ Минину и Пожарскому, Димит-

дѣнію! и все величіе дѣлъ приписываетъ не *лицу, не себѣ*, но одному Богу. Онъ не связываетъ себя внѣшнею дѣятельностію, онъ вручаетъ ее судьбѣ, и живетъ жизнію внутреннею, созерцательною, доколѣ не настанетъ великій часъ его дѣятельности; доколѣ онъ не переполнится мыслію и чувствомъ, или не воззовется всею силою обстоятельствъ!

Не такъ жила Западная Европа: не таковы ея памятники! И не въ сихъ ли элементахъ, не въ созерцательности ли всегда соотвѣтствующей степени просвѣщенія, всегда имѣющей *отличительную характеристику*, соотвѣтствующую *внѣшнимъ условіямъ*, вліянію мѣста и времени,—не въ сихъ ли элементахъ, говорю *я*, заключено рѣзкое отличіе Славянъ отъ всѣхъ Европейскихъ и Азіатскихъ племенъ? Не сею ли характеристикою нашего народа поглощены воинственныя толпы Варяговъ? не она ли *ослабила противоборство* побѣдителей съ побѣжденными, и симъ рѣшительно отдѣлила насъ отъ Запада Европы и завѣщала дру-

———

рію Іоанновичу Донскому, Державину и проч., составляютъ исключенія и суть дѣло новѣйшихъ понятій: они болѣе слѣдствіе *желанія*, нежели потребности. Такъ, волею Императора Александра воздвигнутъ памятникъ Минину; такъ постановленіе монумента Поэту Державину впервые родилось въ душѣ Поэта Лажечникова!

гой путь къ высокому развитію духовныхъ силъ! Не сія ли готовность къ внутренней жизни, довольствіе идеею безъ ея осуществленія воспрещала громоздить замки и не требовала ни Кельнскаго собора, ни храма Петра и Павла, ни храма Византійскаго Св. Софіи. Есть много воздвигнутаго въ славу Бога; но ничего нѣтъ дивнаго въ отношеніи зодчества; а внутренняя жизнь, наслажденія въ своей душѣ, въ самихъ себѣ, проповѣдуемыя Греческою Религіею, поддерживали, просвѣтляли характеръ народный; а огонь и мечь Половецкій и Татарскій, вмѣстѣ съ временемъ, довершали разрушеніе всего созданнаго!

XI.

Боже мой! какъ далеко завлекли меня воспоминанья о минувшемъ! какъ далеко завлекла меня разлука съ тобою, родной нашъ Кремль! За чѣмъ же ты безотвѣтенъ на мои вопросы? за чѣмъ твои братья и твои святыя храмы, волнуя душу, становятся безотвѣтны, когда я вопрошаю о событіяхъ, давно потонувшихъ въ приливѣ вѣковъ? Для чего не ясенъ вашъ младенческій лепетъ? для чего становится онъ вразумительнымъ только въ бесѣдѣ съ лѣтописцами?

Да! однѣ лѣтописи перескажутъ, объяснятъ намъ жизнь народа; но ихъ слово не

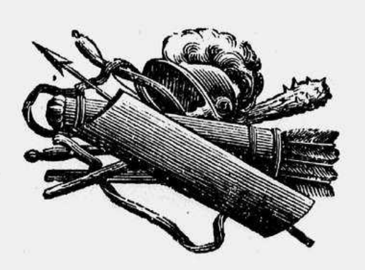
будетъ живо, ихъ мысль не будетъ полна и свѣтла, не будетъ согрѣта чувствомъ, доколѣ мы не призовемъ на помощь всѣхъ памятниковъ древности (которые у насъ должно изслѣдовать не столько въ смыслѣ ихъ наружнаго вида, сколько въ понятіи, въ идеи, по которой они созидались), доколѣ не изслѣдуемъ минувшей жизни народа въ бытѣ и характерѣ живущихъ поколѣній и вліянія на него внѣшней природы.

Такъ, лѣтописи, памятники, бытъ живущихъ поколѣній, природа — вотъ что вполнѣ передастъ намъ жизнь племени, которое мы изслѣдуемъ. Но и сіе сказаніе будетъ свѣтло, близко уму и сердцу только въ то время, когда найдемъ элементъ, который, какъ главный дѣятель, движетъ всѣми событіями, по которому развивается ткань жизни народа, которую мы хотимъ не описать, но возсоздать!

XII.

Время летитъ, и далеко остался Кремль, и предо мною скоро раскинется Украйна, страна военныхъ бурь, страна новая, неизслѣдованная!

УКРАЙНА.

УКРАЙНА.

XIII.

Знаете ли вы Украинскую ночь?
Нѣтъ, вы не знаете Украинской ночи!
Рудый-Панько.

Земля въ дремотѣ зыблется, какъ покойная колыбель младенца; нѣга и тишина разлиты по ней и улелѣяли все живое. Яхонтное небо долго смотрѣлось въ кристальныя воды.... заснуло.... опрокинулось.... и, съ остановившимися свѣтилами, недвижно легло на серебное дно рѣки. Соловьи переливаются изъ трели въ трель, напѣваютъ колыбельныя пѣсни, и подъ ихъ напѣвы отдыхаетъ природа; самыя струи катятся медленно и уклоняются къ тѣнистому саду, что бы заслушаться очаровательныхъ пѣсенъ. Легкій вѣтеръ налету перехватываетъ напѣвы и разливаетъ ихъ по темнымъ рощамъ, обступившимъ правой берегъ рѣки, и по широкимъ безмолвнымъ степямъ, гдѣ царствуетъ какой-то утомительный просторъ.

Во мнѣ улеглись страсти — и, кажется, самое дно души было свѣтло и чисто. Я не слышалъ на себѣ тѣла — и, тихо восторженная душа, носилась въ мірѣ дивнаго упоенья. Ей было легко и радостно, какъ птичкѣ, вылетѣвшей на волю, какъ юной Пери, когда предъ ней отверзлися врата эдема. Мнѣ уже послышались райскія пѣсни, я видѣлъ лучезарный Божественный свѣтъ: онъ озарилъ, ослѣпилъ сына земли; я не вынесъ его блеска, я проснулся.... Восходящее солнце казалось мнѣ божественнымъ свѣтомъ; въ жизни и говорѣ пробужденной природы, въ треляхъ соловья мнѣ чудились неземныя пѣсни, въ нихъ слышалъ я гармонію вселенной гласъ Бога, живущаго душею въ своемъ созданіи.

Это было въ Іюнѣ, въ деревнѣ, надъ струями тихаго Донца. Подлѣ оконъ шептались липы, насажденныя моимъ дѣдомъ. По одной сторонѣ рѣки раскидывались поля и разсыпались серебристымъ пескомъ широкія степи; съ другой виднѣлись мѣловыя горы и темные овраги, поросшіе дубами и грушевыми деревьями.

Это страна Русскаго полудня, это Украйна!

XIV.

Украйна! какъ много мечтеній пробуждаетъ одно имя твое! Какъ сильно прикована душа къ твоей бурной, измѣнчивой судьбѣ, къ твоимъ безмолвнымъ курганамъ и неразгаданнымъ изваяньямъ! Какъ легко переносятъ меня воспоминанья къ твоей минувшей жизни, къ твоимъ воинственнымъ Ордамъ и раздолью самой природы. Передо мной опять раскинулись широкія равнины и степи, и по нимъ едва катятся чистыя воды Донца, Ворсклы, Харькова, Псела; передо мной твои поля, засланныя зелеными коврами, оживленныя играми разсыпавшихся табуновъ. По правую сторону темнѣютъ лѣса и рощи: они широкой полосой тянутся къ Полтавской границѣ. Эта сторона болѣе гориста, изрѣзана оврагами; сѣверные берега Сулы, Ворсклы и Псела поднялись высокимъ гребнемъ. Самый правый берегъ Донца высится надъ своими окрестностями, и вы видите съ него однѣ равнины и степи, которыя, здѣсь начинаясь, тянутся чрезъ Днѣпръ къ берегамъ Дуная и Чернаго моря и чрезъ Донецъ до устья Дона и Волги къ общему Сырту и берегамъ моря Каспійскаго. Почва сихъ степей, особенно за Дономъ и Волгою, песчана, вкусу морской воды и усѣяна солончаками и раковинами. Все это обратило на себя вниманіе Естествоиспытателей. Первый Турнефортъ замѣтилъ, что было время, когда проливъ Константинопольскій не существовалъ и море Черное не соединялось съ Средиземнымъ; и что не прежде Девкаліонова потопа, сіи скалы прорвались

отъ землетресенія или отъ сильнаго напора воды!

Почти чрезъ столѣтіе послѣ него нашъ знаменитый Палласъ подтвердилъ догадку доказательствами. Онъ рѣшительно говоритъ, что моря: Каспійское, Черное и Аральское составляли нѣкогда одно море и берегами его были холмы общаго Сырта, возвышенности между Дономъ и Волгою, и къ западу вѣроятно гранитная отрасль Карпатскихъ горъ, растянутая по южнымъ Губерніямъ Россіи. Наконецъ пишетъ Палласъ: »Черное море »разорвало естественную преграду, хлынуло »въ Средиземное, наводнило часть Греціи, »острова Архипелага и произвело тѣ опусто»шенія, о коихъ дошли однѣ темныя пре»данья.... Волны морскія нашли себѣ путь »чрезъ Константинопольскій проливъ, и моря »Черное, Каспійское и Аральское раздѣлились, »прежнія мѣли превратились въ наносный пе»сокъ, острова образовали холмы, морскія »бѣздны озера и солончаки.»

Кто не задумается, бродя по симъ безбрежнымъ для взора степямъ, зная, что онѣ были нѣкогда дномъ обширнаго моря; что здѣсь беззаботно покоились морскія чудовища, а тамъ въ вышинѣ, гдѣ вьется теперь жаворонокъ, разсыпая звонкія пѣсни, тамъ завывала буря, пѣнились волны и погибающіе

пловцы страшились упасть на эти равнины, гдѣ теперь такъ много роскоши и раздолья!

И это море захватывала часть нынѣшней Украйны, и, можетъ быть, я не разъ бродилъ на древнихъ его брегахъ!...

Да! я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня дивнымъ видомъ.

Я былъ на горѣ Нижняго-Салтова, подо мной катился Донецъ, тянулись равнины и степи съ расбросанными деревнями, а мнѣ казалось: я на высокомъ утесѣ и подо мной раскинулось море, и деревни стали судами! Въ это время, кажется, былъ штиль, ничто не трогалось съ мѣста; вѣтеръ не колыхалъ поверхности, лишь порою крестьянская телега всплывала на горизонтѣ безмѣрнаго пространства, шевелилась и казалась какимъ-то чудовищемъ; порою разсыпанныя стада играли какъ морскія птицы, да чайка съ крикомъ взвивалась надъ водою, останавливалась на воздухѣ, долго трепетала крыльями, не трогаясь съ мѣста, и камнемъ бросалась за добычей.

Это были Украинскія степи. Онѣ казались мнѣ затихнувшимъ моремъ!

Да! это море извергнуло тысячи чудовищъ на берегъ нашего отечества — и они приползали къ его сердцу, сосали изъ него и кровь... и жизнь....

Смотрите, тамъ—на Востокѣ, на отдаленномъ краѣ неба что-то виднѣется какъ

точка. Она растетъ.... близится... и предъ вами тысячеглавое чудовище: оно облито блестящею чешуею; вы слышите его глухой говоръ.... оно извивается, влачитъ за собою страшный хвостъ и тяжело ползетъ по землѣ, приподнялось на высокой берегъ рѣки.... кажется, остановилось.... зашипѣло.... и, перегнувшись по ней, крадется къ нашему отечеству; впало въ него, поглощаетъ все близкое, все рушитъ, браздитъ нивы, ломаетъ лѣса, палитъ своимъ дыханьемъ, упивается кровью — и сытое, ползетъ въ свое море, въ свои пустынныя степи. Это набѣгъ Половцовъ. Такъ выкидывалъ на насъ Востокъ свои кочевыя орды съ ихъ табунами, съ ихъ войлочными кибитками и бѣднымъ элементомъ бродячаго народа: безъ религiозной фантазiи, безъ законовъ, съ немногими простыми обычаями, полныя невѣжества и дикости. Онѣ привыкли къ своимъ степямъ, сжились съ ними и цѣлый мiръ готовы были обратить въ пустыни.... Онѣ врывались въ наши предѣлы, пепелили города и селенья, уничтожали лѣса; но не завоевали земли, не умѣя владѣть ею другимъ образомъ какъ владѣютъ степями! И, какъ бродячiй народъ, брали одну движимую собственность, чтобъ унести ее въ свои кочевья; самыхъ плѣнныхъ рѣдко обращали въ рабство, а брали для промѣна на золото и въ надеждѣ на ихъ выкупъ; однимъ словомъ, онѣ никогда не могли завоевать Россiи: это было противно элементу ихъ кочевой жизни, или онѣ должны были измѣниться сами. Но ихъ набѣги нанесли страшныя раны; ихъ дань была тяжела для нашихъ Князей и народа. Неразъ дѣвы Половецкiя, какъ говоритъ безвѣстный Поэтъ, *пѣли побѣдныя пѣсни на берегу Синяго моря, звѣня нашимъ золотомъ!* Но встрепенулась Русь, пораженная первымъ, внезапнымъ ударомъ, повела свои дружины—и втоптала враговъ въ ихъ пустынныя степи, самые ихъ Князья пришли къ намъ плѣнниками.

Прошло много лѣтъ — и чудовище снова ожило, снова губило нашу родину. Тогда явился Герой — Поэтъ Игорь, Князь Сѣверной. Онъ войною поднялъ свою страну — и повелъ ее въ степи Половецкiя, чтобы преломить копiе свое, положить тамъ свою главу, или шеломомъ испить Дону; сыпалъ на враговъ стрѣлы каленыя, гремѣлъ о шлемы ихъ мечемъ булатнымъ. Два дни было раздолье битвы. Земля смочена кровью, усыпана костями. Въ третiй день пала дружина Игорева: тутъ кроваваго вина не достало.... кончили пиръ свой храбрые Русскiе, напоили гостей и легли за отечество! Самъ Игорь живетъ плѣнникомъ у Хана Кончака. Но не надолго. Онъ спасается бѣгствомъ, скачетъ, по степямъ на лихомъ конѣ, снимая съ под-

небесья стрѣлами дикихъ птицъ себѣ для пищи.... Но измученный конь падаетъ; Игорь садится въ ладью — и плыветъ къ верховьямъ Донца. Донецъ ожилъ и говоритъ Князю: «не мало тебѣ, Игорь, величія, Хану Кончаку досады, а Русской землѣ веселія.» Игорь отвѣтствуетъ: «не мало тебѣ, Донецъ, величія, когда ты лелѣешь меня на своихъ волнахъ, стелешь мнѣ траву мягкую на берегахъ серебряныхъ, одѣваешь меня нѣгой подъ тѣнію древа зеленаго, охраняешь дикими птицами на струяхъ и вѣтрахъ.»

Прошли вѣка — и я стою на берегѣ Донца, я отдыхаю на его зеленыхъ коврахъ, и волны его лелѣютъ мой челнъ, и птицы падаютъ съ поднебесья къ моимъ ногамъ!... Быть можетъ, на семъ мѣстѣ отдыхалъ бѣглецъ — Герой, дивною мыслію измѣрялъ вѣка и обхватывалъ предѣлы Русскаго царства; быть можетъ, здѣсь его сопутникъ безъимянный, безсмертный пѣвецъ *Слова о полку,* леталъ въ поднебесьи своими крылатыми мечтами.* Быть можетъ, я не разъ задумывался надъ

* Что *Слово о полку Игоревѣ* чисто Малороссійское произведеніе—это видно изъ многихъ оборотовъ, любимыхъ сравненій, которыя и теперь близки сердцу Малороссіянина! Что это *пѣсни* не только современниковъ, но даже участниковъ въ походѣ—это доказываетъ подробность многихъ описаній, знанье *Заукраинской* мѣстности и живость пѣснопѣнья. Обо всемъ поговоримъ въ другое время. Макферсонъ не помѣшаетъ намъ.

пустыннымъ курганомъ — и грустныя мысли тонули въ глубинѣ минувшаго, не зная, что сей курганъ набросило самое время надъ костями Русскихъ, не думая что это гробъ дружины Игоревой!

Давно не стало Героя — Князя, разбѣжалось, исчезло самое племя Половцевъ; Украинскія степи одичали, запустѣли и долго, долго не заходилъ сюда человѣкъ. Лишь Половецкіе кумиры, покинутые своими поклонниками, стояли одинокіе, забытые; ихъ заносило снѣгомъ, они заростали травой, и кругомъ не было видно слѣда человѣческаго, и птицы не пугались ихъ безобразнаго изваянья. Мѣстами курганы костей, какъ часовые, стерегли свое пустынное жилище; порою Крымцы переходили чрезъ обезлюдившія равнины, спѣша на кровавые набѣги; порою мощный орелъ, свивая кругъ за кругомъ ширялся надъ стадомъ драхвъ или гусей, ниспадалъ на него ураганомъ — и стадо разбитое, перепуганное кидалось во всѣ стороны, какъ весенній ледъ подъ тяжелымъ ударомъ, да временемъ пустынный вѣтеръ шумѣлъ въ лѣсахъ, струилъ и волновалъ песчаное море!...

XV.

Украйна обезлюдѣла, запустѣла!

Бывало пусто въ Украйнѣ, когда покидали ее Половцы, пускаясь въ набѣги или передви-

гаясь къ низовьямъ Донца. Бывало, пусто въ Украйнѣ, когда злые Татары, разсѣявши Половцевъ, или взявши ихъ въ рабство, нахлынули на Русь, спалили ея города и, укрѣпившись на самомъ Заднѣпріи, привольно гуляли по обширному пепелищу.* Но не бывало въ Украйнѣ такого запустѣнія, какъ во время владычества Ляховъ надъ Южною Русью: когда не стало Половцевъ, когда Татары, стѣсненные Гедеминомъ, разбитые Донскимъ, разсѣянные Тамерланомъ бѣжали къ Тавридѣ и степямъ Кубанскимъ. Тогда Украйна обезлюдѣла; запустѣло Каганово городище, забыты идолы, расбросанные по степямъ и рѣдко заходилъ сюда человѣкъ.**

Только въ исходѣ XIV столѣтія дальновидный Годуновъ основалъ на берегу Оскола укрѣпленный городокъ въ защиту отъ Татарскихъ набѣговъ и назвалъ его *Царево-Бори-*

---

* Покоривши Южную Россію, Монголы сторожили близь Канева, охраняя завоеванныя владѣнія отъ Западныхъ сосѣдовъ.

** *Каганово* городище верстахъ въ 8-ми отъ Харькова: его названіе говоритъ намъ о Каганахъ Половецкихъ. Каменныя изваянія, разсѣянныя по степямъ украинскимъ, обыкновенно стоятъ на высокихъ курганахъ и, вѣроятно, были идолами кочевыхъ народовъ, или ставились вмѣсто памятниковъ надъ убитыми или умершими Героями. Находимыя въ курганахъ кости оправдываютъ послѣднюю догадку.

совымъ. За нимъ тянулись степи, отъ него до Бѣлгорода и далѣе были пустыни.*

XVI.

Кто же первый рѣшился основать здѣсь постоянное жилище? Что привело его въ пустынную, дальную страну, беззащитную отъ набѣговъ Крымцевъ и Ногайцевъ?

Освобожденіе отъ угнетенія Польши!

XVII.

Въ началѣ XIV столѣтія, южная Россія, измученная вѣковымъ владычествомъ Татаръ, исторгнута изъ ихъ рукъ Литовцами. Гедиминъ завоевалъ почти всю Малороссію, и въ самомъ Кіевѣ поставилъ своего намѣстника Князя Гольшанскаго.

Съ сего времени, страна сія стала принадлежать къ Литовскому Королевству, а потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, какъ Воеводство, перешла къ коронѣ Польской.

Не легко было Малороссіи подъ рукою Литовцевъ! Правда, они не стѣсняли православной Религіи: устроивали города, возстановляли наши храмы; но Малороссія не была Великимъ Княженіемъ, она была Воеводствомъ

---

* Царево-Борисовъ построенъ въ 1599 году, верстахъ въ 10 отъ нынѣшняго Изюма.

Литовскимъ; она не имѣла самобытности, и ея козаки, возникнувшіе въ бурный вѣкъ Татарскаго владычества, бились не за свою родину, но за новое Государство!

Тяжелѣе стало Малороссіи, когда перешла она во власть Польши, и когда возникла въ ней Унія.

Польша хотѣла истребить въ жителяхъ Малороссіи самую мысль объ отторженіи, тѣснила всѣ сословія; хотѣла привязать ихъ къ себѣ всѣми отношеніями гражданства и Религіи, и думала даже о поголовномъ истребленіи страшныхъ для нея козаковъ. * Но чѣмъ сильнѣе были ея дѣйствія, чѣмъ тягостнѣе становилось ея владычество; тѣмъ быстрѣе переходила Малороссія изъ быта гражданскаго въ бытъ Козацкій. «Воин-«ства же Козацкаго, говоритъ лѣтописецъ, «нихто изчести не можетъ: сколько бо

* Въ наказѣ Россійскимъ посламъ, отправленнымъ въ Польшу 1653, сказано: „еще съ 1648 года служаютъ Россійскому Государю Гетманъ Хмѣльницкій и все Запорожское войско, съ одной стороны, жалобами на Рѣчь Посполитую Польскую въ великомъ утѣсненіи, гоненіи и поруганіи исповѣдуемой ими издревле благочестивой Греческой Вѣры .... и въ намѣреніи ихъ (Поляковъ) тайно напасть и истребить всѣхъ Запорожцевъ.“ — Исторія объ Уніи, стр. 119. То же въ Ист. Малор. Д. Н. Бантыша-Каменскаго. И хотѣ, яко же глаголять, внизу около Днѣпра живущихъ всѣхъ побити.... (сказаніе). См. Запорож. Старину. Г. Срезневскаго.

«конныхъ, столько и пѣшихъ, и *сколько на* «*Украйнѣ въ Малороссіи людей, столько и* «*Козаковъ* .... не требе нуждою собирати, «яко по иныхъ чужеземныхъ странахъ тво-«рятъ; не требе великаго найму обѣщева-«ти; речетъ старшій слово, абіе войска «числомъ, аки трава будетъ...« * Такъ легко обращало угнетеніе каждаго гражданина въ воина, и бытъ гражданскій въ бытъ полукочевой Козацкій!

Чѣмъ опаснѣе становилась Малороссія для Польши, тѣмъ Польша дѣйствовала сильнѣе и даже съ большею жестокостію. Наше дворянство лишено было вольностей Польскаго Шляхетства и должно было сносить обиды и укоризны. Крестьяне были обложены трехдневною барщиною, платою за землю, ими воздѣлываемую, оброкомъ въ праздники: Пасхи, Рождества и Духовъ день; сверхъ того отдавали десятину отъ родившагося скота, птицы, однимъ словомъ — отъ всѣхъ приращеній. Этого мало: «помѣщики, гово-«ритъ очевидецъ, отнимая имѣніе у кресть-

* Сказаніе, откуду Козаки Запорожане, и чѣмъ славни. См. Запорож. Старину Г. Срезневскаго. Одна сія выписка доказываетъ, что бытъ козацкій не былъ прививнымъ въ Малороссіи, что онъ произошелъ не отъ поселившихся здѣсь Черкесъ, какъ многіе думаютъ, но есть чистое произведеніе Малороссійской народности и безпрерывныхъ войнъ.

»янъ, располагаютъ произвольно и жизнію »ихъ. Такъ неограниченны вольности Польскаго Дворянства: оно блаженствуетъ будто въ Раю, а крестьяне мучатся, какъ въ »чистилищѣ.«* Помѣщики брали подать даже за свадьбу и за рожденье дѣтей, и самыя церкви Греко-Россійскаго вѣроисповѣданья отдавались на откупъ Жидамъ. Польша всего болѣе надѣялась привязать къ себѣ Малороссію сближеніемъ съ нею посредствомъ Уніи; но жестокости, кажется, превзошли желанія Польскаго правительства, и борьба Религіозныхъ понятій сдѣлалась болѣе ожесточеніемъ народнымъ, нежели предначертаніями правительства.

Неистовства были ужасны! не помогали ни просьбы Малороссійскаго народа, ни Гетмановъ, ни заступленіе Русскихъ Государей.**

Не разъ приносились жалобы Королю на угнетенія, дѣланныя Шляхетствомъ и Католическимъ духовенствомъ, не разъ положено было на Сеймахъ сохраненіе Греко-Россійской Вѣры; но слова Сейма или оставались безъ исполненія или имъ не внимали — и насиліе снова водворялось.

* Описаніе Украйны Боплана.

** Унія возникла въ исходѣ XVI столѣтія, когда Антоній Поссевинъ Іезуитъ и посолъ Папскій, отправленный къ Іоанну Васильевичу Грозному для переговоровъ о соединеніи Западной и Восточной церкви, не получилъ никакого успѣха, и, бывши ревностнымъ Католикомъ, первый подалъ мысль объ Уніи. Онъ предложилъ устроить въ Римѣ училища Россійскаго языка, чтобъ чрезъ знающихъ оный дѣйствовать на исповѣдывающихъ Греческую Вѣру. Потомъ, бывши въ Польской Украйнѣ онъ воспользовался неудовольствіями нѣкоторыхъ Духовныхъ особъ на справедливую строгость Константинопольскаго Патріарха Іереміи, убѣдилъ ихъ признать своимъ единымъ владыкою Папу, исповѣдывать Католическую Религію, и вмѣстѣ съ симъ обѣщалъ сохраненіе всѣхъ наружныхъ формъ, признанныхъ Греческою церковью.

Первый изъ Русскихъ Государей, вступившихся за своихъ утѣсненныхъ единовѣрцовъ, былъ Алексѣй Михайловичь.

Столь была ужасна судьба Малороссіи: она испила по капли всѣ бѣдствія! Дворянство не пользовалось Польскими вольностями, крестьяне были истощены работами, стѣснены на каждомъ шагѣ жизни! Все было угнетено, оскорблено, и для Малороссіянина не оставалось ни наслажденья, ни безопасности въ домѣ, ни правъ въ Государствѣ: осталось одно прибѣжище — *бытъ Козацкій*, полный дикой поэзіи. Козаки стали страшны для Польши, и она задумала объ ихъ истребленіи!* Тогда переполнилась чаша испытанія, Малороссія схватилась за мечь, и подъ предводительствомъ Косинскаго и Наливайки нанесла первые, тяжелые удары своимъ утѣснителямъ.

* Исторія Малороссіи, Д. Н. Бантыша-Каменскаго.

Но Косинскій палъ въ битвѣ, Наливайко сожженъ въ Варшавѣ.

Ой, не дай же, Боже
У Польщй умерти!
Никто не посумуе
О твоій смерти.
Тількй-жЪ воронЪ, воронЪ
Прилетить до тебе,
Та й сядить на тебе,
Та поклюе тебе.
Ой, поклюе тебе,
Та й перестане.
Прилетить зозуленька,
Та плакати стане.
Тількй-жЪ воронЪ та зозуля
Й будуть тебе знати;
Тількй-жЪ одна зозуленька
Й буде сумовати. *

Но какъ ни тяжело умирать на чужбинѣ, а

Присудили Наливайка
Та Ляхи спалити,
Присудили Козаченьки
ЛяхамЪ вйдомстити!

И вотъ, явились другіе герои, защитники отчизны. Остраница и Гунъ принудили Поляковъ оставить Козакамъ ихъ прежнія вольности и забыть жестокое пораженіе подъ

* Всѣ пѣсни и думы взяты изъ Запорожской Старины Г. Срезневскаго.

Старицею. Самые крестьяне вооружались, возставали противъ своихъ притѣснителей и разносили страшныя опустошенія подъ предводительствомъ Остапа и Ганжи. *

Прилучилося, бачь, лихо,
Ляшьскій породй.
Не такое йще-бЪ лихо,
ЯкЪ тая позора,
Що ходить то по бйлу свиту
ЗЪ двора та до двора.
Не такЪ тая позора,
ЯкЪ КозакамЪ порада,
Що кравщину шануючи
ЛяхамЪ далась зрада.

Не проходило восьми лѣтъ безъ возстанія, и подъ Переяславлемъ, Берестечкомъ, Желтыми Водами, подъ Чигиринымъ — тяжелъ былъ для Поляковъ мечь Козацкій! — Козаки

Швыдкіи, быстрыи,
ЯкЪ орлы лйтають,
На Ляшьскіи городы
Хмарой набйгають.
А вЪ йхЪ списы булатныи
ЗЪ довгими кйнцями,
Всй гострй якЪ голочки,
ЗЪ довгими клюгами.

* Смотри Ист. М. Р. Г. Бантыша-Каменскаго.

А вѣ ихѣ шабли булатный
На обидвы боки,
Ляхамѣ зраду сыплять
По всй вичнй роки.

Много было удачь!

Тогда Малороссія отдыхала на время. Поляки давали ей льготы, обѣщались дать всѣ права своего отечества, и снова начинались угнетенья, и снова битвы!

Тогда истощенные, замученные Малороссіянне задумали о подданствѣ Россіи; другіе еще прежде искали дикой воли въ странѣ припорожской, и бѣжали туда къ своимъ землякамъ, переселившимся еще во времена тяжкаго владычества Татаръ; иные переселялись на берега Ворсклы, Псела, Харькова и Донца и образовали новую, послѣднюю Русскую *Украйну!*

Ой и сила, сила, сила
Силу подолила!

XVIII.

Бѣжавшіе къ Днѣпровскимъ порогамъ скрывались въ нихъ, искали защиты въ неприступности скалъ, жили, огражденные глубиной и быстротой рѣки и даже лабиринтомъ островвовъ, въ которыхъ не разъ блуждали и гибли ихъ враги Турки.

Наконецъ переселенцы составили ватагу, подвластную одному Атаману и стали грозою своимъ врагамъ.

Не разъ бѣжали Турки отъ меча Малороссійскаго и падали подъ его ударами у самыхъ стѣнъ Константинополя. «Ни угрозы Турецкихъ Султановъ, ни строгія постановленія Польскихъ Сеймовъ не дѣйствовали на сихъ витязей. Челноки ихъ разгуливали по морю, брали Турецкіе корабли, опустошали Крымъ, Малую Азію, даже окрестности Константинополя. Въ 1590 году, они выѣхали на море и овладѣли многими Турецкими кораблями; многочисленный козацкій флотъ присталъ къ берегамъ Малой Азіи; Козаки овладѣли богатыми и торговыми городами Требизонтомъ и Синопомъ, разграбили ихъ, сожгли и опустошили окрестности на 10 миль. Въ 1605 году, они доходили до Варны, разграбили и сожгли сей городъ; въ 1606 году, овладѣли на Черномъ морѣ десятью Турецкими кораблями. Съ избраніемъ въ Гетманы Петра Конашевича, прозваннаго Сагайдачнымъ, ни Крымъ, ни цвѣтущіе Малоазійскіе города, ни самыя окрестности Константинополя не имѣли покоя отъ Козаковъ. Въ 1612 году, они взяли приступомъ Кафу; въ 1613 и 1614, опустошали берега Чернаго моря; въ 1615, истребили совершенно Турецкую флотилію, состоявшую изъ 6 галеръ и

20 мелкихъ судовъ, сожгли Требизондскій арсеналъ и превратили въ пепелъ Синопъ; наконецъ въ 1624 году, пользуясь отплытіемъ Турецкаго флота къ Крыму, Козаки пристали въ милѣ отъ Константинополя, опустошили загородные домы и мызы; десять Турецкихъ галеръ не осмѣлились напасть на ихъ челны, и устрашенные Оттоманы въ первый разъ должны были замкнуть цѣпью гавань Константинопольскую и защищать стѣны Султанскаго сераля. Въ 1629 году, Козаки приблизились къ Константинополю; 12 челновъ ихъ подъ покровомъ ночи вошли въ каналъ, и были вогнаны вѣтромъ въ средину четырнадцати Турецкихъ галеръ. Тогда удальцы, окруженные непріятелемъ, поспѣшно сдѣлали высадку на берегъ, овладѣли однимъ Греческимъ монастыремъ и защищались тамъ въ продолженіи 4 часовъ. Товарищи ихъ, догадываясь по пушечнымъ выстрѣламъ о происходившемъ, спѣшили на помощь, вошли съ пятидесятью челнами въ каналъ, овладѣли 2 галерами, выручили своихъ сподвижниковъ и возвратились съ побѣдой и добычею.« *

И всѣ сіи набѣги свершались въ бѣдныхъ челнахъ безъ пушекъ, съ однѣми саблями и пищалями. ** И противъ какого врага дерзала

* Описаніе Украйны, соч. Боплана. См. примѣчанія Ѳ. У.

** Козаки только въ началѣ XVIII столѣтія начали запасаться не большими фальконетами. *Крейсъ.*

возставать бѣдная толпа народа? Противъ Оттоманской порты, отъ которой трепетали сильнѣйшія Державы; противъ Крымскаго Хана, который не переставалъ громить обширную Русскую землю! Дивлюсь, и готовъ повѣрить, что древніе Руссы, которые такъ страшно разгуливали по Эвксинскому Понту, отъ которыхъ онъ получилъ самое названіе, что сіи Руссы были Славяне, Малороссіяне!

Не было преграды ихъ набѣгамъ и за два вѣка; ихъ не останавливали ни галеры, вооруженныя пушками, ни сильно укрѣпленныя крѣпости, ни бурная запальчивость Янычаръ. Что же могло имъ противостоять за тысячу лѣтъ? Греческій огонь былъ для нихъ опасенъ менѣе пушечныхъ выстрѣловъ; а удары Византійскаго меча были для нихъ слишкомъ легки!

Вы удивитесь, если только въ первый разъ услышите объ устройствѣ козацкихъ челновъ, на которыхъ они разгуливали по морямъ. Это были лодки длиною отъ 7 до 10, и шириною отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 саженъ; бока ихъ вокругъ обшивались тростникомъ, который защищалъ стѣны отъ непріятельскихъ пуль и препятствовалъ лодкѣ опрокинуться, или потонуть, когда ее заплескивало волнами; корма и носъ дѣлались равноострыми, чтобы, не переворачиваясь, можно было плавать

взадъ и впередъ. Рейный парусъ употреблялся очень рѣдко; въ дѣйствіи были однѣ весла, которыхъ считалось на каждомъ челнѣ отъ 16 до 40. Намѣреваясь выступить въ походъ, собирались 5 или 6 т. Козаковъ; изъ нихъ выбиралось человѣкъ по 60 для построенія каждаго челна, который совершенно отдѣлывался дней въ 15, такъ что въ 2 или 3 недѣли изготовлялось до 100 челновъ; изъ коихъ на каждый садилось отъ 50 до 60 Козаковъ, вооруженныхъ саблями и двумя пищалями. Съѣстные запасы ихъ состояли изъ ячменя, ячной муки и копченаго мяса, одежду въ сіе время надѣвали самую дурную: она состояла изъ рубахи, шароваръ, толстой свиты и шапки *. Это отнимало у Турковъ всякое желаніе гоняться за козацкимъ богатствомъ. Имъ нужны были сами Козаки и гибель ихъ летучей флотиліи; но рѣдко удавалось имъ брать въ плѣнъ удальцовъ и разбивать пушечными выстрѣлами ихъ челны. Козаки были всегда осторожны и зорки, а челны ихъ замѣтны менѣе Турецкихъ галеръ.

---

* Описаніе Украйны, Боплана. Свита была верхнею одеждою: она обыкновенно дѣлалась съ кобенякомъ или капишономъ, который накидывался на голову въ случаѣ непогоды. Зап. Ст. Срезневскаго. Свитки или свиты и теперь употребляются; но болѣе безъ кобеняковъ.

Былъ случай, когда Оттоманскій флотъ преслѣдовалъ Козаковъ на возвратномъ пути съ ихъ набѣговъ. Турецкія галеры достигли уже Скарбницы; но здѣсь нашли свою гибель: здѣсь Днѣпръ покрытъ болѣе десяти тысячь островов, разбросанныхъ безпорядочно, заросшихъ камышемъ, который застилаетъ протоки. Въ сей лабиринтъ завели Козаки непріятеля; онъ запутался въ немъ, растерялся — и въ это время Козаки грянули въ него со всѣхъ челновъ, заслоненныхъ камышами; перетопили много галеръ и отвадили Турковъ отъ покушенія входить въ козацкія жилища.

Въ этомъ лабиринтѣ они скрывали свою казну и пушки; каждый Козакъ имѣлъ свой тайникъ, но враги не проникали туда, и никто изъ нихъ не могъ узнать о козацкой тайнѣ.

Сухопутные набѣги ихъ были столь же неожиданны и бурны! Вспомните, сколько разъ они обращали въ пустыни самый Крымъ, какъ разбили при Молочныхъ водахъ Нурадина! какъ страшна была предпріимчивость и отвага Самуся и Палія, овладѣвшихъ Корсунемъ, Богуславомъ, Немировымъ и Бердичевымъ. Вспомните, сколько разъ Конашевичь Сагайдачный опустошалъ берега Чернаго моря, какъ бился онъ подъ Хотинымъ и какъ дики

и разгульны были сіи набѣги! Вслушайтесь, какъ доселѣ поетъ вамъ бандуристъ о Сагайдачномъ:

Що проминявъ жинку
На тютюнъ та люльку,
Необачный.

—Ой, вернися, Сагайдачный!
Возьми свою жинку,
Покинь свою люльку,
Необачный.

Что же онъ отвѣчаетъ?

—Мини зъ жинкой не возиться,
А тютюнъ та люлька
У дорози Козакови
Знадобиться.

Гей, хто въ лиси, озовися
Та выкрешемъ огню,
Та запалимъ люльки,
Не журися!

И сей же бездомовный, буйный Козакъ Сагайдачный строитъ церковь, монастырь, училище и отдаетъ все свое имѣніе въ пользу учащихся, а самъ принимаетъ монашескій чинъ и ведетъ тихую, смиренную жизнь. *

Таковы были *Запорожцы!*

---

* Истор. Малор. Бантыша-Каменскаго. Запорож. Старина, Срезневскаго. Сагайдачный построилъ Кіевобратскій монастырь.

XIX.

Другіе изъ притѣсненныхъ Поляками переселились въ первой половинѣ XVII столѣтія на берега Ворсклы, Сулы, Харькова и Донца.

Въ 1650 г. Богданъ Хмѣльницкій позволилъ таковое переселеніе въ дикопорожнія земли, сопредѣльныя съ Россіею; а въ 1659 сынъ его Юрій, видя непрестанныя безпокойства въ Заднѣпровской части Малороссіи, приказалъ народу, какъ пишетъ Лѣтописецъ „невозбранно выходить въ сію часть Украйны, „который, не вмѣстясь въ Мароросcіи, по„шелъ въ Великороссію, гдѣ пустыя земли „великими слободами осадилъ.„ Вотъ первые поселенцы нынѣшней Украйны! *

Они нашли здѣсь природу обильную многими произведеніями, готовую воздавать десятерицею за трудъ человѣка. Лѣса и степи были полны птицъ и звѣрей; рѣки кипѣли рыбою, и въ озерахъ она часто задыхалась отъ чрезвычайнаго размноженія. **

Здѣсь было привольно жить первымъ выходцамъ: притѣсненье Польское устало гнаться за ними въ дальнія степи; оно бродило около

---

* Краткой Лѣтописецъ Малой-Россіи, и Истор. Малор. Бант.-Кам.

** Опис. Укр. Ѳ. У.

Днѣпра и тамъ мучило ихъ оставшихся братій.—Но какая судьба предстояла симъ переселенцамъ? Могли ли они, подобно своимъ братьямъ Запорожцамъ, удержать самостоятельность и стать грозой своимъ врагамъ? Нѣтъ! они не имѣли за себя ни Днѣпровскихъ пороговъ, ни отдаленія сильныхъ Государствъ. Они поселились вблизи Польскихъ владѣній, сопредѣльно съ Россіей, и на самомъ перепутьи Крымскихъ Татаръ.

Они чувствовали сіи невыгоды, и при началѣ переселенія стали искать подданства Россіи.

По занятіи избранныхъ ими мѣстъ, старѣйшіе изъ нихъ извѣщали ближнихъ Русскихъ Воеводъ о поселеніи съ ними народа, и просили о принятіи его въ покровительство Россійскаго Государя. Симъ средствомъ они надѣялись вѣрнѣе защитить себя отъ насилія, и за подданство просили только безпрепятственнаго пользованія хозяйственными заведеніями и промыслами, изъ которыхъ винокуреніе было главнѣйшимъ. А Государи Россійскіе, желая оградить южные предѣлы отъ набѣговъ Татарскихъ, посылали туда Воеводъ, давали имъ войско, строили и укрѣпляли города, и были довольны водвореніемъ воинственныхъ Малороссіянъ на семъ опасномъ перепутьи изъ Крыма въ Россію. Царь Алексѣй Михайловичь повелѣлъ: «не препятствовать ни въ чемъ поселяющимся народамъ и не дѣлать никакихъ затрудненій «въ расположеніи и устройствѣ ихъ поселеній, и объявить имъ Его Царскаго Величества милость, обнадеживъ, что и впредь «Царскою милостію они жалованы будутъ.»

Таковы были взаимныя надежды Малороссіянъ и Русскихъ. Одни видѣли оплотъ въ покровительствѣ сильнаго Государя и полное приволье жизни; другіе радовались заселенію пустынныхъ мѣстъ воинственнымъ народомъ, и надежда не обманула ихъ: почти цѣлое столѣтіе жизнь Украинцевъ была непрестанною войною съ Крымцами. Хотите ли знать, какъ тяжелы были для нихъ набѣги Орды! Вникните въ полукочевую жизнь Татаръ, и послушайте, что раскажетъ вамъ Лѣтописецъ.

XX.

«Получивъ отъ Султана повелѣніе начать набѣгъ, говоритъ Лѣтописецъ, Ханъ собираетъ тысячь до 80 всадниковъ, если самъ намѣренъ громить непріятельскія области; если же посылаетъ Мурзу, даетъ ему около 40 или 50,000.... Для скрытія своихъ движеній и избѣжанія Козаковъ, которые въ степяхъ сторожатъ враговъ и при появленіи ихъ дѣлаютъ тревогу, Татары переходятъ степи

по лощинамъ, идущимъ отъ Крыма къ Польскимъ границамъ; ночью не разводятъ въ лагерѣ огней, и для развѣдыванія и добытія языка высылаютъ наѣздниковъ, поручая только самымъ расторопнымъ и опытнымъ поймать непріятеля. Фронтъ Татарскаго войска, занимая отъ 800 до 1000 шаговъ, состоитъ изъ сотни всадниковъ или 300 коней, потому, что при каждомъ Татаринѣ находится по двѣ заводныя лошади; въ глубину же оно имѣетъ отъ 800 до 1000 коней и занимаетъ около 3 или 4 миль, а во время похода растягивается миль на десять. Для невидавшаго Татаръ будетъ непонятно, какъ 80,000 всадниковъ могутъ имѣть болѣе 200,000 лошадей: не столь часты деревья въ лѣсу, какъ Татарскіе кони въ полѣ; ихъ можно уподобить тучѣ, которая появляется на горизонтѣ и, приближаясь, болѣе и болѣе увеличивается. Видъ сихъ легіоновъ наведетъ ужасъ на воина самаго храбраго, но не привыкшаго къ такому зрѣлищу. На походѣ Татары время отъ времени останавливаются на полчетверть часа, спрыгиваютъ съ лошадей—и, давши имъ передышку, опять вскакиваютъ на сѣдла и продолжаютъ путь; все это дѣлается въ одно мгновеніе. За три или за четыре мили отъ границы, они отдыхаютъ два или три дня въ скрытомъ мѣстѣ и устроиваютъ войско, раздѣливъ оное на три отряда. Двѣ

трети составляютъ главный корпусъ, а одна треть образуетъ крылья — лѣвое и правое. Такимъ образомъ, Татары вторгаются въ непріятельскую землю, идутъ безъ отдыха день и ночь, не дѣлая опустошеній и останавливаясь не болѣе часа для корма лошадей. Отойдя 60 или 80 миль отъ границы, они поворачиваютъ назадъ: главный корпусъ отступаетъ въ томъ же порядкѣ, но крылья удаляются отъ него на 8 и на 12 миль, частію въ сторону, а частію впередъ.... Каждое крыло, состоящее изъ 8 или 10,000 отряда, раздѣляется на 10 или 12-ть пяти или шести-сотенныхъ отрядовъ, которые разсыпаются по деревнямъ, окружаютъ селенія со всѣхъ четырехъ сторонъ, и, чтобы не ускользнули жители, раскладываютъ по ночамъ большіе огни; потомъ грабятъ, жгутъ, рѣжутъ сопротивляющихся и уводятъ мужей и женъ съ грудными младенцами.... Обремененные добычею они спѣшатъ соединиться съ главнымъ войскомъ.... По возвращеніи сихъ грабителей, два свѣжія крыла отдѣляются на право и на лѣво, грабятъ и опустошаютъ точно также какъ и первыя; потомъ возвращаются и онѣ, и вмѣсто ихъ новые отряды выходятъ на добычу.... Разоривъ и опустошивъ область непріятельскую, Татары удаляются въ степи миль на 30 или на 40 отъ границы, останавливаются въ без-

опасномъ мѣстѣ, отдыхаютъ и приводятъ въ порядокъ свое войско. . . . Во время сего роздыха, продолжающагося около недѣли, они собираютъ и дѣлятъ между собою добычу...«* Какъ безчеловѣченъ сей раздѣлъ! Онъ расторгаетъ всѣ узы семейства, отрываетъ младенца отъ груди матери и отнимаетъ жену отъ мужа и брата отъ сестры. Одному изъ Крымцевъ достался отецъ — и онъ влечетъ его на тяжелыя работы, а его дочь или сына захватили Ногайцы и продаютъ ихъ въ рабство Туркамъ. «Самое безчеловѣчное сердце, говоритъ лѣтописецъ, тронется прощаніемъ матери съ дочерью, мужа съ женою, навсегда разлучаемыхъ тяжкою неволею; а Мусульмане безчестятъ женъ и дѣвицъ въ глазахъ мужей и отцевъ; обрѣзываютъ дѣтей въ глазахъ родителей; свершаютъ тысячи неистовствъ. . . . а ихъ дикія пѣсни, и стоны, и вопли несчастныхъ Русскихъ приводятъ въ трепетъ и звѣрскую душу.«**

XXI.

Такъ жестоки были набѣги Крымской орды на южные предѣлы Россіи. Много терпѣла отъ нихъ едва родившаяся Украйна!

* Описаніе Украйны, Боплана.
** Опис. Укр.

Находившись на перепутьи изъ Крыма въ наше отечество, она осуждена была выдерживать весь жаръ перваго гибельнаго удара, и не прошло еще ста лѣтъ, какъ орда Крымская врывалась въ нее со всѣми ужасами опустошенія. «Ноября 7-го предъ Михаиломъ, сказано въ Украинской Лѣтописи подъ годомъ 1736, впала Орда въ Изюмскій полкъ, подъ Андреевку, Лиманъ, Зміевъ и прочія мѣста; много шкоды учинила, а Гинѣевку совсѣмъ выбрала.«*

Этому набѣгу еще не свершилось ста лѣтъ! Чудное дѣло! еще есть люди, которые помнятъ, какъ Ордынцы съ мечемъ въ рукахъ ходили до предѣловъ Курской Губерніи, разрушали города, пепелили селы и деревни, и влекли изъ нихъ жителей въ тяжелую неволю! Помнятъ, какъ страна, гдѣ теперь учрежденъ Университетъ и десятки учебныхъ заведеній, гдѣ наготовѣ стоитъ цѣлый корпусъ войска,—какъ эта страна была границею Россіи, и не по одному только имени составляла Украйну! Нѣтъ! за сей Украйной тянулись пустынныя степи, жили Крымцы и кочевали Ногайскіе Татары!

* Выписка сія сдѣлана изъ фамильной Лѣтописи Гг. Квитокъ, которая начинается 1706 и оканчивается 1788 годомъ. За доставленіе сей Лѣтописи я много обязанъ просвѣщенному любителю наукъ А. Ѳ. Квиткѣ, за что еще приношу мою благодарность.

XXII.

Подверженные столь гибельнымъ и непрестаннымъ набѣгамъ Крымцевъ, бывши въ сосѣдствѣ съ Малороссіею, кипѣвшею неутолимою войною, Украинцы жили какъ въ военномъ станѣ и самые земледѣльцы ходили не безоружными за своимъ плугомъ.

Столь малая обезпеченность собственности и совершенная неувѣренность въ наслажденьяхъ жизни заставили ихъ укрѣпить свои *слободы*, преобразовать ихъ въ города, сдѣлать около нихъ насыпи, иныя обвести стѣнами, запастись пушками и составить изъ себя *постоянное войско*.

Первыми изъ сихъ укрѣпленныхъ слободъ были *Харьковъ*, *Артырка* и *Сумы*; къ нимъ причислены остальныя села, мѣстечки и деревни. По симъ тремъ открывшимся городамъ названы первые три слободскіе полка: *Харьковской, Ахтырской* и *Сумской*.

Вскорѣ послѣ сего Харьковской Полковникъ Г. І. Донецъ построилъ *Изюмъ*, и просилъ у Государя Ѳеодора Алексѣевича позволеніе жить въ семъ городѣ, на что и получилъ въ отвѣтъ слѣдующую грамоту:... «по указу Великаго Государя и по челобитью твоему, велѣно тебѣ Полковнику жить въ новопостроенномъ городѣ Изюмѣ и писаться по

прежнему Харьковскимъ.» * Это было 1688 года, Февраля 17 дня.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Харьковскій полкъ по своей обширности раздѣленъ былъ на два: на собственно *Харьковской* и *Изюмской*, и въ семъ послѣднемъ не сдѣлано никакихъ измѣненій: къ нему причислены отъ Харьковскаго полка нѣкоторыя селы, мѣстечки и деревни; изъ нихъ особенно извѣстныя: Печенѣги, Зміевъ, Купянка, Балаклѣевка, Андреевка и проч. ** Онъ получилъ тѣ же привилегіи, остался при томъже воинскомъ устройствѣ, какъ и полки, прежде его основанные.

---

* См. Записки о Слоб. полкахъ. Ими я руководствовался при изложеніи Исторіи Украйны. Во время построенія Изюма Царево-Борисовъ былъ уже пустъ. Въ Запискахъ о Слоб. пол. сказано: „во время же поселенія Харьковскаго полка сія крѣпость (Цар.-Бор.) была пуста, безъ жителей, потому и занята подъ селеніе того полка Козаками.“

** *Къ Харьковскому полку* были причислены: Липцы, Дергачи, Ольшаное, *Валки*, Мерефа, Соколовъ, Хотомля, Салтовъ, Мортовое, *Волчьи воды* и проч. Изъ нихъ, въ настоящее время, Валки и Волчьи воды или Волчанскъ стали городами. *Къ Ахтырскому полку* причислялись Мурафа, *Боеодуховъ*, Каланшаевъ, Красный Кутъ, Рублевка, Кошельва, Коломакъ и пр. *Къ Сумскому*: Недригайловъ, Бѣлополье, *Лебединъ*, Пѣна, Мирополье, Мижиричь, Ворожба, Суджа и пр. *Къ Изюмскому*: *Зміевъ*, Мохначь, Лиманъ, Андреевка, Балаклея, Савинцы, Сеньковъ, Спѣваковка, *Купянка*, Царе-Борисовъ, Торъ, Печенѣги и проч.

Такъ возникли первые города Украйны, съ ихъ военнымъ устройствомъ.

XXIII.

Всѣ жители сей страны раздѣлялись на полки; вся земля, ими занимаемая, со всѣми селеніями, мѣстечками и деревнями была приписана къ четыремъ полковымъ городамъ: Харькову, Сумамъ, Изюму и Ахтыркѣ.

Главою каждаго полка былъ Полковникъ, избираемый старшинами и чиновниками всего полка. Въ Полковники могли быть избираемы изъ роду простыхъ Козаковъ, но замѣтно, что сей выборъ падалъ болѣе на фамиліи дворянскія, вышедшія изъ Польши: такъ въ Изюмскомъ полку были извѣстны и почтены выборами фамиліи *Кондратьевыхъ* и *Захаржевскихъ*, въ Харьковскомъ полку фамилія *Квитокъ* и *Куликовскихъ*. *

* Вотъ роспись Полковникамъ каждаго изъ Слободскихъ полковъ:

1) *Харьковскаго:* a) Григорій Ерофѣевичъ *Донецъ*, построившій Изюмъ, куда перешла и фамилія его. b) Ѳеодоръ Григорьевичъ *Донецъ-Захаржевскій*. c) Прокофій.... *Куликовскій* (изъ Волоховъ, вышедшихъ съ Княземъ Кантемиромъ) d). Григорій Семеновичъ *Квитка* (дѣдъ его Аѳанасій Квитка родомъ изъ Польскаго Шляхетства, вступилъ въ Русское подданство при Алексѣѣ Михайловичѣ, служилъ Полковникомъ въ Годяцкомъ полку; сынъ его Семенъ

Власть Полковника была велика: онъ жаловалъ землями и деревнями Старшинъ и Сотниковъ и могъ наказывать смертію преступниковъ. Права, имъ данныя и утвержденныя Универсаломъ, за подписаніемъ его руки и приложеніемъ его печати, были неотъемлемы; приговоръ его былъ неизмѣненъ. Сего требовало и самое воинское состояніе страны.

Подъ властію Полковника были: *обозный* и *полковой Старшина*. Въ вѣдомствѣ послѣдняго была артиллерія и принадлежащіе къ ней снаряды. Въ небытность Полковника онъ заступалъ его мѣсто касательно распоряженій, но власти его не имѣлъ. Должность пол-

перешелъ въ Харьковскій полкъ въ 1666 г. и служилъ тамъ полковымъ судьею). e) Степ. Ив. *Тевяшевъ*. f) Матвѣй Прокоп. *Куликовскій*, при уничтоженіи полковъ отставленъ Арміи Полковникомъ.

2) *Изюмскаго:* a) Конст. Григор. *Донецъ-Захаржевскій*; b) Ѳед. Влад. *Шидловскій*; c) Мих. Конст. *Донецъ-Захаржевскій*; d) Лаврент. Ив. *Шидловскій*; e) Ив. Григор. *Квитка*, и послѣдній f) Ѳед. Ѳом. *Краснокутскій*.

3) *Сумскаго:* a) Герас. Григор. *Кондратьевъ* (вышелъ изъ Польши и поселилъ Сумскій полкъ); b) Андр. Герас. *Кондратьевъ*; c) Иванъ Герас. *Кондратьевъ*; d) Вас. Дан. *Перекрестовъ-Осиповъ*; e) Дмитр. Ив. *Кондратьевъ*; f) Мих. Мих. *Донецъ-Захаржевскій*; g) Ром. Ив. *Романовъ* (перешелъ въ Сумс. Гус. полкъ).

4) *Ахтырскаго:* a) Демьянъ... *Зиновьевъ*; b) Ив. Ив. *Перекрестовъ*; c) Ѳед. Осип. *Осиповъ*; d), e), f), g) Алексѣй, Иванъ, Конст., Георг. *Лесевицкіе*; h) Мих. Ив. *Боярскій* (вступилъ въ Ахтырс. Гусарскій).

коваго Адьютанта исправлялъ *Асаулъ*; полковые значки отдавались въ охраненіе *Хорунжему*; производство дѣлъ было предоставлено *полковому Судьѣ*. Должность Секретаря исполнялъ *полковой Писарь*.

Каждый полкъ раздѣленъ былъ на сотни, изъ которыхъ каждою распоряжались *Сотники*. Въ ихъ власти были *Сотенные Атаманы, Асаулы, Хорунжіи* и *Писаря*. Сотникъ имѣлъ право безъ разрѣшенія Полковника назначать сотенныхъ чиновниковъ изъ простыхъ Козаковъ и снова обращать ихъ въ рядовые.

Должность сотенныхъ Асауловъ, Хорунжихъ и Писарей соотвѣтствовала симъ же полковымъ чинамъ. Одинъ изъ нихъ исполнялъ распоряженія Сотника, вполнѣ подвластнаго Полковнику, другой охранялъ сотенные значки, *съ изображеніемъ креста и надписью, котораго полка сотня*, а Писарь и Атаманы засѣдали въ сотенной *Ратушѣ*.

Всѣ жители, приписанные къ полку, раздѣлялись на три класса.

Къ 1-му были причислены семейства а) *военно-служащихъ* и b) *свойственниковъ* ихъ: первые считались въ рядовой службѣ; вторые поступали на убылыя мѣста.

Во 2 разрядѣ были Козаки *Компанейцы*. Ихъ обязанность состояла въ доставленіи служащимъ Козакамъ провіанта во время по-

хода, и вспомоществованія во всѣхъ ихъ общественныхъ надобностяхъ.

Къ 3-му классу были приписаны семейства, не числящіяся ни въ рядовой службѣ, ни въ Кампанейскихъ полкахъ; онѣ принадлежали Полковникамъ, Сотникамъ и другимъ чиновникамъ и назывались *владѣльческими подданными*. *

Въ полковыхъ городахъ и мѣстечкахъ были пушки и къ нимъ опредѣлялись *пушкари*.

Таково было военное устройство Украйны. Оно возникло изъ самыхъ обстоятельствъ и носило на себѣ отпечатокъ какой-то простоты, необразованности и бурной военной жизни. Имѣвши главною цѣлію защищеніе своей страны отъ набѣговъ и раззореній непріятельскихъ, поселенцы укрѣпили слободы, составили войско и довѣряли его избраннымъ лицамъ, а для постоянной безопасности и довольствія было необходимо, чтобъ одни изъ нихъ всегда были готовы къ битвѣ, а другіе, подъ ихъ защитою, спокойно обработывавши поля и занимавшись промыслами, доставляли возможное обезпеченіе своимъ братьямъ, занятымъ одною службою. И

---

* Названіе *подданныхъ* доселѣ сохранилось въ языкѣ Украинцевъ; въ то время какъ сосѣдственные крестьяне, переселенные изъ Великой Россіи, называютъ себя *крѣпостными*.

вотъ составились два класса жителей: одинъ Компанейцовъ или Козацкихъ помощниковъ; другой владѣльческихъ крестьянъ, которые своими трудами обезпечивали полковыхъ и сотенныхъ чиновниковъ. На доходы, получаемые отъ нихъ, были обезпечены Полковники, Сотники, Старшины и другіе начальники; покупалось оружіе для цѣлаго полка, пушки для городовъ и мѣстечекъ, и строились монастыри. *

XXIV.

Привольно жили Слободскіе поселенцы, охраненные военнымъ устройствомъ! До нихъ не доходило угнетеніе Поляковъ; ихъ не касалось насиліе самыхъ начальниковъ, потому что и земледѣлецъ и Полковникъ равно были необходимы другъ для друга: опасность, защита и довольствіе долго были для нихъ общими. И простой Козакъ и полковые чиновники почти ничѣмъ не различались. Кто былъ сего дня Козакомъ, тотъ завтра могъ

---

* Полковникъ и Стольникъ *Григорій Ерофѣевичъ Донецъ-Захаржевскій* построилъ въ 1673 году монастырь Преображенскій, верстахъ въ 10 отъ Харькова. Послѣ сего устроивали и украшали сей монастырь его родственники; потомъ Бояринъ П. М. Апраксинъ, Генер.-Майоръ Ѳед. Влад. Шидловскій, Бригадиръ Ѳед. Осиповичь Перекрестовъ и пр. Построеніе другихъ монастырей мнѣ неизвѣстно.

сдѣлаться Асауломъ и даже Сотникомъ. Сего дня онъ самъ пахалъ землю, а завтра распоряжалъ войскомъ, и для него были готовы сотни земледѣльческихъ рукъ. Все зависѣло отъ личныхъ достоинствъ, обстоятельствъ и службы.

Богатство страны доставляло всѣ средства обезпеченія. Различные промыслы, торговля, винокуреніе—все отправлялось свободно, безпошлинно. А полки Изюмскій и Харьковскій, пользуясь мѣстоположеніемъ, по волѣ занимали южныя пустыя степи, распространяли на нихъ скотоводство, пахали, косили и безпрепятственно употребляли земли подъ хозяйственныя заведенія. Только въ 1732 году проведена Украинская линія отъ устья *Ореви* до *Сѣвернаго Донца*, и по ней построены укрѣпленія, населенныя Велико-Россійскими жителями: это обозначило границы Слободскихъ полковъ. Съ другой стороны еще болѣе опредѣлены ихъ владѣнія поселеньемъ на правомъ берегу Донца колоніи Сербовъ, вышедшихъ въ 1752 году изъ Австрійской Имперіи, подъ начальствомъ Шевича и Депрерадовича.

XXV.

Но не прошло 20 лѣтъ отъ поселенія и устройства сихъ полковъ, какъ Бѣлогород-

скій Приказъ, приписавъ ихъ въ свое вѣденіе, наложилъ пошлину на винокуреніе и другіе козацкія промыслы. Ни одинъ полкъ не противился сему постановленію въ надеждѣ пользоваться всѣми промыслами *безъ всякихъ грамотъ*.

Въ 1668 году Государь Алексѣй Михайловичь, убѣжденный въ вѣрности и значительсти Слободскихъ полковъ, не повѣрившихъ проискамъ Брюховецкаго и отразившихъ Запорожцевъ, Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ, далъ симъ полкамъ похвальныя грамоты и повелѣлъ причислить ихъ въ вѣденіе *Московскаго Посольскаго Приказа*. А въ 1669 году, склонившись на прошеніе Полковниковъ и Старшинъ, повелѣлъ за прежнюю и настоящую службу Козаковъ, за раззореніе, произведенное Запорожцами и Татарами и *за осадное сидѣнье*, оброчныя деньги имъ отдать обратно, и впредь пожаловалъ промыслами въ городахъ сихъ трехъ полковъ * промышлять безоброчно и безпошлинно; о чемъ въ каждый полкъ указалъ выдать жалованныя грамоты за Государственною печатью, 1669 г. 23 Апрѣля. Послѣ сего почти чрезъ 20 лѣтъ дана подобная привиллегія Изюмскимъ поселенцамъ, на имя Полковника Донца, построившаго сей городъ. Въ ней между прочимъ сказано: «велѣно тебѣ Полковнику «жить въ новопостроенномъ городѣ Изюмѣ «и писаться по прежнему Харьковскимъ, и «въ томъ городѣ въ урочищахъ, которыя «къ тому городу смѣжны, въ *Спѣваковку* и «на *Пришибъ*, призывать на вѣчное житье «Бѣлогородскаго розряда изъ Черкаскихъ, «Харьковскаго, Сумскаго и Ахтырскаго пол«ковъ и городовъ неслужилыхъ Черкасъ, * «и въ Спѣваковкѣ и на Пришибѣ тѣмъ Чер«касамъ города строить и селиться въ тѣхъ «городахъ собою, и пашенныя земли пахать, «и всякими угодьи владѣть по отводу Ге«нерала и Воеводы Григорія Косогова, по «ихъ Козачьимъ обыкностямъ, и льготы имъ «давать во всякихъ податяхъ по разсмот«рѣнію лѣтъ на десять и на 15, смотря по «имуществу людей, и льготные года въ тѣхъ «городахъ торговать имъ Черкасамъ всяки«ми товарами *безпошлинно*, и держать шин«ки по своимъ прежнимъ обыкностямъ *бе«зоброчно*, и дальнія полковыя службы не «служить же, и *податей и оброковъ ника«кихъ не платить*, кромѣ того, что *стро«ить имъ города и селиться дворами*, и «пашенныя свои *земли распахивать* и *обе-*

---

* Въ это время Изюмскій полкъ еще не образовался.

* Черкасами называютъ себя и сами Украинцы, потому что главнѣйшее переселеніе было изъ города *Черкасъ* и изъ его окрестностей.

„*регать отъ Крымскія и Нагайскія сторо-*
„*ны*, отъ приходу воинскихъ людей; а послѣ
„тѣхъ льготныхъ лѣтъ Старшинѣ, и ко-
„торые Козаки начнутъ служить полковую
„службу, винокурни и шинки держать бе-
„зоброчно по прежнему и во всемъ приш-
„лыхъ Черкасъ обнадеживать.„ Дана изъ
Московскаго Разряда Февраля 17 дня 1688 года.

Въ 1680 и 1694 (7192 — 7196) Государями Іоанномъ Алексѣевичемъ, Петромъ Алексѣевичемъ и Государынею Софьею Алексѣевною подтверждены грамоты, данныя Слободскимъ полкамъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

XXVI.

Въ 1697 году Петръ Великій, будучи одинъ правителемъ Государства, повелѣлъ собирать съ Козаковъ *Компанейцовъ по рублю съ человѣка*, въ Царскую казну. Но чрезъ три года, видя происходящія отъ сего затрудненія и растройство, и вникая въ порядокъ и службу Козаковъ, повелѣлъ не взимать наложенной подати по рублю съ человѣка, и грамотою подтвердилъ прежнія привиллегіи. Замѣчая въ сей грамотѣ преобразовательный, созидающій духъ Петра Великаго, я рѣшился выписать ее до слова. Вотъ она:

„Мы Наше Царское Величество пожалова-
„ли Слободскихъ Черкаскихъ полковъ Сум-

„скаго, Харьковскаго, Изюмскаго и Остро-
„гожскаго * Полковниковъ, Старшинъ и Ко-
„заковъ за вѣрныя ихъ и безпорочныя службы,
„промыслами своими, какія въ нихъ есть въ
„городахъ, мѣльницами и рыбными ловлями и
„всякими землями владѣть и угодьями про-
„мышлять, и шинки держать безоброчно, вино
„курить безпошлинно по ихъ Черкаскому
„обыкновенію и податей съ нихъ никакихъ
„не брать по прежнимъ нашимъ Великаго Го-
„сударя Указамъ и жалованнымъ Грамотамъ,
„каковы имъ даны изъ Розряда и Приказа
„Великія Россіи напредь сего; а для лучшаго
„въ войскѣ порядка во всѣхъ пяти Слобод-
„скихъ Черкасскихъ полкахъ написать рядо-
„выхъ Козаковъ 3500 человѣкъ, а осталь-
„нымъ тѣхъ полковъ Козакамъ, на которыхъ
„положены были деньги, помогать въ службѣ
„тѣмъ выборнымъ Козакамъ, а положить
„на нихъ подпомоги изверстая, и смотря по

---

* *Острогожскій* полкъ населенъ по Зазывной Грамотѣ Воронежскаго Воеводы Арсеньева и не принадлежалъ къ Слободскимъ полкамъ; что видно изъ указа о приписаніи Сумс., Харьк. и Ахтыр. полковъ къ Посольскому Приказу, гдѣ ни слова не сказано объ Острогожскомъ; даже не упоминается о немъ и въ Указѣ объ поселеніи Изюмскаго полка, гдѣ упомянуты Ахт., Сум. и Харьк. Присоединенъ же онъ къ нимъ волею Петра I-го въ 1700 г. Порядокъ былъ въ немъ тотъ же. Должность Полковниковъ занимала фамилія Тевяшевыхъ.

„человѣку по ихъ Черкасскому обыкновенію „самимъ, чтобъ тѣ выборные Козаки тою „ихъ подпомогою были конны, вооружены и въ „походахъ запасами удовольствованы, а ску„дости бы имъ никакой не было; а денегъ изъ „нихъ, что были положены въ 1697 году „по рублю на человѣка не имать и кромѣ „той валовой (общей) службы никуда на го„довую службу не посылать, * и иныхъ тя„гостей и подводъ у нихъ безъ нашего Ве„ликаго Государя, Нашего Царскаго Величе„ства Указа и безъ Грамотъ изъ Розряда „никому не имать, и въ которыхъ городахъ „построены Таможни на оброкѣ и отданы „имъ на откупъ безъ перекупки, то во „оныхъ вѣрнымъ Головамъ и цѣловальникамъ „Русскимъ не быть, а отданныя таможни, „мосты и перевозы Старшинѣ и Козакамъ, „и имъ брать таможенную пошлину со всѣхъ „пріѣзжихъ купцовъ Русскихъ и изъ Черкасъ „съ продажныхъ товаровъ по Уставной Гра„мотѣ, а пошлинныя и откупныя деньги пла„тить въ Бѣлгородъ, и въ оныхъ полкахъ „нынѣ состоящихъ Полковниковъ въ службѣ „*утверждаемъ во ихъ чинахъ на всегда* и „быть имъ безъ перемѣны, и о томъ имъ „Полковникамъ, Старшинамъ и Козакамъ

---

* Это совершенно соотвѣтствовало ихъ предназначенію, какъ военному поселенію противу Татаръ.

„Наши Великаго Государя Нашего Царскаго „Величества Грамоты за Нашею Государст„венною печатью дать повелѣваемъ съ тѣмъ, „что будучи имъ Полковникамъ въ тѣхъ „полкахъ, и полковой Старшинѣ и посполь„ству, которые нынѣ и впредь въ тѣхъ „полкахъ жить будутъ, видя къ себѣ Нашу „Великаго Государя Нашего Царскаго Вели„чества милость и жалованье, Намъ Вели„кому Государю Нашему Царскому Величест„ву служили вѣрно и надъ непріятельскими „людьми происки чинили съ великимъ усерді„емъ и раденіемъ въ полки и города и Боя„рамъ Нашимъ и Воеводамъ про непріятель„скія замыслы и приходы, развѣдавъ подлин„но, всякія жъ вѣдомости чинили и во всемъ „Намъ Великому Государю, Нашему Царскому „Величеству искали лучшаго, и службу свою „свершали съ великимъ тщаніемъ, а служба „ихъ у нас Великаго Государя Нашего Цар„скаго Величества забвенна никогда не бу„детъ. 1700 Февраля 28.„

Вотъ Грамота Петра Великаго. Въ ней говорится о всѣхъ Козацкихъ правахъ и преимуществахъ, которыми жаловали ихъ прежніе Государи; она положила начало преобразованію Козацкаго войска.

Вотъ главныя изъ преимуществъ, которыми пользовались Слободскіе Полки:

1) Свободное занятіе пустопорожнихъ земель.
2) Собственное военное и гражданское устройство и самобытное назначеніе Чиновниковъ.
3) Невзиманіе податей.
4) Право, по которому нельзя было выводить Козаковъ на *рядовую службу*.
5) Безпошлинное винокуреніе.
6) Безоброчное содержаніе шинковъ, мѣльницъ и разныхъ промысловъ.
7) Право имѣть на откупѣ таможни, мосты и перевозы.
8) Право не давать никому подводъ безъ Царскаго Указа.

Это главныя изъ преимуществъ, которыя Украйна пріобрѣла въ тяжелое время Крымскихъ набѣговъ, и которыя утрачивала съ утратою своего назначенія.

Уже всеизмѣняющій геній Петра коснулся сихъ преимуществъ. Онъ требовалъ отъ Козаковъ *опредѣленности* въ ихъ военномъ устройствѣ, *утвердилъ* полковыхъ и сотенныхъ Начальниковъ, и симъ самымъ положилъ начало преобразованіямъ, которыя увеличивались съ каждымъ годомъ.

Правда, иногда удавалось Украинцамъ выхлопатывать подтвержденіе прежнихъ привиллегій: но сіи привиллегіи были не долговѣчны, и Украйна переживала свою полугражданственную жизнь!

Сообразуясь съ Грамотою Великаго Петра, Полковники въ каждомъ полку опредѣлили число рядовыхъ, и для каждаго изъ нихъ *сами* назначили *особенныхъ трубачей и литаврщиковъ*.

XXVII.

Вскорѣ послѣ сего 1) избраніе Полковниковъ стало зависѣть отъ утвержденія Государя; 2) всѣ полки отданы были въ главное распоряженіе Генерала, отъ котораго зависѣло производство Козацкихъ Старшинъ и Сотниковъ, по Аттестатамъ отъ ихъ полка; 3) всѣ Гражданскія дѣла поступили въ вѣдомство Бѣлогородской провинціальной Канцеляріи. Такимъ образомъ двойное выраженіе Козацкой жизни, гражданское и военное, начало прививаться къ жизни Россіи.

Главный ударъ полугражданскому быту Украйны зачался еще въ то время, когда Петръ Великій устроилъ свою *Потѣшную роту*. Съ нее началось рѣшительное образованіе регулярныхъ войскъ, сосредоточившихъ всѣ физическія силы Государства въ однѣхъ браздахъ Правителя. Только сими войсками могли быть такъ скоро усмирены Стрѣльцы

и побѣждены Шведы, только сіи войска показали слабость Украйны съ ея Козаками и неправильнымъ образомъ войны. Вслушайтесь, что говоритъ Петръ I-й о дѣлѣ подъ *Головчинымъ* въ письмѣ къ Князю Менщикову:

„Въ прошедшей оккaзіи подъ Головчинымъ, „девизіи Генерала Князя Репнина многіе пол„ки приняли въ конфузію, и не исправя долж„ности своей и покинувъ пушки, непорядоч„но отступили, а иные и не бившися, а ко„торые бились *и тѣ Козацкимъ, а не сол„датскимъ боемъ*, а про сіе злое поведеніе „Генералу Князю Меньшикову на крѣпко „разискать, наченьше съ перваго до послѣд„няго.“

Столь жалкою казалась Петру Великому служба Козацкая, и Козацкій бой онъ называетъ *злымъ поведеніемъ*. Чего же могла ожидать Украйна, когда она и по самой сущности обстоятельствъ теряла свою значительность вмѣстѣ съ усиліемъ Россіи и ослабленіемъ Крымцевъ? Это было за годъ до Полтавской битвы. А когда въ 1709 году пало подъ грозою Петра и запальчивое геройство Карла XII и мрачные замыслы Мазепы, въ то время Великій Государь, сваливъ съ могучей груди тяжелые горы Скандинавіи, явился единымъ, безъ враговъ, безъ соперниковъ — и, вѣчно дѣятельный, обратился къ внутреннему преобразованію Отечества!

Онъ прозрѣлъ непрочность связей Малороссіи, испыталъ невѣрность Гетмана — и оставилъ въ сей странѣ 15 полковъ подъ начальствомъ Генерала Князя Репнина, и *Украинскимъ дивизіоннымъ Генераломъ* назначилъ намѣстника Нижегородскаго и Губернатора Казанскаго и Астраханскаго Петра Матвѣевича *Апраксина*. Ему были поручены и Слободскіе полки. Это время я почитаю началомъ поселенія въ Украйнѣ Русскихъ крестьянъ, потому что нѣкоторые изъ дивизіонныхъ Слободскихъ начальниковъ, имѣвши помѣстья въ Россіи и получавши деревни въ Украйнѣ, вѣроятно по какимъ нибудь обстоятельствамъ, поселяли здѣсь своихъ Великороссійскихъ крестьянъ. Такъ фамилія Апраксиныхъ владѣла въ Харьковскомъ полку слободою Нижнимъ Салтовымъ и нѣкоторыми деревнями, изъ которыхъ были и Русскія. *

Въ послѣдствіи времени переселились сюда — изъ Венгріи фамилія Хорватовъ, изъ Россіи фамилія Пассекъ, изъ Валахіи фамилія Кантемировъ и Куликовскихъ.** Но большая часть

---

* Что нынѣ Николаевка, верстахъ въ 20-ти отъ Салтова. Кромѣ сего есть въ Слободскоукраинской Губерніи Великороссійскія селенія: Тишки, Проходы, Лозовая, Молодовая, Васищево, Шубина, Нитайлово и проч.

** *Хорватъ* въ первой половинѣ XVIII столѣтія, вышедши изъ Венгріи, привелъ съ собою Венгерскихъ выходцевъ. Богданъ Иван. Пассекъ, бывши Бѣлгородскимъ

переселенія Русскихъ произошла при совершенномъ присоединеніи Украйны къ Россіи.

Такимъ образомъ, самое смѣшеніе разныхъ фамилій и народностей способствовало Украинскимъ поселенцамъ къ потерѣ ихъ самобытной характеристики.

Занявшій мѣсто Апраксина, Генералъ Аншефъ Князь *Голицынъ* началъ вводить въ Козацкихъ войскахъ новые чины *Ротмистра* и *Подпрапорщика*.* Въ 1726, Указомъ Императрицы Екатерины Алексѣевны, Слободскіе полки приписаны къ Военной Коллегіи— и всѣ дѣла о нихъ, хранившіяся до сего времени въ Сенатѣ, повелено препроводить въ сію Коллегію. Въ 1733 году, по Указу Государыни Анны Іоанновны была сдѣлана *перепись*

Губернаторомъ купилъ Слободу Спасскую и сельцо Нитайлово, что нынѣ въ Волчанскомъ уѣздѣ. Куликовскіе вышли изъ Валахіи вмѣстѣ съ Кантемирами. Въ фамильной Лѣтописи Гг. Квитокъ, подъ годомъ 1711, есть любопытное мѣсто—именно, что Князь Кантемиръ просилъ себѣ у Государя всю Украйну во владѣніе, „но сей край, продолжаетъ Лѣтописецъ, долженъ благодарить Князю А. Д. Менщикову за предстательство; ибо онъ внушилъ Государю каково есть Волошскихъ начальниковъ правленіе надъ подданными сурово и малоумно, равножъ и деспотическое, а потому сіе не собилось!..“

* Дивизіонными Генералами послѣ Апраксина и Голицына были въ Украйнѣ: Вейсбахъ, Бисмаръ, Салтыковъ, Стрѣшневъ и Олицъ.

всѣмъ жителямъ полковъ и именно: рядовымъ Козакамъ, ихъ свойственникамъ, помощникамъ, крестьянамъ помѣщичьимъ и причисленнымъ къ монастырямъ и всѣмъ дворовымъ людямъ.*

Получивши сіи свѣденія и желая водворить въ Украйнѣ новый порядокъ, Государыня назначила для лучшаго разсмотрѣнія сей страны Генерала и Сенатора Князя А. С. Шаховскаго, который, прибывъ въ г. Сумы, устроилъ *Канцелярію Коммиссіи Учрежденія Слободскихъ полковъ*, и засѣдалъ въ ней съ нѣсколькими Штабъ-Офицерами.

Представленіе о Слободскихъ полкахъ, поданное сею Канцеляріею Императрицѣ, еще болѣе измѣнило Козацкое устройство, еще болѣе привело его къ единству съ Великороссійскою жизнію. Государыня повелѣла: 1) назначить во всѣхъ Слободскихъ полкахъ *Бригаднаго Командира* изъ Козацкихъ Полковниковъ; а остальныхъ Полковниковъ пожаловала въ рангъ *Премьеръ-Маіоровъ*; 2) полковыя Ратуши переименованы въ *Канцеляріи*, и судъ въ нихъ началъ производиться *по Уложенію*, а порядокъ присутствія расположенъ по *Генеральному Регламенту*; 3) при каждой Канцеляріи учреждена крѣпостная

---

* Я не могъ найти сей переписи, хотя она была для меня почти необходима.

Контора, въ которой должны были записывать все, прежде свершенья, записи, купчія, универсалы, данные Полковниками и проч.; 4) *запрещено вновь занимать земли и угодьи*, а прежде занятыя повелено оставить за владѣльцами, хотя бы они не имѣли на сіе никакихъ документовъ; 5) всѣ люди, кромѣ дворовыхъ, находящіеся въ переписи, обложены были *окладомъ* по 21-й копѣйки съ каждой души; 6) кромѣ сего, изъ всѣхъ полковъ избраны были лучшіе рядовые, и изъ нихъ составленъ *Драгунскій полкъ*, а на содержаніе онаго и вмѣсто жалованья Полковникамъ и Старшинамъ была назначена Козацкая собственность; самое укомплектованіе полковъ должно было пополняться изъ служащихъ Козаковъ, и 7), въ заключеніи сего, повелено на знаменахъ и печатяхъ изображать *Государственный Гербъ*.

Такимъ образомъ, постановленія сіи коснулись всѣхъ сословій и всей жизни Украинцевъ. Переписью опредѣлено ихъ число и потомъ наложена на нихъ подать. Измѣненіе Ратушъ въ Канцеляріи и введеніе въ нихъ суда по Русскимъ законамъ соединяло Украйну съ Россіею единствомъ гражданской жизни. Ограниченіе права завладѣнія земель опредѣляло право собственности, а преобразованіе военнаго порядка, введеніе Россійскихъ Чиновъ, избраніе Козаковъ въ новообразованный Драгунскій полкъ, уничтоживъ Козацкое устройство и обыкновенія, водворили единство военной службы и дисциплины, и съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе сливало Украйну съ Россіею!

И не должно ли было сего ожидать? Украйна была населена нѣсколькими толпами выходцевъ. Они перенесли сюда свои обычаи и, поселившись въ пустыняхъ, ставши на перепутьи между Россіею и Ордою Крымскою, сдѣлавшись камнемъ преткновенія для Татарскихъ набѣговъ, получили многія привиллегіи, данныя Россійскими Государями; но съ дивныхъ переворотовъ, свершенныхъ Петромъ, они начали терять свое воинское назначеніе.

При Аннѣ Іоанновнѣ, почти чрезъ цѣлое столѣтіе послѣ ихъ поселенія, когда уже Русское оружіе не разъ было тяжело самой Оттоманской Портѣ, когда набѣги Крымцевъ ослабѣли и стали рѣдки, — въ это время, хотя Украйна еще не потеряла своего предназначенія, но она сдѣлалась едва замѣтною, и въ гражданскомъ порядкѣ болѣе и болѣе сливалась съ общею жизнію Россіи.

Правда, когда въ 1742 г. происходила Коронація Императрицы Елисаветы Петровны, собраны были Депутаты изъ разныхъ провинцій и отъ разныхъ сословій, въ томъ числѣ и отъ Слободскихъ Козацкихъ полковъ. При всеобщихъ милостяхъ Государыни, въ

ознаменованіе торжественности сего дня, подтверждены были многія изъ прежде данныхъ преимуществъ жителямъ Украйны. *Драгунскій полкъ былъ уничтоженъ; Канцелярія Коммиссіи*, учрежденная Княземъ Шаховскимъ, *упразднена*, и Государыня повелѣла тѣхъ Слободскихъ полковъ Полковниковъ, полковую и сотенную Старшину и всѣхъ Козаковъ.... содержать.... при прежнихъ вольностяхъ и на таковомъ основаніи, какъ оные содержаны были (такъ сказано въ Грамотѣ) «Нашего Императорскаго Величества при вседражайшемъ Государѣ Родителѣ» и проч. Но все это было *милостію* и *подтвержденіемъ* прежде дарованныхъ преимуществъ и за *прежнію Козацкую службу*. Это объяснено и въ Грамотѣ: «Намъ Нашему Императорскому Величеству довольно извѣстно, съ какою вѣрностію и ревностію Черкасскіе Слободскіе полки блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Дѣду Нашему Великому Государю, и Великому Князю Алексѣю Михайловичу и Дядѣ Нашему Государю Царю и Великому Князю Іоанну Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росссіи самодержцамъ и вседражайшему нашему Государю Родителю блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императору Петру Великому *служили*, которыми ихъ вѣрными, постоянными, безпорочными и непоколебимыми службами *они*,

предки наши весьма были довольны и въ такомъ добромъ и порядочномъ состояніи они находились, что на нихъ извѣстная всегда была надежда, и за таковыя вѣрныя и непоколебимыя ихъ службы милостивыя жалованныя Грамоты отъ предковъ нашихъ въ 7177, 7192, 7196 и въ 1700 годахъ отъ нашего вседражайшаго Родителя Петра Великаго они получили.» Сіи-то Грамоты съ ихъ привиллегіями подтверждены и Гогударынею Елисаветою Петровною съ условіемъ, чтобы Слободскіе полки служили вѣрно «и надъ непріятельскими людьми промыслы и поиски чинили со всякимъ усердствомъ и раденіемъ, и въ полки и въ города... про непріятельскіе замыслы и приходы, развѣдавъ подлинно, всякія вѣдомости чинили.»

При возвращеніи Козакамъ сихъ преимуществъ не было сдѣлано особенныхъ измѣненій: только увеличенъ комплектъ рядовыхъ до 5000-чь и позволено недовольнымъ на рѣшенія полковыхъ Канцелярій жаловаться *въ Бѣлогородскія Губерніи, въ Юстицъ Коллегію* и переносить аппелляціи даже *въ Сенатъ*.

Обрадованные сею грамотою, полковые начальники дополнили каждый полкъ назначеннымъ числомъ рядовыхъ и, *по собственному желанію*, учредили для каждаго полка особенные мундиры. Симъ нововведеніемъ они сами

сдѣлали шагъ къ регулярности и къ наружному сближенію Козаковъ съ Велико-Россійскими войсками. Однимъ словомъ, Украйна носила въ себѣ самой сѣмя своего измѣненія!

И въ 1757 Государыня Елисавета Петровна, уничтожившая Драгунскій полкъ, составленный изъ рядовыхъ Козаковъ, повелѣла набрать изъ Козачьихъ семействъ *Слободской Гусарскій полкъ*, опредѣливши въ оный старыхъ Гусарскихъ Штабъ и Оберъ Офицеровъ, и назначила на содержаніе сего полка сбирать по *19$\frac{1}{3}$ копѣекъ съ каждой души* мужескаго пола, вмѣсто 21 копѣечной подати, опредѣленной прежде на содержаніе 3-хъ Драгунскихъ и одного гарнизоннаго полка. За годъ предъ симъ были отмѣнены привилегіи брать на откупъ мосты и перевозы, а въ 1763 отмѣнено право взиманія таможенныхъ пошлинъ.

Все предвѣщало рѣшительный близкій часъ преобразованія Украйны уничтоженія ея прежняго назначенія,—

И въ манифестѣ, изданномъ въ 1765 году Государынею Екатериною II Алексѣевною, сказано: «Усмотрѣли Мы, какъ чрезъ разныя оттуда (изъ Украйны) доношенія Намъ представленныя, такъ чрезъ изслѣдыванія нарочно учрежденной тому Коммисіи, о вкоренившихся тамъ многихъ неустройствахъ смѣшеннаго правленія воинскаго съ граждан-

скимъ, о тягостномъ содержаніи, *безполезности* тамошней Козачьей службы и о прочихъ народу отъ того притѣсненіяхъ, Мы.... за нужное разсудили Слободскихъ полковъ непрочную службу превратить *на основаніи прочихъ благоустроенныхъ войскъ* Нашихъ въ лучшую и Государству полезнѣйшею.» Въ слѣдствіи сего всѣ Слободскіе полки переименованы въ Гусарскіе и доселѣ сохраняютъ свое названіе. Козацкіе Полковники, вступившіе въ Гусарскіе полки, переименованы Подполковниками, а вышедшіе въ отставку увольнены арміи Полковниками; полковые Обозные, бывшіе въ походахъ — Премієръ-Майорами, а небывшіе — Секундъ-Майорами; полковые Старшины и Сотники, бывшіе въ походахъ — Капитанами и Поручиками, а небывшіе — Подпоручиками и Прапорщиками; Старшины, перешедшіе въ Статскую службу переименованы Титулярными Совѣтниками, а полковые писари — Секретарями разныхъ классовъ, смотря по заслугамъ. Вмѣстѣ съ симъ учреждена Слободская Губернія и въ ней Губернское Правленіе въ Харьковѣ, а провинціальные суды въ Ахтыркѣ, Сумахъ и Изюмѣ.

Симъ окончилось существованіе Слободскихъ полковъ и совершенно измѣнилось устройство Украйны. Впрочемъ, еще долго оставались нѣкоторыя привилегіи, данныя пре-

жними Государями, а именно: свободное владѣніе занятыми землями и угодьями, мѣльницами и рыбными ловлями, безоброчное винокуреніе и безпошлинная продажа вина, соли и проч.

XXVIII.

Съ сего времени вся Украйна, какъ живая часть, неотъемлемая отъ организма цѣлаго Государства, привитая къ нему устройствомъ военнымъ и гражданскимъ, должна была сочувствовать его жизни и подвергаться его общимъ измѣненіямъ. Каждый новый законъ, изданный для цѣлаго Государства, касался и до Украйны, всякая общая перемѣна въ войскахъ относилась и къ Слободскимъ Гусарскихъ полкамъ, которые пополнявшись не одними Козаками, но и рекрутами изъ Велико-Россійской Губерніи, сдѣлались совершенно Русскими.

Козацкія преимущества уничтожались одно за другимъ, тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе видѣло Правительство необходимости въ регулярныхъ войскахъ, и чѣмъ безполезнѣе становилась Козацкая служба.

«Напредь сего, пишетъ Государыня Елисавета Петровна, съ начала тѣхъ полковъ поселенія отъ непріятельской стороны въ дикихъ степяхъ, еще когда никакихъ крѣ-

постей не было и при всегдашнемъ отъ непріятелей опасенія они (Козаки) находились, однакожъ и безъ регулярнаго учрежденія оные полки одними Козацкими легкими компаніями чинили всегда, не щадя живота своего, надлежащіе отпоры и внутрь Россійскихъ городовъ непріятелей никогда недопускали.»

Чтобы вполнѣ представить простоту и легкость военныхъ дѣйствій Украинцовъ, я выписываю слова лѣтописца.

«1735 года Октября 1, говоритъ онъ, *ходили въ Крымъ, 9-го Орду Ногайскую били. Въ 1736 году на Крымской степи въ урочищѣ Черной Долинѣ много пало Козаковъ и старшинъ Козацкихъ. 1737 года Іюля 4 дня чрезъ Гнилое море мы переправились вплавь, а пѣхота съ артиллеріею на куфахъ,* * *а иныя пушки Козацкіе вплавь. До 9-го Іюля въ Крыму повольно ходили, Татарскія деревни палили, 14 числа Карасу-Базаръ спалили.*» **

Кромѣ сего Слободскіе полки были съ 1700 по 1702 годъ въ походѣ противу Шведовъ и находились въ Ингерманландіи; въ 1725 году тысячный отрядъ Слободскихъ Козаковъ былъ прикомандированъ къ корпусу, посланному противъ Персіянъ и находился въ Пер-

* Куфа — бочка.

** Фамильная лѣтопись Гг. Квитокъ.

сіи подъ командою Г. С. Квитки болѣе двухъ лѣтъ; болѣе двухъ лѣтъ Козаки находились въ Польшѣ при Велико-Россійскихъ войскахъ, для поддержанія Саксонскаго Курфирста на Польскій престолъ. Однимъ словомъ, Слободскіе поселенцы дрались противъ Крымцевъ, Ногайцевъ, Шведовъ, Поляковъ, даже противу братій своихъ Запорожцевъ и противъ измѣнника Булавина. *

Таково было существованіе Украинскихъ поселенцевъ. Не приступая къ обозрѣнію новой настоящей жизни сей страны, изслѣдуемъ ее, съ помощію Историческихъ фактовъ, въ самомъ источникѣ, въ самомъ произхожденіи отъ Малороссійскаго племени, въ самой отличительной характеристекѣ сего народа, полнаго внутренней жизни.

XXIX.

И такъ, чтобъ глубже вникнуть въ сущность жизни Украйны, перейдемъ къ Малороссіи.

* Донской Козакъ Булавинъ, пользуясь нововведеніями Петра Великаго, надѣялся распространить мятежъ на Дону, въ Украйнѣ и Запорожьи; но былъ разбитъ и застрѣлился въ 1708 г. Товарищъ его *Некрасовъ* бѣжалъ съ толпою оставшихся Козаковъ въ Турецкіе предѣлы. По его имени назвались всѣ выходцы, поддавшіеся Рускому скипетру въ 1829 г.

МАЛОРОССІЯ.

XXX.

Страна, гдѣ возникли *первые элементы* нашего отечества, откуда разлитъ въ немъ *свѣтъ Христіанства*, гдѣ возникъ и развился нашъ *Удѣлизмъ*, эта страна — Малороссія!

Кто первый изъ насъ вошелъ въ связи съ Европейскими Державами? Кто остановилъ гибельный потокъ первыхъ Татарскихъ Ордъ, принудилъ ихъ снова удалиться въ свои степи и такъ сильно, такъ пламенно и роскошно воспѣлъ битвы съ кочевыми Половцами? — Малороссіяне!

Какой народъ безъ твердыхъ и постоянныхъ предѣловъ, которые могли бы его защитить отъ воинственныхъ сосѣдовъ, безъ неприступныхъ горъ, которыя могли бы спасти его независимость, умѣлъ быть страшнымъ для своихъ враговъ, успѣлъ развить свою національность и сохранить ее въ тяжелые пять вѣковъ насилія Татарскаго. Ли-

шовскаго и Польскаго? Какой народъ въ пять вѣковъ неволи, когда пепелили его города, предавали мученьямъ за преданность Религіи, умѣлъ ее сохранить, и въ это время не разъ былъ грозою своимъ притѣснителямъ, и среди сихъ пытокъ созидалъ училища для образованія юношества?—Этотъ народъ былъ—Малороссіяне! Доселѣ наше отечество гордится принятіемъ Религіи Греческой, и она, говорю я, впервые принята — Малороссіею. Доселѣ гордимся мы побѣдными походами Святослава — и въ нихъ были толпы Малороссіянъ. Доселѣ одно воспоминаніе о пѣсняхъ Бояновъ навѣваетъ мечтою и переноситъ въ минувшее—и Бояны были Поэты Малороссіи. Между тѣмъ, какъ Сѣверъ не оставилъ памяти о своихъ пѣвцахъ. Для насъ безсмертно Слово о походѣ Игоря—и оно есть произведеніе Малороссійское; воспѣтыя въ немъ дѣла свершены Малороссіянами. Они бились съ Половцами и Печенѣгами; они пробудили жизнь на Сѣверѣ Россіи и перенесли сюда всѣ зачатки Государства, перенесли удѣлизмъ, и самыя названія своихъ южныхъ рѣкъ и городовъ: Владиміра, Переяславля, Перемышля, Звенигорода, Лыбеди, Трубежа и проч.,* даже

* Даже въ древнюю Рязань были занесены названія Трубежа и Лыбеди. Трубежъ и Лыбедь близь Владиміра на Клязьмѣ.

самый вѣсъ и монета перешла сюда не изъ сосѣдственнаго самобытнаго Новагорода, но изъ Кіева! *

XXXI.

Чему же приписать столь сильную дѣятельность души народа? Не уже ли столь великія событія должно приписать случаю? Или народы не имѣютъ отличительнаго характера, и жизнь ихъ вполнѣ можно выразить одною формулою. О! вслушайтесь въ эти слова, перечитайте ихъ, примите ихъ ближе къ сердцу и дайте мѣсто народности для каждаго племени, — не отнимайте его величія, стертаго бѣдствіями, смытаго кровью!

XXXII.

Гдѣ же искать источника, изъ котораго льются всѣ законы жизни; начала, по которому существуютъ всѣ племена и народы? Гдѣ найти первый гармоническій звукъ, по которому дивно располагаются всѣ событія и стройно слѣдуютъ одно изъ другаго?

* Во Владимірскомъ и, послѣ, въ Московскомъ Княженіяхъ были въ обращеніи Кіевскіе, а не Новгородскіе рубли; вѣсъ и названія тягостей были занесены изъ Кіева. Даже названіе *Златыя врата* перешло во Владиміръ изъ Кіева. Такъ сильно пробуждала Малороссія на Сѣверѣ жизнь Гражданскую. Труды Ист. Общества.

Этотъ источникъ, это начало — въ самой душѣ человѣка, а условія для него — во внѣшней природѣ.

XXXIII.

Природа Малороссіи имѣетъ свою собственную характеристику въ климатѣ, почвѣ, положеніи земли и въ самой системѣ рѣкъ. Во всемъ она рѣзко отличена отъ природы Сѣверной Россіи.

Она пятью градусами южнѣе Москвы и почти десятью южнѣе Новгорода.

Она изобилуетъ необходимыми для человѣка произрастѣніями и предметами самой роскоши; почва ея земли тучнѣе, пажити обширнѣе, воздухъ благорастворённѣе, нежели въ Губерніяхъ собственно Русскихъ.

Все это, доставляя Малороссіянину болѣе удобствъ жизни, имѣетъ сильное вліяніе на его домашній и политическій бытъ. Его весна открывается ранѣе, лѣто постояннѣе, осень продолжительнѣе, зима умѣреннѣе, нежели въ Сѣверной Россіи; и онъ, менѣе подверженный всѣмъ неудобствамъ холода, наслаждается продолжительнѣе нашего роскошью своей природы. Его рѣки вскрываются замѣтно ранѣе нашихъ, и симъ самымъ скорѣе открываютъ путь для судоходной торговли, затрудненной въ другое время Днѣпровскими

порогами! Хотите ли видѣть, какъ Малороссійскія времена года цѣлымъ мѣсяцемъ опережаютъ времена Сѣверной Россіи? *Листоподомъ* назывался въ Малороссіи мѣсяцъ *Ноябрь*, а въ Россіи *Октябрь*; Ноябрь же назывался *Груднемъ*, потому что въ это время нашъ Сѣверъ покрывался глубокимъ снѣгомъ. Іюнь мѣсяцъ называется по Малороссійски *Червецъ*, а въ холодныхъ странахъ названіе *Червень* дано мѣсяцу Іюлю. Въ Новгородѣ и Полоцкѣ видимы бываютъ въ Августѣ по вечерамъ зарницы, въ Кіевѣ же и Черниговѣ въ семъ мѣсяцѣ жнутъ хлѣбъ; отъ сего самаго и назывался Августъ въ странахъ Сѣверныхъ *Заревомъ*, а въ полуденныхъ *Серпнемъ*. *

Чистое, свѣтлое небо, цвѣтущія поля и луга Малороссіи вѣрно имѣютъ сильное вліяніе на ея жителей, просвѣтляютъ ихъ характеръ, омраченный вѣковымъ бѣдствіемъ, веселятъ душу, непосредственно сближаютъ съ міромъ внѣшнимъ, съ сосѣдними Державами, и болѣе предрасполагаютъ къ жизни общественной, нежели природа странъ Сѣверныхъ и палящаго Юга. Самые лѣса Малороссіи не столь мрачны, какъ на Сѣверѣ Россіи. Здѣсь темныя боры сосны, пихты и осины имѣютъ свою поэзію, но навѣваютъ грустью,

---

* Труды общества Ист. и Древ.

различною почти во всѣхъ пѣсняхъ, поселяютъ мрачность въ душѣ и погружаютъ ее въ самую себя. Даже завыванiе сихъ лѣсовъ уныло; а лѣса Малороссiи, богатые дубами, тополями, кленовыми и грушевыми деревьями свѣтлѣе и легче для взора!

Замѣтьте, какъ хвойныя деревья близки съ чувствомъ горести: онѣ почти у всѣхъ народовъ служатъ признакомъ кладбищь, а ими покрытъ почти весь Сѣверъ Россiи. Вспомните, какъ дика и мрачна поэзiя и самая жизнь Скандинавовъ, и не уже ли природа не имѣла влiянiя на ихъ душу? Неужели вы не замѣтите, въ какой гармонiи мрачность, и дикость, и непогоды Сѣвера съ душою Скандинава?

Не уже ли вы думаете, что все это, столь незамѣтное для перваго, поверхностнаго взгляда, не отпечатлѣвается на характерѣ и душѣ человѣка?

Нѣтъ, не останавливайтесь, идите далѣе и вы, быть можетъ, сами станете отыскивать въ бытѣ племенъ всѣ малѣйшiе оттѣнки, произведенные различiемъ природы! Взгляните на самую почву Малороссiи: она, сказалъ я, тучна и немного надобно труда для богатой жатвы. Въ Сѣверныхъ Губернiяхъ, напротивъ: тамъ человѣкъ съ тройнымъ трудомъ получаетъ отъ земли менѣе, нежели его южный собратъ. Самая необходимость

заставляетъ его расчитывать, выгадывать каждый шагъ, каждый часъ — и вотъ, онъ удобнѣе погружается въ расчетъ, предается ему, и при своемъ невѣжествѣ и нѣкоторыхъ обстоятельствахъ принимаетъ его за цѣль жизни. Не таковъ Малороссiянинъ: онъ всемъ обезпеченъ за малый трудъ, и не столь скоро поставляетъ его за цѣль жизни. Напротивъ, у него остается много свободнаго времени, и онъ, одаренный утонченнѣйшими произведенiями природы, готовъ искать другихъ наслажденiй. Повѣрьте все это самой жизнiю Русскаго и Малороссiянина: одинъ, богатъ ли онъ или бѣденъ, не измѣняетъ ни пищи, ни образа жизни (развѣ перестроитъ избу), онъ прячетъ деньги, зарываетъ ихъ въ землю, * не пользуясь ими, или переходитъ въ другое сословiе и снова не ищетъ въ немъ наслажденiй; другой, напротивъ, улучшаетъ пищу и весь домашнiй бытъ съ лучшимъ его состоянiемъ и готовъ на послѣднiй рубль купить наряды себѣ и женѣ, или прогулять его съ товарищами. Кажется, онъ по какому-то инстинкту довѣряется богатству природы, становится безпечнымъ, какъ будто торопится насладиться

* Мнѣ случилось видѣть Русскихъ крестьянъ, у которыхъ накоплено отъ двухъ до 10 и болѣе тысячь, и они жили наровнѣ съ другими бѣдными крестьянами и одѣвались часто хуже ихъ.

жизнію, и, страдавшій подъ гнетомъ Татаръ и Польши, еще болѣе научился дорожить каждымъ часомъ наслажденій! Но, напрасно станутъ объяснять сію отличительную черту народнаго характера—однимъ угнетеніемъ: и Русскіе цѣлыя столѣтія страдали подъ владычествомъ Татаръ!

Посмотримъ на самыя игры обоихъ народовъ. Русскій не забудетъ подкрѣпить себя отдыхомъ для тяжелой работы наступающаго дня: онъ расчетливъ, природа пріучаетъ его задумываться; а Малороссіяне, часто послѣ Воскреснаго дня, идутъ отъ игръ и плясокъ или изъ шинка на поле, и шумно разговариваютъ или про былое время, или про ссоры кума съ кумой, и въ это время часто дѣвки и бабы приплясываютъ и поютъ пѣсни.

Я не видалъ въ Малороссіи ни одной бѣднѣйшей свадьбы, гдѣ бы не было музыки и плясокъ. По крайней мѣрѣ, одинъ скрипачь идетъ впереди процессіи, за нимъ толпа полупьяныхъ бабъ и дѣвокъ; онѣ поютъ и бьютъ кадансъ и выплясываютъ Козачка на всемъ ходѣ; за ними скромно идутъ женихъ съ невѣстою; около нихъ толпа дружковъ и подружекъ; у однихъ перевязаны черезъ плечо красные кушаки, у другихъ головы убраны цвѣтами или пестро переплетены лентами. Самыя похвалы молодой женѣ, если она дѣвственною вышла замужъ, самыя порицанья,

если она себя не сохранила—все дѣлается общественно. *

И неужели на сіи обычаи природа не имѣла вліянія. Неужели каждое племя имѣло своего праотца? И если нѣтъ, если душа одна во всѣхъ людяхъ, если одинакова организація ихъ тѣла, что жъ могло раздѣлить человѣчество на племена и развести сіи племена такъ далеко въ ихъ обычаяхъ и всей ихъ жизни? — Одна природа! однѣ внѣшнія впечатленія! Онѣ не уничтожаютъ, не измѣняютъ потребностей души, но обусловливаютъ ихъ, придаютъ отличительныя краски, особенную характеристику въ проявленіи себя.

Скажу болѣе: не только всѣ племена различны одно отъ другаго, нѣтъ! даже каждое племя, каждая часть племенъ имѣетъ свои оттѣнки, обрисованныя внѣшними впечатлѣніями, вліяніемъ природы и людей! И вѣрьте, что въ пословицѣ: *что деревня, то обычай*, есть глубокій смыслъ!

Можетъ ли, послѣ сего, не быть различія между впечатлѣніями природы Сѣверной и

* Говорятъ, что доселѣ сохранился въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи обычай, водить съ хомутами на шеѣ отца и мать новобрачной, если она досталась мужу недѣвственною. Я этого не видалъ; но видѣлъ, какъ дружки, одѣтые въ лучшее платье, съ красными кушаками черезъ плечо, ходили по деревнѣ и въ пѣсняхъ славили молодую жену и ея родителей.

Южной Россіи. Знаю, что это различіе часто видоизмѣняется отъ политическихъ направленій, не вездѣ рѣзки его оттѣнки, не для всѣхъ оно замѣтно, не можетъ быть до глубины изслѣдовано силами одного человѣка: но оно есть, и сильно проявляется въ жизни двухъ родственныхъ народовъ.

XXXIV.

Взгляните на южную систему рѣкъ: какъ она отлична отъ системы Сѣверной! Здѣсь главныя Славянскія племена примкнули къ водамъ *Волхова*, *Западной Двины* и верховьямъ *Волги;* а племена южныя стѣснились на берегахъ *Десны*, *Припети*, *Днѣпра*, къ *Бугу* и даже до *Днѣстра*. Такимъ образомъ, рѣки, какъ самые легкіе пути для взаимныхъ связей и сближенія съ другими народами, открывали древнимъ жителямъ Малороссіи путь въ Грецію, страну Христіанства и гражданственности. Напротивъ, для племенъ Сѣверныхъ были доступнѣе страны Прибалтійскія, и вотъ Полоцкъ, Смоленскъ, Псковъ и Новгородъ вступаютъ въ сношенія съ Скандинавами и Сѣверными Германцами; Мстиславъ заключаетъ договоръ съ Рижскими поселенцами; Александръ Невскій вступаетъ въ борьбу со Шведами; Новгородъ и Псковъ становятся братьями городамъ Ганзейскимъ; Русская

Правда носитъ отпечатокъ Германскаго происхожденія! Какіе сильные признаки вліянія нашихъ сосѣдей! Какъ глубоко отпечатлѣлась ихъ гражданственность въ жизни нашего Сѣвера. Она закономъ вошла въ его судилище,* товаромъ и монетой вкралась на его рынки,** и самую древнію Дипломатію облекла въ свои формы.***

Какими же обстоятельствами можно объяснить эту связь нашего Сѣвера съ Германіею? Одними ли политическими переворотами, однимъ ли происхожденіемъ Ильменскихъ Славянъ отъ Прибалтійскихъ *Полабовъ?* Нѣтъ, и самое положеніе ихъ новаго жилища, самая система рѣкъ займетъ въ сихъ причинахъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Вообразите, что Волховъ загороженъ непереходимыми порогами, что Двина не судоходна: и тогда, вы думаете, Ганза также легко породнилась бы съ Новгородомъ, и поселившіеся Ливонцы были бы для насъ также близки, и система нашихъ Сѣверныхъ городовъ шла бы тѣмъ же путемъ въ своемъ развитіи, и весь Сѣверъ имѣлъ бы туже судьбу,

* См. Русскую Правду въ сравненіи съ Сѣверо-Германскими и въ особенности Ютландскими Законами. — Мнѣнія и замѣчанія Эверса на слова *Вира*, *Тіунъ* и проч.

** Изслѣдыванія Г. Каченовскаго о древнихъ Русскихъ монетахъ.

*** Договоръ съ Ригой и сношенія съ Иностр. Государст.

какъ и теперь? О, тогда ошибка ваша будетъ слишкомъ велика!

Помедлите приговоромъ! Всмотритесь въ южную систему рѣкъ! Видите ли, какъ отъ древняго Владиміра до Кіева открылись водные пути и, кажется, готовы нести въ Черное море и торговые суда и легкіе Козацкіе челны. Помните ли наши замѣчанія о климатѣ, почвѣ земли и самыхъ произведеніяхъ Малороссіи? Согласны ли, что благорастворенный воздухъ, чистое небо, изобиліе, утонченность въ произведеніяхъ природы, легкость въ самыхъ видахъ, предрасполагаютъ характеръ къ довольствію и людскости, а водныя сообщенія открываютъ путь для связей съ сосѣдними народами?

И вотъ южныя Славянскія племена — нынѣшніе Малороссіяне, бывши въ соприкосновеніи и полубаснословныхъ отношеніяхъ съ Хазарами, побуждаемые внутреннею дѣятельностію, пользуясь открытыми путями, заготовленными природою, знакомятся съ Греческими колоніями, идутъ войною на Византію, бьются съ Цимисхіемъ, сближаются черезъ пословъ, * и въ довершеніе всего принимаютъ Христіанскую Религію!

---

* Еще во времена Ольги были присыланы въ Кіевъ Греческіе Послы, которымъ Великая Княгиня, оскорбленная пріемомъ въ Константинополѣ велѣла дожидаться на *Почайнѣ*.

Знаю, что и при затруднительномъ сообщеніи Славяне приняли бы Религію Христа; увѣренъ даже, что они скорѣе приняли бы ученіе Греческой церкви, — что объясняетъ и самый миѳъ о разсылкѣ Старцевъ Св. Владиміра для изслѣдованія всѣхъ Религій: но неужели въ сихъ обстоятельствахъ, по крайней мѣрѣ, во второстепенныхъ причинахъ и времени принятія, вы не дадите мѣста ни положенію, ни свойству страны, ни системѣ рѣкъ? Неужели нашъ Югъ ни въ разности происхожденія племенъ, на которыя, вѣроятно за тысячелѣтія, природа имѣла вездѣ свое отличительное вліяніе, ни во всѣхъ условіяхъ жизни — не имѣетъ существеннаго отличія отъ Сѣвера?

XXXV.

Изслѣдывали ли вы нашъ *Удѣлизмъ*? знаете ли его происхожденіе? Вы, вѣрно, не думаете, что столь *гибельное политическое учрежденіе сдѣлалось по ошибкѣ Владиміра*. Вѣроятно, видите въ немъ потребность времени и общій ходъ развитія Государствъ, основанныхъ завоевательно! Я съ вами согласенъ: это былъ *непремѣнный законъ!* Но согласитесь ли вы съ мыслію, что удѣлизмъ, по своему характеру, долженъ былъ возникнуть *изъ духа южныхъ Славянъ*, *изъ обы-*

чаевъ, изъ самаго быта Малороссійскаго народа? Согласитесь ли, что удѣлизмъ погибъ на Сѣверѣ, и что духъ Сѣверныхъ племенъ былъ для него гробомъ.

Изслѣдуйте его произхожденіе, и вы убѣдитесь въ истинѣ.

Вы знаете, что *Удѣлизмъ* раздѣляетъ земли между родственниками, соблюдая права старшинства; а феодализмъ дѣлаетъ такое распредѣленіе между многими лицами, соединенными не родствомъ, но обстоятельствами. Вотъ ихъ существенное различіе!

Теперь, вглядитесь въ характеристику нашихъ сѣверныхъ и южныхъ племенъ.

Семейственный раздѣлъ у Малороссіянъ, *цѣлость и единоначаліе* у Русскихъ — глубоко врѣзались въ обычаи и самый бытъ народа.

Доселѣ Малороссіянинъ отдѣляетъ всѣхъ женившихся сыновей; они выходятъ изъ-подъ его власти и живутъ особеннымъ домомъ и своимъ хозяйствомъ. Я не видалъ почти ни одной хаты, въ которой бы жили два родственныя семейства, и не слыхалъ, чтобъ женатый сынъ или братъ когда нибудь находился въ полной зависимости и распоряженіи у своего отца или старшаго брата.

Напротивъ, у Русскихъ есть семейства изъ 5 и 6 женатыхъ братьевъ, которые съ женами и дѣтьми живутъ въ одной избѣ, или

по крайней мѣрѣ на одномъ дворѣ, всѣ заодно работаютъ, и всѣ повинуются или старшему брату или отцу или даже дѣду, который часто едва двигается съ мѣста, но не отрекается отъ семейной власти, отъ своего первенства. Всѣ невѣстки въ послушаніи у одной старшей, или у самой матери ихъ мужей.

Вникните въ самыя фамиліи Малороссіянъ и Русскихъ. Малороссійской *Иваненко* становится у Русскихъ *Иваненковымъ; Капля-Каплинымъ, Тузъ — Тузовымъ.* Не ясно ли, что въ прозваніяхъ у одного народа каждый имѣетъ свою самобытность, называется тѣмъ, *что онъ есть;* напротивъ, у другаго всѣ фамиліи становятся *притяжельными,* въ коихъ видно произхожденіе, связь, зависимость отъ *отца.* Такъ въ прозвищѣ *Тузовъ* видно, что не самъ я *Тузъ*, но принадлежу *Тузу*, происхожу отъ *Туза*, и посему называюсь *Тузовымъ.* *

Послушайте, какъ заунывны или смиренны свадебныя пѣсни Русскихъ! а невѣстѣ—Малороссіянкѣ желаютъ ея подруги, чтобъ ея

---

* Не ясно ли наводитъ это на мысль о началѣ нашего *Мѣстничества*, которое чисто истекаетъ изъ *семейнаго* быта, и котораго отсутствіе въ Малороссіи не должно приписывать однѣмъ *внѣшнимъ* причинамъ.

Пидкивки брязчали
Щобѣ ея вороги мовчали....

Такъ существенно различенъ духъ и обычаи Малороссіянъ и собственно Русскихъ!

Не проявляется ли въ сихъ элементахъ различіе въ самомъ политическомъ бытѣ двухъ племенъ? Не сей ли духъ *семейнаго быта* возродилъ нашъ *Удѣлизмъ,* ввелъ его въ обычай у самыхъ Бояръ, которые и въ недавнее время ни въ образованіи, ни въ образѣ жизни почти не превосходили простонародія, которые еще при Лже-Димитріѣ не ѣли телятины, почитали за грѣхъ не ходить въ баню и не спать послѣ обѣда, и раздѣляли всѣ обычаи и предразсудки низшихъ сословій? Не былъ ли сей обычай семейнаго раздѣла близокъ къ самымъ Князьямъ, которые долго ни чѣмъ не отличались отъ Бояръ, кромѣ власти? И не духъ ли *семейнаго единоначалія Сѣверныхъ племенъ*, при помощи Ханскаго произвола, слилъ сей Удѣлизмъ въ Единовластіе, сдѣлалъ изъ Удѣльныхъ Князей *меньшихъ братьевъ Великаго Князя,* и постепенно приготовлялъ ихъ, сообразно съ чисто-Русскимъ обычаемъ, къ повиновенію старшему? Не онъ ли способствовалъ собрать всѣхъ Удѣльныхъ Князей въ службу къ Іоанну Васильевичу III? Быть можетъ, это паденіе Удѣлизма станутъ объяснять однимъ насиліемъ Монго-

ловъ, и центральностью Москвы: но отъ чего же Андрей Боголюбскій думалъ съ береговъ Клязьмы властвовать своей волей и словомъ надъ всѣми родственными Князьями? И неужели въ обычаяхъ, поддерживаемыхъ самымъ духомъ народа, не захотятъ видѣть начала, сѣмени политическихъ измѣненій! Неужели, для объясненія народныхъ событій, должно искать одной *внѣшней, условной* причины? Быть можетъ, укажутъ на единовластіе Олега, Игоря и Святослава: но пусть вспомнятъ, что въ нихъ еще не остыла кровь Нордманнская, и что ихъ Сѣверная характеристика не потонула въ глубинѣ Славянскаго элемента; пусть вспомнятъ даже, что ни у Олега, ни у Игоря не было многихъ наслѣдниковъ, и что съ рожденіемъ трехъ Святославовыхъ сыновей начинаетъ возникать нашъ *Удѣлизмъ.* Знаю, что и Сѣверная Россія имѣла *свою Удѣльную систему,* съ своею собственною характеристикою; но ея система была чисто въ духѣ Сѣверныхъ племенъ: она въ самой себѣ носила всѣ начала Единодержавія. Она не была дѣйствіемъ *семейнаго отдѣла;* она была раздѣломъ отцовскаго наслѣдства, съ соблюденіемъ семейнаго старшинства. И если названіе Великаго Князя не имѣло большой значительности въ Кіевѣ, то пріобрѣло ее во Владимірѣ и Москвѣ.

XXXVI.

Но, быть можетъ, иные, не чувствуя необходимости Историческихъ идей, безъ вниманія къ непреложнымъ законамъ, заключеннымъ въ природѣ и душѣ человѣка, вздумаютъ возражать однимъ уклоненіемъ, одними частностями отъ общаго хода! Ихъ нападенія слабы, ничтожны. Ихъ вызовъ напрасенъ: я не подниму перчатки Пигмея!

XXXVII.

Но если бы кто, согласившись въ существенномъ различіи Славянскихъ племенъ Южной и Сѣверной Россіи, пожелалъ видѣть его въ продолженіи всей ихъ жизни, въ продолженіи всей Исторіи, тому я укажу на многіе событія, которыя преимущественно объясняю различіемъ характеристики, обычаевъ и быта двухъ племенъ. Только пусть не требуютъ отъ Путевыхъ Записокъ всей Исторической полноты: я часто пишу на всемъ скаку и предоставляю моимъ читателямъ развивать мои мысли и доканчивать недорисованныя мечты и недосказанныя слова.

Начнемъ съ борьбы рода *Мономаховичей* съ родомъ *Ольговичей*. Она возникла въ Малороссіи — и была чистымъ произведеніемъ сей страны, была борьбою нашего Удѣлизма,

рѣшительнымъ отдѣломъ двухъ братьевъ. Она начинала еще въ то время, когда отецъ долженъ былъ поднять оружіе противу *отдѣленнаго и непокорнаго сына*, когда Владиміръ сбирался войной на Ярослава; она развилась вполнѣ при внукахъ Олега и Мономаха; но тогда для нее сталъ тѣсенъ кругъ домашній: она жаждала большаго поприща, и изъ борьбы семейной, чисто Удѣльной, перешла въ борьбу двухъ племенъ, Сѣвернаго и Южнаго. Когда Юрій Долгорукій бѣжалъ къ берегамъ Клязьмы, когда онъ хотѣлъ перенести воспоминаніе о своей Малороссіи съ названьемъ городовъ и рѣкъ: Владиміра, Переяславля, Звенигорода, Трубежа, Лыбеди, въ то время навсегда столкнулся нашъ чисто Русскій Сѣверъ съ Югомъ и даже съ Западомъ: Княженія Суздальское и Владимірское враждовали съ независимымъ Новгородомъ, отдѣлившимся отъ Россіи и по знакомству съ Нѣмцами, и по своему политическому устройству; они враждовали и съ Княженіемъ Кіевскимъ, и сія вражда скоро перестала дѣйствовать въ характерѣ чисто удѣльномъ, не была только семейною ссорою, нѣтъ! она сдѣлалась *борьбою двухъ племенъ!* И бурный характеръ Ольговичей вполнѣ высказалъ народность и воинственность Малороссійскую; онъ кажется прообразовалъ военную грозу сей страны въ XV и XVI вѣкахъ. Сія борьба

двухъ племенъ была подавлена гнетомъ Татарскимъ, доломавшимъ нашъ Удѣлизмъ, была остановлена завоеваніемъ Малороссіи Литвою и Польшею.

Польша даже сблизила въ самомъ политическомъ отношеніи Южную Россію съ Сѣверною. Ея притѣсненія Козацкихъ вольностей, ея гоненія на послѣдователей Грекороссійскаго исповѣданія, сильно обнаружили непріязненность къ Малороссіи и показали какъ различны ихъ народности. Тогда Украйна возставала войною, билась ужасно, гибла искала помощи и прибѣгнула къ странѣ близкой по Религіи и по связямъ политическимъ. Эта страна была Россія!

Вотъ главнѣйшія причины соединенія двухъ народовъ. Вслушайтесь въ рѣчь Хмѣльницкаго, которой склонялъ своихъ соотечественниковъ къ подданству и покровительству Алексѣя Михайловича:

«Панове Полковники, Ясаулы Сотники и «все войско Запорожское и вси православніи «Христіане! Вѣдомо то вамъ всѣмъ, какъ «насъ Богъ свободилъ изъ рукъ враговъ, «гонящихъ Церковь Божію, и озлобляющихъ «все Христіанство нашего православія Восточнаго, что уже шесть лѣтъ живемъ безъ «Государя въ нашей землѣ, въ безпрестанныхъ бранѣхъ и кровопролитіяхъ съ гонители и враги нашими хотящими искоренити

«Церковь Божію, дабы имя Русское не помянулось въ землѣ нашей, что уже весьма «намъ всѣмъ докучило, и видимъ что нельзя «намъ жити болѣ безъ Царя; для того нынѣ «сбрали есмя Раду явную всему народу, чтобъ «есте себѣ съ нами выбрали Государя *изъ* «*четырехъ котораго вы хощете:* первый «Царь есть Турскій, который многожды «чрезъ пословъ своихъ призывалъ насъ подъ «свою область; второй Ханъ Крымскій; третій Король Польскій, который, буде сами «похочемъ, и теперь насъ еще въ прежнюю «ласку принять можетъ; четвертый есть «православный Россійскій Государь Царь и «Великій Князь Алексѣй Михайловичь всея «Руссіи Самодержецъ Восточной, котораго «мы уже шесть лѣтъ безпрестанными моленіями нашими себѣ просимъ; тутъ котораго «хотите избирайте; Царь Турскій есть бусурманъ; всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ братіи «наши Православніи Христіане Греки терпятъ и въ какомъ суть отъ безбожныхъ «утѣсненій; Крымскій Ханъ тоже бусурманъ, «котораго мы по нужди и въ дружбу принявши, каковыя нестерпимыя бѣды приняли «есмя! Какое плѣненіе, какое нещадное пролитіе крови Христіанскія, отъ Польскихъ «отъ Пановъ утѣсненія, никому вамъ сказывать ни надобеть; сами вы всѣ вѣдаете, «что лучше Жида и пса, нежели Христіа-

»нина, брата нашего почитали, а Православ»ный Христіанскій Великій Государь Царь »Восточный есть съ нами *единаго благочес»тія Греческаго закона, единаго исповѣда»нія, едино есьми тѣло церкви* православі»емъ Великія Россіи главу имуще Іисуса »Христа; той Великій Государь, Царь Хри»стіанскій, сжалившися надъ нестерпимымъ »озлобленіемъ православныя церкви, въ нашей »Малой Россіи, шесть лѣтныхъ нашихъ мо»леній безпрестанныхъ не презрѣвши, теперь »милостивое свое Царское сердце къ намъ »склонивши, своихъ великихъ ближнихъ лю»дей съ Царскою милостію своею къ намъ »прислати изволилъ, котораго если со усер»діемъ возлюбимъ, кромѣ его Царскія высокія »руки *благотишнѣйшаго пристанища не »обрящемъ;* а будетъ кто съ нами не согла»суетъ теперь, куды хочетъ, вольная до»рога!«

Такъ говорилъ Хмѣльницкій представителямъ Малороссійскаго народа! Не ясно ли онъ высказалъ всѣ причины соединенія съ Россіею?

Утѣсненія и различіе исповѣданія — вотъ что принудило его отторгнуться отъ Польши, а *православіе, надежда на благоденствіе* привели его въ подданство могущественнаго Государя. Онъ предложилъ одного изъ четырехъ Государей, предоставлялъ выборъ

на волю каждаго, и былъ противу избранія трехъ первыхъ, по *различію Религіи*, по *обстоятельствамъ политическимъ*. Онъ искалъ, какъ самъ говоритъ, *благотишнѣйшаго прибѣжища,* находилъ его подъ высокою рукою Царя — и поддался ему, по единогласному желанію народа; онъ не сказалъ ни слова о единоплеменности; но видѣлъ, что Малороссія вмѣстѣ съ Россіею составляютъ единое тѣло Церкви.

XXXVIII.

Взгляните на первоначальныя дѣйствія Лже-Димитрія? Гдѣ онъ нашелъ готовое орудіе для своихъ замысловъ! Въ Августѣ 1604 года, только съ двумя тысячами онъ вступаетъ въ Русскіе предѣлы, и его въ тотъ же день радостно встрѣчаютъ жители Моравеска, чрезъ день безъ сопротивленія сдается Черниговъ, скоро сдался Путивль и присоединились Запорожцы.* Правда, ему сдались и Ярославль и Кострома и Переславль Залѣсскій, ему сдалась самая Москва, но уже въ то время, когда Басмановъ передался ему со всѣмъ войскомъ, когда у него была въ рукахъ половина Государства.

---

* См. Записки Паэрле. Перев. Г. Устрялова.

XXXIX.

Но довольно. Я уже сказалъ, что мои записки — не Исторія, и теперь, не вдаваясь въ изслѣдованія прошедшаго, напомню только о существующемъ различіи настоящаго быта и характеристики нашихъ южныхъ братій отъ быта въ Губерніяхъ Сѣверныхъ. Это различіе замѣтно и въ образѣ жизни, и въ пѣсняхъ, и пляскахъ и языкѣ, и построеніи домовъ.

XL.

Прибавьте къ симъ главнымъ элементамъ, борьбу съ Кочевыми народами, битвы и родство нашихъ южныхъ Князей съ Половцами и вліяніе владычества Монголовъ, замѣтнаго въ самой одеждѣ Малороссіянъ; прибавьте тѣсныя сношенія съ Польшею, цѣлые вѣка бѣдствій, возродившихъ изъ быта Гражданскаго, бытъ Козацкій, на которомъ обращалась вся народная дѣятельность болѣе двухъ вѣковъ, и тогда для васъ будетъ доступна Исторія Малороссіи.

XLI.

Представьте, что изъ нее переселяется часть народа по сосѣдству съ Россіей, вдали отъ Польши и всего Запада, на перепутьи

Крымскихъ Татаръ, съ которыми бьется цѣлый вѣкъ; всмотритесь въ природу, на которой поселились сіи выходцы, и для васъ будетъ понятнѣе внутренняя жизнь *Украйны!*

XLII.

Да! Украйна есть чистое произведеніе Малороссіи: слита съ нею, сближена климатомъ самою мѣстностію, и доселѣ сохранила характеристику своего произхожденія.

Доселѣ въ ней существуетъ *отдѣлъ въ семействахъ:* онъ вошелъ въ обычай и освященъ временемъ. Доселѣ языкъ сохранилъ свою національность и даже самое вліяніе чужеземнаго Запада. Слова: *Крейда, Шмакъ, Шляхъ, Млинокъ, Шмальцъ* и проч., отзываются вліяніемъ Польши и Германіи. * Пляски имѣютъ свой отличительный характеръ: въ движеніи рукъ есть что-то Русское, но кадансъ и *па* или *выкрутасы,* какъ называютъ ихъ Малороссіяне, ближе къ Польскому Краковяку. Обыкновенная изъ плясокъ есть *Козачокъ.* Въ *Гопакѣ, Мятелицѣ* и *Журавлѣ* есть что-то собственно Малороссійское. Пѣсни удивительно разнообразны и дышатъ простосердечіемъ. Во многихъ сохранились воспоминанія Историческія. Многія Думы еще

* Мѣлъ; вкусъ; дорога; путь; мѣльница; сало.

не забыты и исполнены мыслію и чувствомъ. Это отличительный признакъ характера Малороссіи. Здѣсь не было лица, ознаменовавшаго чѣмъ-нибудь свою жизнь, которое бы не почтили думой или пѣснію. *Думы и пѣсни* составляютъ собою *поэтическія лѣтописи*. И могло ли быть иначе, когда цѣлые ряды Гетмановъ и Полковниковъ были грозою страшной для нихъ Польши, или вихремъ мечей вносились въ Крымъ, или запечатлѣли свое имя губительными мятежами! И въ каждомъ изъ сихъ событій участвовалъ послѣдній Козакъ, послѣдній крестьянинъ! Вотъ отчего доселѣ не забыты имена: *Палія*, *Дорошенки*, *Свиговскаго*, *Серпяги*, *Хмѣльницкаго* и др., вотъ отъ чего доселѣ простыя пѣсни и сказки о Героях доставляютъ пищу для разгульныхъ *бандуристовъ и бѣдныхъ стариковъ*.

XLIII.

Характеръ народа и вліяніе природы отпечатлѣлись даже въ самомъ построеніи Малороссійскихъ домовъ. Вспомните прежде Рускую избу. Бѣлая ли она или черная, съ тремя ли большими окнами или съ однимъ волоковымъ, все равно: она выстроена изъ деревянныхъ брусьевъ и обнесена дворомъ, почти всегда наглухо крытымъ. Это замокъ,

обнесенный кольями и соломой. Въ сихъ стѣнахъ крестьянинъ сосредоточиваетъ свое хозяйство, свои желанія. Взгляните на Малороссійскую хату: она почти всегда сдѣлана изъ нѣсколькихъ бревенъ, кольевъ и даже прутьевъ неровно сложенныхъ, крѣпко и гладко замазанныхъ глиной и выбѣленныхъ мѣломъ. Малороссійская деревня издалека похожа на рядъ палатокъ, также чистыхъ, потому что ихъ бѣлятъ каждой праздникъ, а у многихъ каждую Субботу; онѣ также малы, какъ палатки, потому что, при обычаѣ семейнаго отдѣла, въ хатѣ обыкновенно живетъ только мужъ съ женою и дѣтьми, еще неженатыми и незамужними. Эта хата не обнесена глухимъ дворомъ; ея кровля — цѣлое небо; она даже невсегда огорожена плетнемъ, и для каждой потребности есть строеніе, отдѣльное отъ другаго: есть сарайчикъ для загона скота, въ иномъ мѣстѣ погребъ или амбаръ и другія хозяйственныя заведенія. Все это говоритъ, что Малороссіянинъ болѣе надѣленъ дарами природы, менѣе терпитъ отъ жестокости климата и не привыкъ жить одною жизнію своей хаты и своего двора. Это болѣе замѣтно въ Украйнѣ. Она, родная Малороссіи по происхожденію, была военнымъ поселеніемъ XVII вѣка, до половины XVIII вѣка не могла привыкнуть къ хозяйству, и *бездомовность*,

относительно Русскаго быта, составляетъ въ ней одинъ изъ отличительныхъ признаковъ жизни нисшаго класса.

Испыталъ ли кто нибудь изъ васъ всю трудность переселять Русскаго крестьянина съ одного мѣста на другое! Знаете ли вы, какъ тяжело ему снести свою брусенную избу, разломать свой крытый дворъ, расстаться съ своей, часто дурной, деревней! Въ Украйнѣ напротивъ. Здѣсь вы не встрѣтите такихъ затрудненій! Здѣсь я знаю помѣщиковъ, которые переселяютъ крестьянъ цѣлыми сотнями, и въ двѣ, три недѣли возникаютъ новыя деревни: легкія хаты перевозятся, лѣпятся и снова замазываются глиной и мѣломъ, котораго здѣсь изобильно.* Вы даже рѣдко услышите ропотъ за такое переселеніе. Дѣло другое, если будете разлучать родственниковъ, переводомъ ихъ въ другую деревню: тогда чувство человѣческое становится выше обычая! Если Малороссіянинъ почитаетъ себя обиженнымъ, стѣсненнымъ, онъ убѣжитъ, онъ *утечетъ* на Донъ, или въ степи; онъ довольно легко покинетъ свою хату, къ которой не привязанъ,

* Такъ въ *три господскіе дня* переселена Графомъ А. И. Генриковымъ обширная деревня *Лиманная*. Въ Понедѣльникъ перевезены хаты, во Вторникъ ихъ сложили, въ Среду замазали глиной. Остальные три дня работали на себя. Въ Воскресенье выбѣлили стѣны—и деревня готова!

подобно Русскому крестьянину, ни огромною семьею, ни удовольствіями хозяйства.

Симъ я оканчиваю изслѣдываніе Исторической жизни и характеристики Украйны, и перехожу къ ея настоящему состоянію.

XLIV.

Но съ чего начать?

Украйна при первомъ раздѣленіи на Губерніи Петромъ Великимъ была частію Кіевской Губерніи, потомъ частію Бѣлогородской, а теперь составляетъ особенную Слободско-Украинскую Губернію. Нѣкоторыя части ея отошли къ Екатеринославской и Воронежской. *

Гражданское устройство и раздѣленіе жителей на классы, какъ и вездѣ.

Начиная отъ Земскаго суда до Палатъ, отъ Волостнаго до Губернскаго Правленія, отъ земледѣльцевъ до высшаго Дворянства и

* Петръ Великій въ 1708 году раздѣлилъ всю Россію на 8 Губерній: 1) Московскую (Губернаторомъ-Стрѣшневъ), 2) Ингерманландскую (Менщиковъ); 3) Смоленскую (Салтыковъ); 4) Архангельскую (Голицынъ); 5) Казанскую (П. М. Апраксинъ); 6) Азовскую (Ѳ. М. Апраксинъ), 7) Сибирскую (Гагаринъ) и 8) Кіевскую (Князь Дмитрій Михайловичь Голицынъ). Къ сей послѣдней, а частію къ Азовской причислена Украйна. Съ 1726 г., она была причислена къ *Бѣлогородской* Губерніи. А при новомъ раздѣленіи Россіи въ 1765 г., составила особенную Слободско-Украинскую. Ея южная часть отошла къ Екатеринославской, а Острогожскъ съ Восточною частію къ Воронежской.

Духовенства, все, какъ и въ другихъ Губернiяхъ. Крѣпостные крестьяне работаютъ на барщинѣ, у казенныхъ есть свои Головы и Писари. Однимъ словомъ всѣ Гражданскiя формы въ Украйнѣ тѣ же, какъ и во всей Россiи.

Изъ прежнихъ преимуществъ осталось вольное винокуренiе во всей части по лѣвую сторону Донца, со взиманiемъ съ помѣщика за каждую душу по 2 р.

Раздѣлъ семействъ очень вредитъ хозяйственной части. Нерѣдко имѣя 8 воловъ, на которыхъ здѣсь пашутъ плугомъ, отецъ отдѣляетъ женатаго сына и даетъ ему 4 вола; а сынъ, продавши изъ нихъ двухъ, покупаетъ на эти деньги хату. Такимъ образомъ, отецъ перестаетъ быть хорошимъ хозяиномъ, потому что его 4 вола не могутъ тащить плуга, и онъ долженъ *спрягаться* * съ сосѣдомъ, или съ сыномъ, который съ своими двумя волами скоро приходитъ въ бѣдность. Но обычай силенъ, и когда мнѣ случалось представлять крестьянамъ невыгоду подобныхъ раздѣловъ, они не разъ отвѣчали *хоть гирши да инши.* ** А сближенiе семействъ, разъединенныхъ обычаемъ, можетъ

* Т. е. запрягать своихъ воловъ съ чужими.

** *Хоть и хуже, да иначе,* т. е. по своему желанiю, по своей волѣ.

возродить семейныя распри и долго будетъ имѣть вредное влiянiе на самую нравственность.

Причиною бѣдности — обращенiе хлѣба въ вино, такъ что и въ урожайные года не рѣдко онъ привозится сюда изъ Губернiй Курской и Воронежской. Самое положенiе страны, лишенной судоходныхъ рѣкъ, препятствуетъ возродиться промышленной дѣятельности.

Я бы сказалъ еще о разгульи и безпечности жизни Украинцевъ, но она болѣе слѣдствiе, нежели причина ихъ Историческаго быта и самаго свойства страны. Еще бывши Козаками, они перетерпѣли всѣ военныя бури, они привыкли къ безхозяйственной, бездомовной жизни, когда ихъ собственность еще такъ не давно была не обезпечена, когда самая ихъ жизнь измѣрялась битвами, и счастье жизни рѣшалось мечемъ. Все это, отвлекши ихъ отъ хозяйственности, приучало жить какъ будто на одинъ день, исполняло желанiемъ скорѣе насладиться невѣрною жизнью, — однимъ словомъ, поселило въ ихъ характерѣ безпечность и пользованiе настоящимъ. Вотъ почему они, не говоря уже о влiянiи климата, почвы земли и проч., менѣе расчетливы, нежели Русскiй крестьянинъ; вотъ почему съ улучшенiемъ состоянiя улучшаютъ хату, пищу, одежду, весь образъ жизни; между тѣмъ какъ Рус-

скій крестьянинъ вообще живетъ по пословицѣ: *береги копѣйку на черный день.*

Видѣли ли вы, съ какой безпечностью думаетъ Малороссіянинъ о полевой работѣ: ему не надобно возить на поля навозу, не надобно разметывать его цѣлыми днями, не надобно трудиться управляя сохою. Онъ запрягаетъ въ плугъ воловъ и они, привыкнувши къ дѣлу, вѣрно ходя взадъ и впередъ, и плугъ самъ, безъ управленія, рѣжетъ борозду за бороздою, и тучная земля разверзаетъ свое лоно. Крестьянинъ идетъ только подлѣ него, да какой нибудь мальчикъ погоняетъ переднихъ воловъ, и за малый трудъ обыкновенно получается богатый урожай. Не такъ легко достается хлѣбъ Русскому крестьянину: онъ долженъ унавозить свою землю, вспахать ее и перепахать, и она все еще недастъ ему богатаго воздаянья за труды.*

Посмотрите на Малороссіянина: видите ли, какъ онъ, возвратившись съ работы, неутомленный, идетъ съ своею *жинкою* и дочькою ловить бреднемъ раковъ. Вотъ они уже подошли къ рѣкѣ, женщины отправляются въ воду, бродятъ тамъ часто по грудь, а *чиловикъ* спокойно сидитъ на берегу, выб-

* Я говорю вообще о Губерніяхъ Великороссійскихъ, а Воронежская и Курская и многія *частности* въ бытѣ могутъ составить исключеніе.

равши получше мѣсто, куритъ люльку, и, скрививши свою Козацкую смушковую шапку, поглядываетъ на всѣ стороны, любуется ловомъ, и спокойно идетъ домой; за то *жинка* не знаетъ какъ покупать наряды: ея *чиловикъ* привозитъ ей и *запаску,* и *плахту,* и *очипокъ,* и даже *чоботы* на высокихъ подборахъ.*

XLV.

Пойдемте за ними въ хату.

Вотъ она: бѣдная, безъ крытаго двора. Но какъ она чиста и бѣла! какъ убрана и вымазана ея завалинка! какъ вымыты слепленныя окна! У воротъ лежитъ груда хворосту и щепокъ: это Украинскія дрова; плетень обросъ крапивой и шиповникомъ. На встрѣчу къ хозяину идетъ дворовая собака, высокая, поджарая, съ широкою головою и продолговатою мордою: эта порода собакъ Крымскихъ, она напоминаетъ набѣги, времена военной смуты! Вы подымаетесь на крыльцо.... Но остановитесь, посмотрите: надъ вами висятъ длинныя вязанки яблоковъ, пачки табаку — важнаго условія для Малороссіянина, и капустныя листья, на которыхъ здѣсь

* *Чиловикъ* — мужъ; *жинка* — жена. Запаска, плахта, очипокъ — одежда; *чоботы* — обувь.

обыкновенно пекутъ хлѣбы. Войдемъ теперь въ самую хату. Устройствомъ она похожа на Русскую, но въ ней нѣтъ палатей, она никогда не бываетъ курною, безъ трубы: видите ли, какъ она бѣла, какъ чистъ и гладокъ ея земляной полъ, онъ вымѣтенъ и пересыпанъ пескомъ. Хотите ли посмотрѣть на пищу хозяевъ этой хаты: она бѣдна, но ихъ борщъ вкусенъ, хлѣбъ бѣлъ, все чисто и опрятно. Вслушайтесь въ ихъ разговоры: они вертятся около предметовъ, близкихъ съ крестьянскимъ бытомъ; то вдаются въ пересуды, то въ воспоминанье о дѣдахъ, то переходятъ къ знахарьству какой нибудь старухи, или къ надеждамъ на борщъ съ хорошей свининой, на жирныя вареники и галушки, или къ сладкой мечтѣ прогулять въ первой праздникъ послѣдня *гроши,* которыя еще надѣется получить за мѣшокъ пшена или гречихи. Временемъ вспоминаютъ о предстоящей работѣ; но мысль, что имъ *достане хлиба до новаго* * утѣшаетъ ихъ безпечность. Временемъ полупьяный *чоловикъ* бранитъ свою *жинку,* а *жинка* сидитъ отвернувшись къ окну, покалачиваетъ коваными чоботами и грозитъ ему худыми пеленицами и борщомъ безъ сала, или сердится и бранитъ своихъ ребятъ *бисовыми дитми.*

* Обыкновенное, утѣшительное выраженіе Украинца.

Но есть время, когда живая душа Малороссійская разыгрывается въ веселыхъ пѣсняхъ какого нибудь паробка, или заслушивается сказокъ и думъ какого нибудь старика о дѣлахъ минувшихъ, временахъ Козацкихъ, когда жили *Палій* и *Дорошенко* и *Хмѣльницкій* и *Сагайдачный,* когда Татарская *орда впадала въ Изюмскій полкъ и много шкоды зробила, щобъ ей поганой борщу у глаза не видати.* Иногда сбирается толпа вѣчнокочующихъ *чумаковъ.* Они, поразгулявшись, садятся около огня, разложеннаго среди разбросанныхъ телегъ и разсыпавшихся воловъ, и напѣваютъ свои дикоунылыя пѣсни; временемъ звучитъ торбанъ и сипло напѣваетъ скрипка, и подъ эту музыку и буйныя пѣсни слышенъ шумъ *гопака* или *мятелицы.* Это время народной Поэзіи.

Не измѣряйте сей Поэзіи твореніями Байрона, или Гёте. Она не облечена въ изящныя формы! Не измѣряйте сего веселія своими блестящими вечерами и бездушными кадрилями, которыя часто танцуютъ изъ одного приличія! Нѣтъ, тамъ не найдете принужденія, тамъ все движетъ веселье и наслажденье! Измѣряйте сіи минуты жизни, сіи простыя удовольствія игрою души, полной чувства, которое силится пробиться сквозь кору простоты и необразованности.

Таковъ обыкновенный бытъ Украинца: лѣто и зима, производятъ въ немъ такую же перемѣну, какъ и во всемъ живомъ.

Теперь перейдите въ Русское селеніе.

Кто былъ въ избахъ по проселочнымъ дорогамъ, тотъ вѣрно замѣтилъ, что бытъ Русскаго крестьянина всего болѣе обрисовывается зимою, когда огромная семья часто тѣснится въ дымной, курной избѣ, въ которой два небольшія отверстія служатъ и трубой и окномъ. Такія избы занимаютъ, по крайней мѣрѣ, двѣ трети всего количества крестьянскихъ жилищъ!

Кажется, я вижу, какъ снѣгъ занесъ ихъ до половины! Двери отворены, и дымъ и паръ валитъ изъ нихъ облакомъ. Дѣти сидятъ и ползаютъ по грязному полу: иной жжется горячимъ картофелемъ, катаетъ его, студитъ и беретъ въ ротъ; у инаго овца или теленокъ вырываютъ изъ рукъ кусокъ хлѣба или лепешки; а мать хлопочетъ объ обѣдѣ, таскаетъ дрова, накидываетъ ихъ на огонь, и зябнетъ, и жжется, и бранится, и ѣстъ и молится. . . . . и все это почти въ одно время. Мужъ хлопочетъ или на гумнѣ или поѣхалъ за дровами. Какая нибудь старуха лежитъ на печи и что-то ворчитъ и разговариваетъ сама съ собою, да кошка, сытая мышами, сидитъ противъ огня и, мурлыча, грѣется. . . .

Такъ проходитъ раннее утро. Потомъ печь вытопится; дымъ схлынетъ; двери затворятся; кушанье поспѣло—все подымается съ полу и съ печи, садится за толстый и широкій сосновый столъ, ѣстъ и пьетъ. . . .

Потомъ наглухо закрываютъ *волоковое* окно, и въ избѣ становится жарко, какъ въ банѣ. Всѣ ложатся отдохнуть. Просыпаются, и на дворѣ уже сумерки. Зажигаютъ лучину: она съ трескомъ вспыхиваетъ и освѣщаетъ черныя стѣны. . .

Временемъ поютъ заунывно:

Лучина, лучинушка, лучина березовая,
Что же ты лучинушка не ясно горишь?. .

и веретено крутится и жужжитъ подъ голосъ пѣсни. Временемъ расказываютъ сказки, или пересуживаютъ сосѣдей, или ведутъ заботливое слово объ урожаѣ и хозяйствѣ, или слушаютъ расказы о златоглавой Москвѣ, и ея сорока сорокахъ церквей, и о царѣ—пушкѣ, и объ Иванѣ великомъ, и о колоколѣ, что болѣе хорошей избы.

Это почти единственное время полуотдыха въ быту крестьянскомъ. Это время народной Поэзіи: она льется грустною пѣснію, или фантастическими образами проглядываетъ въ простой сказкѣ, или кипитъ въ буйной пѣснѣ и пляскѣ, какъ бы въ болѣзнен-

номъ припадкѣ души.... Эта Поэзія проста, дика, не оправлена искуствомъ, но въ ней много чувства и раздолья.

Но сіи часы непродолжительны. Вотъ заплакалъ ребенокъ.... его надобно убаюкать и накормить.... Вотъ запѣлъ пѣтухъ.... онъ напоминаетъ объ отдыхѣ.

Начался ужинъ. Снова ѣдятъ и пьютъ.... Лучина догораетъ — гаснетъ — ложатся — и встаютъ съ раннимъ утромъ для дневныхъ трудовъ.

Въ этой семьѣ нѣтъ воспитанія.

Но вся масса тяжелая, необъятная движется впередъ. Самодѣятельность души, вліяніе другихъ народовъ, вліяніе высшаго, болѣе просвѣщеннаго класса — все это, хотя едва замѣтно, ведетъ къ цѣли духовнаго развитія.

Умираютъ поколѣнія, но человѣчество безсмертно: оно ростетъ и мужаетъ и, по возростамъ, мѣняетъ свои одежды.

Цѣль его—наслажденіе; но каждая его часть идетъ къ сей цѣли, своимъ путемъ, съ своею отличительною характеристикою.

XLVI.

Дворянское сословіе въ Украйнѣ, какъ и вездѣ, высшее по образованію! Оно волей и неволей подвергается вліянію времени и часто безотчетно движется поступательно.

Еще досел ѣ ѳеодальная жизнь знатнѣйшихъ помѣщиковъ осталась въ памяти народной и запечатлѣла себя нѣкоторыми зданьями.

Я дивился, слушая, какъ богатые владѣльцы рѣшали свои распри однимъ оружіемъ! Какъ вывозили на поле брани пушки, и какъ послѣ гибели нѣсколькихъ крестьянъ, все оканчивалось веселой, роскошной пирушкой помѣщиковъ — Ѳеодаловъ!

Вслушайтесь въ слова одного изъ нихъ, и вы узнате чуждыя для насъ понятія: *све мое*, говорилъ старый Х., *све мое, земя моя, небо мое, водъі мои и чорти, що у блатахъ — све мое!...*" * И онъ на самомъ дѣлѣ исполнялъ это правило жизни.

Однажды со многолюдной свитой поѣхалъ онъ въ отъѣзжее поле чрезъ деревню Т. Его собака зашла во дворъ къ крестьянину; онъ хотѣлъ ее выгнать, собака укусила его, а крестьянинъ какъ-то неосторожно ударивши, перешибъ ей ногу. Грозному Х. недостаточно было наказать своимъ судомъ чужаго крестьянина. Нѣтъ, онъ велѣлъ своимъ охотникамъ обнести всю деревню соломой, и спалилъ ее до послѣдняго двора.

Однажды испугались чего-то его лошади подъ двѣнадцатью Венгерскими Гусарами, и

* Его Малороссійской выговоръ былъ нечистъ, и часто отзывался языкомъ Сербскимъ.

Х. велѣлъ на мѣстѣ же всѣхъ их перестрѣлять, чтобъ не подумали, что у *Стараго Х.* *лошади могутъ чего нибудь бояться.*

Однажды онъ пріѣхалъ на землю своего сосѣда П. съ ватагою вооруженныхъ людей, и велѣлъ имъ насильно свозить къ себѣ чужой хлѣбъ. П., не имѣвши возможности противиться, упрашивалъ Х., чтобъ онъ изъ дружбы остановилъ насиліе. Но Х. не ссорясь отвѣчалъ: «*коли маешь силу озьми све мое.*» Дѣлать было нечего. П., въ разговорѣ, отвлекъ Х. отъ его толпы вооруженныхъ людей и, выхвативши изъ кобуръ пистолетъ, приставилъ его къ груди Стараго Х.: «*выбирай*, сказалъ онъ, *смерть* — *или вези весь хлѣбъ ко мнѣ на дворъ.*» Неожиданность смутила Х., и онъ согласился на требованія противника. Этаго мало, прибавилъ П.: «*цѣлуй землю и клянись, что ты не будешь мнѣ мстить, и мы останемся друзьями.*» Х. цѣловалъ землю, и какъ благородный Рыцарь, позвалъ къ себѣ на пирушку храбраго сосѣда, и дружно запилъ съ нимъ минутную обиду.

Все это было за 70 и 80 лѣтъ. Быть можетъ, столь насильственные поступки покажутся невѣроятными. Но вспомните состояніе гражданственности за 80 лѣтъ, въ особенности по части судебной, и въ той

странѣ, гдѣ не свершилось столѣтія Татарскимъ набѣгамъ, и гдѣ Полковникъ имѣлъ нѣкогда власть на жизнь и смерть людей!

Еще доселѣ видны въ нѣкоторыхъ имѣньяхъ остатки земляныхъ крѣпостей, нѣкогда защищенныхъ пушками.

Сіи насыпи, вмѣстѣ съ заржавленными пушками, вмѣстѣ съ остатками многихъ редутовъ и крѣпостей, которыя нѣкогда противопоставляли Ордынскимъ набѣгамъ, вмѣстѣ съ неразгаданными изваяніями, разбросанными по широкимъ пустыннымъ степямъ, — все это, безъ словъ, долго будетъ говорить о судьбѣ Украйны!

Дворянство мелкопомѣстное посвящаетъ себя болѣе хозяйственнымъ занятіямъ и службѣ по выборамъ. Отецъ семейства, побывавши въ походахъ, или дослужившись до чина Титулярнаго Совѣтника, устраиваетъ свой хуторъ, прикупаетъ къ нему землю и крестьянъ, разводитъ хорошія груши и дули, дѣлаетъ хорошую наливку и ѣздитъ на охоту и на ярмарки.

Если у него есть дочь, она должна заниматься хозяйствомъ, а до 12 или даже до 14 лѣтъ учится грамотѣ, съ 14-ти знакомится съ уѣздными модами, танцуетъ что-то въ родѣ мазурки — и потомъ, какъ всегда и вездѣ, влюбляется, вздыхаетъ, и выходитъ замужъ.

Если у этого помѣщика есть сынъ, онъ обыкновенно до 10-ти лѣтъ имѣетъ полную волю не учиться. Потомъ ходитъ къ нему дьячекъ или пономарь, потомъ отправляютъ его въ уѣздное училище, и, прямо оттуда, *полелѣявъ* нѣсколько недѣль въ своемъ хуторѣ, отдаютъ въ военную службу—узнать *житье-бытье;* а тамъ, лѣтъ чрез 6 или 8, онъ уже Корнетомъ пріѣзжаетъ въ отпускъ, а тамъ, скоро выходитъ въ отставку, выбираетъ невѣсту, женится и живетъ въ хуторѣ.

Но и онъ, и его дѣти, все движится впередъ, не столько воспитаніемъ, какъ неуловимою, неопредѣленною потребностію времени. Вспомните, что Ясаулы и Сотники часто не знали грамотѣ, часто ничѣмъ не отличались отъ земледѣльца!

Посмотрите на внуковъ высшаго сословія: они не рѣшаютъ спорнаго дѣла саблями и пушками; познакомьтесь съ ними, и вы найдете въ ихъ кругу людей съ новыми понятіями. Правда, ихъ образованіе рѣдко принадлежитъ ихъ странѣ; большая часть воспитывается въ столицахъ, или съ помощію гувернеровъ и учителей. Иные образуются въ Университетѣ, Институтѣ и Пансіонахъ, устроенныхъ въ сей Губерніи; но я знаю уѣзды, изъ которыхъ не поступило ни одного воспитан-

ника въ Университетъ и только два или три въ Гимназію.

Но быть можетъ, при новыхъ пособіяхъ для учебной части, при открытыхъ путяхъ для ученаго человѣка, возродится во всѣхъ сословіяхъ сильнѣйшая потребность образоваться, и онѣ дружно пойдутъ къ высокой цѣли духовнаго развитія!

МЕЧТАНЬЯ.

Дитя мое, мысль моя!
Кто тебя создалъ? не я ли?

Вельтманъ.

МЕЧТАНЬЯ.

XLVII.

Дитя мое, мысль моя!
Кто тебя создалъ? не я ли?

Вельтманъ.

Боже мой! Какъ безконечна и роскошна жизнь наша! Что за дивное созданье человѣкъ!

Въ одинъ день онъ можетъ пережить съ Омиромъ жизнь цѣлаго народа, мучиться и блаженствовать съ Данте; трепетать, задыхаться подъ тяжестью чувствъ Байрона; можетъ восторгаться до Бога—и потеряться въ гармоніи вселенной!

И я, полный мечтанья, воскрешая минувшіе вѣка, видѣлъ, какъ измѣнялось бытіе народовъ; какъ возникали и гибли воинственныя племена! И я чувствовалъ ихъ дивную жизнь, и я прожилъ съ ними цѣлыя столѣтія!

Печенѣгомъ и Половцомъ набѣгалъ я на Русь, бралъ дань, дары, и уводилъ въ свои улусы

Князей и Бояръ; зажигалъ степи, и вѣтеръ— мой товарищь, несъ пламя и дымъ на вражьи дружины, и дружины задыхаясь бѣжали, и наши стрѣлы и арканы летѣли вслѣдъ за ними! Татариномъ гулялъ я по широкому пепелищу селъ и городовъ, одѣвался въ цвѣтныя одежды и принималъ на берегахъ Волги сильныхъ Князей съ ихъ Боярами и данью.

Былъ Славяниномъ, и помню, какъ незнаемыя племена пришли къ намъ, изъ-за моря, изъ отдаленнаго Сѣвера, требовали отъ насъ дани, выгоняли насъ изъ бѣдныхъ хижинъ и землянокъ, рубили наши завѣтныя рощи! О, какъ былъ страшенъ ихъ стонъ! Какъ страшенъ былъ крикъ распуганыхъ врановъ и хищныхъ птицъ.... И Перунъ не спасъ отъ иноплеменной неволи! И наши тяжелыя палицы дробились о щиты иноземцевъ, и наши стрѣлы отскакивали отъ ихъ желѣзной одежды! Напрасно думали мы устрашить ихъ гибельно Игоря: они завоевали племя за племенемъ—и на всю страну положили свой тяжелый мечь и прикрыли ее своимъ щитомъ.

Я помню, какъ ходилъ съ Святославомъ на Грековъ, пѣлъ дикія пѣсни съ его толпами, громилъ села и города, былъ на празднествѣ Цимисхія—и палъ у пороговъ Днѣпровскихъ подъ ударами Печенѣговъ.... О, какъ тяжелы были ихъ ятаганы! Какъ страшно было падать съ высокихъ стремнинъ! Но вотъ мнѣ

послышались сладкія пѣсни Баяновъ: они славятъ Русь, они воспѣваютъ дѣла Владиміра, они влили въ меня новое бытіе и я воскресъ подъ ихъ напѣвы; я чувствовалъ, какъ чистою, духовною жизнію разливался во мнѣ дивный свѣтъ Религіи. Помню, какъ былъ увлеченъ какой-то невѣдомой силой въ Удѣльную борьбу! Помню, какъ тяжело было мнѣ биться съ безпокойнымъ Печенѣгомъ и Половцомъ, какъ сладко было пасть на ихъ костяхъ, запить кровью жажду мести, и заслушаться пѣсенъ о славномъ походѣ нашего Князя! Какъ сильно сковалъ меня дикой Татаринъ своей тяжелой неволей, и какъ распался щитъ его на полѣ Куликовомъ!... и онъ въ ослѣпленіи поднялъ самъ на себя окровавленныя руки!

Какъ я былъ силенъ и высокъ, слушая простыя, вдохновенныя слова Минина! Какъ бился съ враждебной Польшей! Какъ громилъ владѣнья невѣрныхъ съ толпами отчаянныхъ Запорожцевъ и Гайдамаковъ! Какъ задыхаясь леталъ за геніемъ Великаго Петра, проникалъ мыслею въ глубину будущаго и въ свѣтлыхъ мечтаньяхъ творилъ новые, невѣдомые міры! И все пережилъ, перечувствовалъ! Боже мой! Какая роскошь, что за раздолье жизни!

Зачѣмъ же измѣрять эту жизнь короткими годами, жалкими удачами и смѣшными несча-

стіями! Зачѣмъ бѣжать въ толпу свѣта, гдѣ все запылено хаосомъ житейскимъ! Бѣгите къ своимъ мечтаньямъ, бѣгите въ свою душу: она безконечна какъ духъ, и безгранична какъ вселенная! Купайтесь въ ней какъ въ морѣ чистыхъ наслажденій, не забывайте святаго и единственнаго дара небесъ — и вѣруйте, что нѣкогда —

Настанетъ день торжественный, святой
Чудеснаго небесъ предназначенья —
И человѣкъ — еще жилецъ земной,
Духовнаго достигнетъ просвѣтленья!

XLVIII.

Такъ, божественное нѣкогда сольется съ Богомъ! Душа будетъ просвѣтлена Истиннымъ и Прекраснымъ! Человѣкъ потонетъ въ чистыхъ духовныхъ наслажденьяхъ: онѣ конечная цѣль его жизни!

И можетъ-ли быть иначе? Въ немъ проявлены два міра, духовный и матеріальный, но матеріальный поглощенъ духовнымъ и есть только его проявленье. Міръ духовный, сосредоточенный во всеобъемлющей идеѣ Бога, живетъ единымъ проявленьемъ Изящнаго, объемлющаго все Истинное и Благое! Къ чему же стремиться душѣ, какъ не къ своему источнику, не къ Богу!

Да! Наслажденіе Изящнымъ—конечная цѣль человѣчества! Къ нему льется оно чрезъ всѣ вѣка и всѣми путями, и самое *усовершенствованіе* есть только законъ постепенности, есть средство къ достиженію высокой цѣли наслажденья! И что дастъ намъ одно усовершенствованіе? Наполнитъ ли, удовлетворитъ ли оно душу? Не ведетъ ли оно къ чему-то положительному, конечному?

Такъ, оно ведетъ, говорю я, къ чистому, духовному наслажденью, и это наслажденье врожденно человѣку: оно мысль его, чувствованіе, душа! Оно составляетъ внутренную жизнь Человѣчества, о которой пророчитъ душа въ минуты вдохновенья! И всѣ созданья Поэзіи суть только невнятный лепетъ младенца о его высокомъ предназначеньи.

И дерзнетъ ли кто усомниться въ истинѣ? Дерзнетъ ли кто пророческія мечтанья души назвать игрою юнаго воображенья!

Взгляните на Человѣчество! Это младенецъ, едва переступившій за колыбель! Но его колыбель поставлена на пути развитія, его первое безсознательное движенье сдѣлано впередъ къ идеалу жизни! Оно не укрѣпилось въ силахъ, но какъ полно божественнаго вдохновенья! Ему завѣщано быть совершеннымъ!

Вотъ его удѣлъ! Взгляните, какъ въ порывахъ вдохновенья человѣкъ сливается съ Бо-

гомъ! какъ ему доступно, открыто тогда все Истинное, все Прекрасное! Взгляните, какъ доступно творчество душамъ поэтическимъ, даже въ то время, когда онѣ скованы предразсудками, когда бѣжитъ ихъ міръ, и готовый смѣяться надъ чистотою, для него непостижимою, въ то же время безсмысленно дивится силѣ Поэта и робко склоняетъ главу предъ его созданьями! Порою онъ хочетъ обхватить сего гиганта на всемъ его ходѣ, но, безсильный, падаетъ, хватается только за платье и послушно влачится за нимъ.

Видите ли вы все величіе Поэзіи? Чувствуете ли, какъ высоко горитъ надъ Человѣчествомъ звѣзда Религіи Христовой! И неужели душа ваша не отзовется на знакомый голосъ, на родныя слова, неужели она не благоговѣетъ предъ величіемъ своего предназначенья!

Познайте жизнь духа, внутреннюю жизнь Человѣчества! Она слишкомъ свята и колоссальна, чтобы измѣрять ее принятыми и затвержеными эпохами; слишкомъ колоссальна, что бы измѣрить ее самымъ переходомъ отъ состоянія семейственнаго къ состоянію племенъ, городовъ и цѣлыхъ государствъ!

Правда, переходы сіи огромны — и каждый изъ нихъ развивалъ жизнь человѣчества, но всѣ они только *пеленки* сего дивнаго младенца: онъ сниметъ ихъ; онъ укрѣпляется силами духа; онъ ростетъ.... Неужели вы думаете, что сей младенецъ, зрѣющій душою, помня святой Завѣтъ Христа, нѣкогда не станетъ чистъ и свѣтелъ въ мысляхъ и чувствованіяхъ! О нѣтъ —

Настанетъ день торжественный, святой
Чудеснаго небесъ предназначенья —
И человѣкъ—еще жилецъ земной,
Духовнаго достигнетъ просвѣщленья!

XLIX.

Вотъ мое отрадное мечтанье! Оно опять навѣяло небомъ на сердце, опять раскинуло передо мною дивныя хартіи Судебъ, и я вижу великой, святой удѣлъ Человѣчества!

Имъ я измѣряю жизнь народовъ, и вижу, какъ мечтаетъ о немъ ихъ душа, какъ они стремятся къ нему! Чувствую, какъ Ода и Гимнъ просвѣщеннаго, простая молитва и нескладная, дикая пѣснь—полны чистаго изліянія и равно высказываютъ движенія души! Вотъ истинная, внутренняя жизнь Человѣчества!

Вотъ мѣрило жизни народовъ! Имъ должна быть проникнута Исторія; оно должно сливать все настоящее съ минувшимъ, какъ слита сама въ себѣ душа наша. Всѣ событія суть только проявленіе внутренней жизни!

Все различіе въ событіяхъ заключено только въ своевременности, обусловлено міромъ внѣшнимъ, но всегда одно само въ себѣ — въ своемъ Божественномъ началѣ.

Всѣ движенія народа: его дѣянья, его мышленіе, выраженное въ наукахъ, его чувствованія, выливавшіяся пѣснію, словомъ во всей его обширности, во всѣхъ его уклоненіяхъ, бытомъ съ его характеристикою, съ его малѣйшими оттѣнками—все это сливается въ единствѣ внутренней жизни. Она должна быть изслѣдована во всей ея глубинѣ и всеобъемлемости, она должна быть для Историка электрической искрой, которая мгновенно потрясаетъ противоположные концы цѣпи, *минувшее* и *настоящее*. И кому недоступна сія внутренняя жизнь? Кто не сочувствуетъ съ нею — тотъ не Историкъ!

— Тотъ не Историкъ, кто не Поэтъ! потому что у него недостанетъ души, чтобы слиться съ Человѣчествомъ, чтобы обнять его, потому что Исторія есть *законъ* минувшаго, и вдохновенное *пророчество* о будущемъ! Тотъ не Историкъ, кто не мыслитель и не Поэтъ! Только Вико, Гердеры, Боссюеты, Нибуры создали Исторію, только поэтическій идеализмъ Шеллинга и Фихте оживотворилъ ее своимъ ученьемъ. Но сочувствовать можно *чему нибудь*, и это *что нибудь*, говорю я, есть *внутренняя жизнь*

Человѣчества, въ своемъ началѣ и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Мы познаемъ развитіе настоящаго по событіямъ *минувшимъ*, а минувшее освѣтляемъ жизнею *настоящаго*. И тотъ не понимаетъ Исторіи народа, кто не объемлетъ умомъ, не сочувствуетъ сердцемъ малѣйшихъ движеній его внутренней жизни; кто не видитъ, какъ живетъ прошедшее въ настоящемъ; кто думаетъ воссоздать жизнь по однѣмъ лѣтописямъ или остаткамъ искусства, и въ настоящемъ бытѣ не видитъ основныхъ началъ, по которымъ дѣйствовало минувшее, и станетъ дѣйствовать грядущее.

L.

И такъ, чтобы Исторія была проникнута сею мыслію и чувствомъ, чтобы по живой идеѣ развить изъ прошедшаго все настоящее, чтобы освѣтить *прошедшее настоящимъ*, для сего должно, изучивши *прошедшее*, одушевивши его свѣтлою идеею, познать настоящее во всей многосторонности, и слить его съ прошедшимъ во всей полнотѣ, не одной тканью событій, но внутреннею, непрерывною жизнью!

Можно ли же познать настоящее, не видя его, не сливаясь съ нимъ душою?

Нѣтъ! должно умомъ и сердцемъ вглядѣться въ настоящій бытъ народа! Должно быть съ нимъ, видѣть его во всѣхъ измѣненіяхъ, подъ всѣми впечатлѣніями обстоятельствъ и условіями внѣшней природы — однимъ словомъ, должно путешествовать!

LI.

Но съ чего начать?

Вопросъ сей разрѣшаетъ Исторія Государства. Оно имѣло свои узлы, средоточія, изъ которыхъ развивалась жизнь его, которыя были сердцемъ его кровообращенія! И каждый центръ заключался въ опредѣленной мѣстности и характеристикѣ извѣстнаго племени и разливалъ на всю жизнь цѣлаго Государства свой отличительный свѣтъ и свои оттѣнки!

Въ нашей Исторіи было три такихъ узла, три средоточія.

1) Первый узелъ народности я полагаю въ Новгородѣ.

Онъ отличенъ отъ сосѣднихъ Славянскихъ племенъ и политическимъ устройствомъ, и домашнимъ бытомъ, и нарѣчіемъ языка.*

* Монне замѣчаетъ различіе Новгородскаго язычества отъ Кіевскаго. См. Uebersicht der Gesch. des nordisch. Heidenth.

Изслѣдуя внутреннюю жизнь его, при глубокихъ познаніяхъ фактовъ, должно изучить его древніе, уцѣлѣвшіе памятники, вникнуть въ его обычаи, въ повѣрья, въ самые предразсудки, уклоненья языка, въ очертаніе лица, которымъ доселѣ такъ рѣзко отличаются жители нашихъ разныхъ Губерній, и все это слить въ единый результатъ, одушевить идеею, слить настоящее съ прошедшимъ, и объяснить отличительную характеристику Новгорода, которая вѣрно доселѣ не изгладилась ни временемъ, ни обстоятельствами,—и изъ сей характеристики, какъ изъ души и дѣятеля Новгородской жизни, объяснить всѣ дѣйствія сего племени, вліяніе его на всѣ Княжества; дать мѣсто въ настоящемъ устройствѣ и цѣлости Государства, и, быть можетъ, опредѣленно сказать о его происхожденіи.

Окружность сего средоточія опредѣляется имъ завоеванными областями и непосредственнымъ на нихъ вліяньемъ; для сего необходимо изслѣдываніе настоящаго быта во всѣхъ его оттѣнкахъ, въ прежнихъ областяхъ *Двинской*, *Печорской* и проч., или въ нынѣшнихъ Губерніяхъ С. Петербургской,* Вологодской, Олонецкой, Архангельской, Перм-

* Уже въ XII столѣтіи Новгородъ владѣлъ землями около Ладожскаго озера. Въ 1114 г., укрѣплена старая Ладога.

ской и Вятской, гдѣ даже главный городъ населенъ колоніей изъ Новагорода.

2) Вторымъ узломъ политической дѣятельности и народности былъ Кіевъ. Я уже высказалъ мои мысли о разительномъ отличіи Южныхъ Славянскихъ племенъ отъ Сѣверныхъ, о различіи племени чисто-Русскаго отъ Малороссійскаго. Это различіе доселѣ рѣзко обрисовывается въ каждомъ движеніи, въ малѣйшемъ біеніи жизни сихъ племенъ. Предстоитъ живое, полное изслѣдываніе ихъ характеристики, ихъ внутренняго дѣятеля, которымъ движутся всѣ событія, который отражается въ малѣйшихъ оттѣнкахъ быта и который вполнѣ живъ доселѣ.

Окружность, описанную изъ сего средоточія, опредѣлить трудно: область Сѣверская, часть Подоліи, Волыни и нынѣшняя Украйна — вотъ главная масса нашихъ Южныхъ племенъ.

Изслѣдываніе малѣйшихъ остатковъ отъ памятниковъ древности, при изученіи умомъ и сердцемъ внутренней жизни сего народа, навѣрное прольетъ новый свѣтъ на Исторію нашего *не — Новогородскаго Сѣвера*, который составляетъ

3-й узелъ.

Самые города, рѣки, монеты, самый удѣлизмъ — все занесено сюда съ Юга, и все

преобразовалось дыханіемъ народности въ мысль о смерти Удѣлизма, о началѣ Единодержавія.

Да! напрасно думаютъ объяснить однимъ произволомъ Татаръ гибель нашего Удѣлизма! Нѣтъ, онъ и безъ ихъ вліянія долженъ былъ погибнуть на почвѣ, не дающей ему пищи для жизни.

Къ сему узлу принадлежатъ Губерніи: Московская, Владимірская, Тверская, Костромская, Ярославская, Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская и даже Курская.

Изслѣдываніе столь отличительной характеристики во всѣхъ ея уклоненіяхъ, сравнительно съ другими племенами, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ Историческихъ вопросовъ.

Остальныя части Россіи должны подвергнуться столь же глубокому и проницательному изслѣдыванію съ бытомъ ихъ народа и съ самымъ свойствомъ и вліяніемъ ихъ природы! Но онѣ уже составляютъ вопросъ, нѣкоторымъ образомъ второстепенный, онѣ имѣли сильное вліяніе на судьбу нашего отечества, но не сдѣлались узломъ, изъ котораго самобытно развивалась его внутренняя и политическая жизнь: онѣ стоятъ на окружности.

Изъ нихъ главнѣйшія: Нижегородская, Казанская и вообще всѣ низовыя Губерніи, Крымъ, Губерніи Остзейскія, и преимущественно, для понятія цѣлости Государства, Сибирь, Кавказъ и Губерніи, присоединенныя отъ Польши и Швеціи.

Сіи страны должно изслѣдывать этнографически, по племенамъ, изъ которыхъ Финнское, Татарское и Германское, въ историческомъ отношеніи, занимаютъ важнѣйшее мѣсто. Изученіе ихъ быта, ихъ языка, при изученіи ихъ Исторіи, прольетъ свѣтъ на вліяніе, произведенное ими на отечество наше и укажетъ мѣсто *во цѣломъ*.

Сибирь, по своей обширности, предѣламъ, обнесеннымъ каменными хребтами или океанами, по своей разноплеменности, по своему богатству и даже бѣдности, требуетъ огромнаго изслѣдованія для понятія настоящаго, даже для политической судьбы Европы, Азіи и Америки.

Каждый изслѣдываемый узелъ и каждое племя имѣетъ еще свои второстепенные узлы. Такъ, въ окружности, описанной изъ Кіева, почти столько же значительны Черниговъ и Новгородъ Сѣверскій, потомъ дальнѣйшія точки окружности—Запорожье, Украйна и

Волынь. Каждая изъ сихъ странъ опять имѣетъ свои средоточія, или въ древнихъ городахъ, или въ мѣстахъ, которыя менѣе другихъ измѣнились въ своей сущности.

По многимъ отношеніямъ женскій полъ имѣетъ преимущество для изслѣдывателя, потому что онъ, не вмѣшиваясь въ политическую дѣятельность, привязанный къ домашнему быту, болѣе сохранилъ древности. Это всего замѣтнѣе въ рѣзкомъ различіи женской одежды, въ каждомъ уѣздѣ, между тѣмъ какъ мужское платье почти одинаково во всей Россіи.

Вотъ колоссальное предпріятіе, которымъ такъ полны мои думы и мечтанья! — Боже мой! какъ радостно оживаетъ душа, когда я вижу, когда только воображаю всѣ начала Историческихъ событій живыми въ живыхъ племенахъ! И я изслѣдую сіи начала не въ однѣхъ лѣтописяхъ, но въ умѣ и сердцѣ и самыхъ заблужденіяхъ настоящаго поколѣнія! И я переживаю цѣлые вѣка и всѣ переливы жизни!

О, дайте мнѣ крылья! Я чувствую себя сильнымъ раскрыть этотъ новый свѣтлый міръ! Сочувствуете ли вы мнѣ? бьется ли у васъ восторгомъ сердце? или вы безчувственны и смѣетесь надъ чистымъ мечтаньемъ юноши?..

Но я оставляю васъ, я слишкомъ глубоко проникнутъ моей идеею, я влекусь за моимъ мечтаньемъ и быть можетъ.... Но это — *надежда*...

О, дай узрѣть твое осуществленье!
Лишь дай мнѣ день одинъ себя обнять,
И страстно къ пламенной груди прижать,
И потонуть въ душевномъ упоеньи!

ЭПИЛОГЪ.

ЭПИЛОГЪ.

Вотъ мой трудъ, онъ конченъ.

Но передалъ ли я вамъ свои мысли, свои чувствованія, передалъ ли душу мою? Нѣтъ, это не во власти автора!

Знаете ли вы процессъ магнетизма? Вы знаете, что магнетизеръ вливаетъ въ больнаго свои силы, свою душу, но не можетъ сдѣлать его подобно себѣ и сильнымъ и полнымъ жизни. Вы знаете, что больной принимаетъ отъ магнетизера тѣмъ болѣе, чѣмъ душа его чище и нѣжнѣе, вѣра непоколебимѣе, и весь онъ гармонически слитъ съ міромъ и людьми. И тѣмъ успѣшнѣе дѣло магнетизера, чѣмъ оно для него святѣе, чѣмъ болѣе чуждо для него все преходящее и мелочное. Тогда одно чистое его желѣнье, одна сильная воля—и все почувствуетъ его живительное прикосновеніе, одинъ его взглядъ, самую мысль его!

Теперь вы знаете и силу автора, онъ — магнетезеръ! Тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на васъ его мысли, его чувствованія, чѣмъ онѣ глубже, пламеннѣе, сильнѣе наполняютъ и волнуютъ его душу, чѣмъ святѣе для него все истинное и прекрасное. Но его сильное созданье понятно, близко сердцу только при гармоническомъ настроеніи души читателя, при полной готовности принять все чистое и возвышенное.

Есть субъекты, которыми не овладѣетъ никакой магнетизеръ, которымъ онъ не въ силахъ перелить и капли жизни.

Но если душа ваша растворена чистотою, спокойствіемъ, какой-то всемірной любовію, если она открыта для всѣхъ святыхъ впечатлѣній; тогда вы жадно поглощаете силы автора, вы влечетесь за его мечтой, за его мыслями; онѣ становятся близки для васъ, вы сроднились съ ними всѣмъ бытіемъ!

Но и тогда авторъ не передастъ вамъ всей души своей, какъ магнетизеръ не передаетъ всѣхъ своихъ силъ! И вы примете, сколько позволитъ принять ваша вѣра, вы погрузитесь въ думы, взволнуетесь чувствованіями, но ваша душа не сдѣлается душою автора!

Если бы, читая творенія Шеллинга съ полнымъ понятіемъ, съ полнымъ сочувствіемъ

къ его дивнымъ идеямъ, мы обняли, усвоили всю его душу, тогда мы сами стали бы думать какъ Шеллингъ, въ насъ была бы его душа, мы стали бы Шеллингомъ! Или, когда бы Сафо вполнѣ передала намъ губительную страсть, и мы могли вполнѣ принять ее душою, мы бросились бы въ море! Мы бы убѣжали въ глубокой тоскѣ на край свѣта, когда бы усвоили душу Байрона!

Нѣтъ! Мы не въ силахъ усвоить души автора! Это выше нашей природы. И авторъ не передаетъ вполнѣ своихъ мыслей, своихъ мечтаній, онъ долженъ искать для нихъ красокъ, кисти, рѣзца или слова — и краски и кисть и рѣзецъ стѣсняютъ душу автора. Рафаель былъ выше его Мадонны, потому что безконечное выше конечнаго, и выраженье ниже своего идеала; вѣрно чувства Байрона мрачнѣе, глубже его твореній, и міръ идей Шеллинга стройнѣе, свѣтлѣе его созданій!

Степень воодушевленья и объемлемости, съ которой передаютъ сіи идеи и мечтанья — вотъ чѣмъ отличается полетъ и сила автора; чистота и готовность воспріемлемости — вотъ чѣмъ различаются читатели.

Не знаю, что ожидаетъ мое творенье, холодной ли привѣтъ, или сочувствіе душъ чистыхъ? Задумается ли читатель надъ моими мыслями, разовьетъ ли изъ нихъ новый,

стройный міръ, направитъ ли за мной полетъ въ міръ сладкихъ мечтаній? Сойдетъ ли въ свою душу для высокаго самонаслажденія — Незнаю!

Но я былъ полонъ моихъ думъ и чувствованій — и онѣ долго были жизнію моей души! Онѣ раскидывались для нее стройнымъ и безконечнымъ храмомъ: теперь мнѣ тяжело, мнѣ жалко съ ними разстаться! Страшно сдѣлать ихъ источникомъ, изъ котораго можетъ пить каждый, къ которому, быть можетъ, безчувственно прикоснутся нечистыми устами.

О, я хотѣлъ бы съ сими думами и мечтаньями прожить цѣлый вѣкъ, хотѣлъ бы жить съ ними за гробомъ!

Татьянѣ Петровнѣ

Пассекъ.

Aimez, et vos desirs seront remplis; aimez, et vous serez heureux; aimez! L'amour est une flamme qui brûle dans le ciel, et dont les doux reflets rayonnent jusqu'à nous! Deux mondes lui sont ouverts; deux vies lui sont données: c'est par l'amour que nous doublons notre être; c'est par l'amour que nous touchons à Dieu!

Aimé-Martin.

Свершится ли мое желанье?
Увижу-ль сладкій я привѣтъ,
И приметъ ли радушно свѣтъ
Души простое изліянье?...

Не знаю я!

Но ты, мой милый другъ, мой другъ прелестный,
Меня ты сердцемъ поняла,
И дивно въ душу мнѣ влила —
И свѣжесть думъ и свой восторгъ небесный!

И я мечталъ, тобою вдохновенный!
И жизни радости испилъ,
И цѣлый міръ я полюбилъ —
Твоей, мой другъ, любовью обновленный!

Кому же посвятить души моей и думы и мечтанья? Ихъ создала твоя любовь: онѣ твои!

Такъ обширное море волнуется... кипитъ... и выбрасываетъ изъ своей глубины волну за волною, и онѣ бѣгутъ на землю и разсыпаются перлами по песчаному берегу, или бьются о гранитныя горы — и просятъ раздолья, и тяжело стонутъ, и снова бѣгутъ въ свое глубокое море...